А. И. КУЗЬМИН

СЕМЬЯ НА УРАЛЕ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

A. I. KUZMIN

FAMILY IN THE URAL

CHOICE OF LIFE:
DEMOGRAPHIC ASPECTS

EKATERINBURG
«NAUKA»
1993

ВВЕДЕНИЕ

Объектом региональных демографических исследований все чаще становится семья, проблемы ее влияния на воспроизводство населения и замещение поколений. Значение этой темы в условиях экономики, обращающейся лицом к человеку и его потребностям, возрастает. Конкретные социально-демографические обследования семьи позволяют не только проследить в историческом плане ее судьбу, но и определить будущее. Последнее особенно важно для практики социального проектирования и разработки прогнозов различного типа и мер демографической политики на определенной территории. Демографический облик Урала — района традиционного промышленного развития — мало чем отличается от облика большинства малодетных территорий страны. Его социально-демографическое развитие отягощено характерными для России проблемами малодетности и суженного режима замещения поколений, младенческой смертности и потерь от смертности в трудоспособных возрастах, оттока населения за пределы региона, дробления семейной структуры, роста числа неполных семей и разводов, постарения населения и роста одиночества, деформации половозрастной структуры населения села, отставания в показателях развития социальной инфраструктуры и т. д. Урал относится к территориям, которые в целом завершили свой переход к современному «типу» смертности и рождаемости, и воспроизводство населения здесь достигается уже не за счет столь больших «демографических потерь», как в прошлом, однако последние могут быть существенно снижены. При этом многое сегодня зависит не столько от объективных условий, сколько от семьи и личности — их демографического поведения, отношения к числу и срокам рождения детей, продолжительности жизненного пути, установок на брак и внебрачное поведение. Но и в этом региональная специфика уже значительно утеряна.

И все-таки Урал отличается от сопредельных территорий не столько влиянием на воспроизводство населения и семью географических и природно-климатических факторов, сколько своей демографической историей. Кроме того, изучение региональных особенностей социально-демографического развития семьи в старейшем промышленном регионе позволяет глубже проникнуть

в суть глобальных общих тенденций, понять их «интернациональный» характер.

Замысел данной книги заключается в том, чтобы показать, каким образом и насколько быстро произошел на территории Урала переход к малодетным структурам семьи. По мере исследования в центр изучения этого явления выдвинулась проблема изменения структуры мотивации к рождению определенного числа детей. Автор стремился получить и обобщить конкретные эмпирические данные, позволяющие подтвердить трансформацию рационального отношения к деторождению в семьях разного уровня детности. Наряду с этой центральной темой в монографии делается попытка раскрыть взаимосвязь репродуктивного и самосохранительного поведения.

Логика исторического и социально-демографического подхода к изучению проблем малодетности и самосохранительного поведения определила и структуру изложения материала. В первой главе работы рассматриваются динамика численности и естественного прироста населения Урала в XIX—XX вв., эволюция демографического поведения семьи. Во второй главе проанализированы характер изменения ценности детей и мотивы рождаемости, включая этнодемографические аспекты репродуктивного поведения, факторы жизненной ситуации семьи и личности, проблемы молодой семьи. В третьей главе намечены направления разработки проблем самосохранительного поведения, выделена основная его направленность, обобщены данные по изучению мнений о здоровье и продолжительности жизни.

Поскольку основная проблема книги связана с переходом семьи к малодетности и снижением рождаемости, то следует отметить, что причины этого явления оцениваются нашими демографами неоднозначно. Это вполне объяснимо с позиции истории отечественных демографических исследований. В 20—30-е годы к изучению мотивов, ограничивающих стремление к деторождению, проявляли интерес такие известные советские исследователи, как В. В. Паевский [156], А. П. Хоменко [226], С. А. Томилин [207], С. А. Новосельский [149]. В. В. Паевский подчеркивал несовершенство разработки мотивов прерывания беременности и, тем не менее, выявил небольшую долю ссылок на тяготы многодетности в семьях безработных с большим числом детей. А. П. Хоменко указывал на процесс перестройки патриархальной семьи и снижение стандартов детности, С. А. Томилин вообще был против признания существования у человека некоего инстинкта размножения, но и не соглашался с положением об «автоматизме» человеческой репродукции. На материалах специального обследования (1927 г.) он обосновал снижение стремления крестьян иметь большое число детей [207, 142, 156]. Нечто подобное предпринял в 1926 г. статистик Д. И. Мерхалев, обративший внимание в ходе обследования 975 крестьянских семей на «земельные» и «хозяйственные» стимулы повышенной рождаемости [132]. Другой исследователь социальной статистики населения Урала — Ф. Н. Лебедев — опирался в оценке тенденций рождаемости на расчет повозрастных коэффициентов рождаемости. Ф. Н. Лебедев — один из немногих, кто вообще предлагал разделить понятия рождаемости и плодовитости и пытался соотнести статистически уровень физиологической плодовитости с показателями брачной рождаемости [118].

Собственно «ограничительная» концепция рождаемости в 30-х годах так и не оформилась, тем более, что исследования С. А. Новосельского, С. Г. Струмилина достаточно точно подтвердили существование и при социализме феномена обратной связи уровня рождаемости и уровня благосостояния семьи [198]. Механизм этой связи так и не был раскрыт [194], несмотря на прилагаемые значительные усилия, что побудило в конце концов признать влияние социально-психологических промежуточных факторов.

Характерно, что настоящий расцвет в исследовании ограничительных мотивов рождаемости наступил в послевоенный период — в 60—70-е годы. Ограничительная модель рождаемости остается популярной до сих пор и находит своих теоретических защитников (Я. И. Рубин [180, 181]), правда, в терминах концепции потребности в детях, т. е. фиксируется достаточно высокий уровень желаемого числа детей [180, 206]. В духе этой традиции на Урале исследовались проблемы демографического поведения семьи Г. М. Коростелевым [108], И. П. Мокеровым [137], А. А. Петраковым [161, 164], Д. И. Пономаревым [171], М. Я. Подлужной [168], С. А. Топчиловым [211, 212], А. П. Шендерецкой [233]. Исследования В. С. Гельфанда [67] и М. С Тольца [208, 209] посвящены в основном влиянию брачности на рождаемость и по духу близки взглядам А. Г. Вишневского. А. А. Петраков — один из немногих уральских исследователей семьи, кто в дальнейшем перешел к изучению побудительных мотивов рождения детей [161, 162]. При выборочном обследовании 266 женщин, вступивших в брак в 1960 г., С. А. Топчилов применил индикаторы идеального и ожидаемого числа детей на момент вступления в брак и десять лет спустя, установил мотивы отказа женщин от третьего ребенка в семье, выявил частоту бесплодия, абортов, а также констатировал факт, что на исход первой беременности материальное и жилищное положение женщин не оказывает ощутимого влияния [211, 212].

В настоящее время наиболее концептуально оформлены точки зрения сторонников гомеостатического регулирования рождаемости в обществе и приверженцев теории убывания потребности личности в детях. Первая позиция представлена в основном работами А. Г. Вишневского [43—57] и солидаризирующихся с ним авторов, например С. И. Голода [70], вторая — исследованиями А. И. Антонова, В. А. Борисова и их сторонников [9—12, 29—34]. Обзор многочисленных точек зрения на суще-

ствующие концепции рождаемости содержится не только в трудах указанных авторов, но и в книге В. В. Елизарова [81] или, например, в докладе Л. Л. Рыбаковского и О. Д. Захаровой на Втором советско-французском демографическом семинаре в 1986 г. в Суздале [183]. Следует отметить, что на становление концепции «гомеостатического» регулирования рождаемости в основном повлияли труды зарубежных исследователей. В то время как Ю. А. Корчак-Чепурковский обратил внимание на необходимость социологическим путем изучить, почему в обществе рождаемость устанавливается на уровне, способном уравновесить разрушающие силы внешней среды [109], во Франции А. Ландри завершил разработку идеи последовательной смены трех типов репродуктивного поведения в обществе созданием концепции демографической революции. По мнению В. А. Борисова, приоритет А. Ландри в этом вопросе не доказан, поскольку за пять лет до выхода его «Демографической революции» [1929 г.] появился труд «Проблема населения во Франции» Л. Рабиновича. В книге концепция «демографической революции» связывается, помимо всего прочего, с последовательной сменой исторических способов производства [30]. Не вдаваясь в анализ противоположных точек зрения на рождаемость и промежуточных позиций (Л. Е. Дарский, В. В. Бойко [24—26]), можно констатировать заметное сближение взглядов сторонников «демографического гомеостаза» и «убывания потребности» в детях. Несмотря на преднамеренное создание системы собственных терминологических ценностей — языка своей парадигмы, они все чаще говорят на общем языке. Сторонники гомеостатического регулирования рождаемости интенсивно используют термин «потребность в детях». Противоположная сторона признает, что никогда, собственно, и не отрицала идею демографического перехода. Однако наибольшей эволюции за последние полтора десятка лет, на наш взгляд, была подвержена позиция демографического гомеостаза. Попробуем доказать это на примере развития взглядов А. Г. Вишневского. Условно они укладываются в три этапа. Первый — «дореволюционный» — характеризуется попытками применить историко-системный подход к изучению демографических проблем, например, оптимума населения [47, 57]. В начале 70-х годов появилась серия статей, а в 1976 г.— монография «Демографическая революция» [48]. В последующий десятилетний период происходит становление советского варианта концепции демографического гомеостаза и адаптации схем демоперехода к истории и территории СССР. В эти плодотворные годы основными атрибутами концепции А. Г. Вишневского выступали: вера в существование эффективного механизма регулирования рождаемости и смертности [48, 50]; отрицание феномена многодетности и потребности в большом числе детей в прошлом [44, 52]; скачкообразное резкое изменение в соотношении экзо-эндогенных факторов смертности [53], а затем и рождаемости [53]; деструктивно-конструктивная функция демореволюции, повышение ценности детей в современной семье благодаря «детоцентристской ориентации» родителей, в отличие от прошлого (до промышленной стадии развития общества), когда не было свободы выбора в числе и сроках рождения детей; революционное обновление культурных и поведенческих норм, тезис о демографической революции как части более широкой социальной, экономической, политической и культурной перестройки общества в СССР [44, 45, 50]. В публикациях ощущается высокий уровень полемического задора, при попытках анализировать разрушение старой системы прокреационного поведения используются элементы методик оппонентов [44, 50]. Во второй половине 80-х годов в публикациях А. Г. Вишневского заметно беспокойство по поводу снижающегося ниже оптимального уровня рождаемости. Высказывается мысль о существовании некой депрессивной фазы демоперехода в СССР [45, 54, 55], появляются пессимизм в оценках перспектив рождаемости [54—56], признание того, что население России стоит у критической черты депопуляции, указание на нерешенность позитивной задачи демографической революции в СССР, необходимость совершенствования мер демографической политики для успешного формирования и функционирования советской семьи [55, 56]. В контексте практически исчезает тезис о детоцентризме. Отрицание потребности в детях в прошлом сменяется положением о слитности данной потребности в традиционных обществах с другими потребностями человека, усиливается внимание к эволюционному рассмотрению процессов рождаемости и смертности (прокреационных и витальных отношений в обществе). Таким образом, налицо явная коррекция защищаемой ранее позиции, что вызвано не только влиянием критики, но прежде всего новейшими разрушительными тенденциями в развертывании демографических процессов в стране. Все это свидетельствует о значительном научном потенциале противоположной концепции уменьшения потребности в детях, которую почему-то часто, не разобравшись в ее сути, стремятся представить как сугубо утилитарную, или «полезностную». Это огрубление никак не соответствует попыткам сторонников данного подхода рассмотреть рациональное отношение человека к результатам своего демографического поведения, причем основным регулятором такого поведения признается не полезность, а именно потребность в детях, в активном долголетии и т. д. Последнее не противоречит ни системному, ни историческому подходу, что подтверждается и материалами, собранными в этой книге. Если вопрос о потребности самосохранения в демографической литературе разработан недостаточно, то определение потребности в детях [10, с. 112] и репродуктивного поведения [32, с. 16] уже доказало свою жизнеспособность и валидность.

Согласно концепции А. И. Антонова [10] и В. А. Борисова [32], динамика рождаемости связана с факторами, препятствующими удовлетворению потребности в детях, и с причинами изменения самой потребности, причем именно второе и объясняет общий тренд и глобальную тенденцию.

Потребность в детях изменчива как в системе жизненных ценностей индивида, так и по своему внутреннему содержанию. В контексте истории это можно объяснить так. По мере исторического развития общества происходит отделение репродуктивного поведения от сексуального, жесткая связь между половым инстинктом и желанием иметь детей окончательно разрушается в современном обществе. Потребность в детях становится главным регулятором репродуктивного поведения и рождаемости вообще. Ход истории изменяет структуру функций семьи так, что увеличивается внесемейная ориентация личности, чему способствует переориентация всех источников жизнеобеспечения именно на индивида, а не на семью. Социальная и экономическая заинтересованность родителей в рождении большого числа детей (в том числе сколь угодно большого) падает. В структуре традиционной мотивации рождаемости происходит перелом, смысл которого заключается в том, что мотивы, направленные на социально-психологические ценности детей для родителей, приобретают монополию как регуляторы поведения. В результате происходит постепенный и все убыстряющийся переход от существовавшей тысячелетиями многодетной культуры семьи и общества к промежуточному этапу — среднедетности (три-четыре ребенка) и от него — к малодетному образу жизни. В различных этнических и социальных средах скорость этого перехода не одинакова, что порождает явление дифференциальной рождаемости. Переход к малодетному образу жизни обусловливает в обществе неблагоприятные тенденции постарения населения и неизбежно ведет к депопуляционным процессам.

В аналогичных социально-демографических и психологических концепциях рождаемости за рубежом переход к малодетности описывается в терминах сокращения «семейного оптимума» [195], подрыва «власти отца и господина» [195], изменения «ценности и антиценности» [241] детей, которые рассматриваются как итог «внутренних и внешних даров и жертв родителей» [240]; предполагается, что в процессе развития общества и семьи «поток выгод и даров», идущий от детей к родителям, постепенно повернул на 180 градусов [244], рациональная, с точки зрения традиционной семьи — высокая (неограничиваемая) рождаемость потеряла в современном обществе свой смысл и стала действительно «нерациональной» [244].

В рамках регионального социально-демографического исследования представляется возможным проверить надежность и достоверность приведенных соображений и концептуальных положений относительно убывания потребности в детях.

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕМЬИ НА УРАЛЕ

1.1. ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Опыт исторического развития населения Урала показывает в долговременной исторической ретроспективе, что демографические процессы в старейшем военно-промышленном районе России находились под сильным влиянием миграционного притока и высоких показателей естественного прироста населения.

Учитывая, что неолит дал мощный толчок росту и перемещению населения на территорию Урала со стороны Волжского региона и Камы, оценить гипотетическое количество населения в современных границах Урала очень сложно. Следует согласиться с тем, что до начала неолитической революции флора и фауна территории Урала могли обеспечить существование сети малых популяций общей численностью населения не более 30 тыс. человек [138]. Охота и зарождение рыболовства в эпоху позднего мезолита (VI тысячелетие до н. э.) вряд ли могли быть источником устойчивого существования даже столь небольшой численности людей. Неолитическая революция кардинально изменила условия жизни коренного населения Урала и стимулировала развитие примитивной сети поселений. Система расселения в эпоху бронзового и железного веков была чрезвычайно неоднородна и зависима от миграций, вызванных природными и ландшафтными условиями. Численность угро-тюркского населения в раннефеодальный период до сих пор неясна. Толчок динамике населения дала русская колонизация Урала (до реформы 1708—1710 гг. территория Урала почти полностью входила в состав Верхотурского, Кунгурского, Тобольского уездов Сибири и Уфимской провинции). По данным первых ревизий 20—60-х годов XVIII в., численность населения в Пермской и Оренбургской губерниях изменялась следующим образом: при первой ревизии (1719 г.) учтено 575,7 тыс. человек, ко времени второй (1745 г.) — 702,6 тыс. (рост в 1,22 раза), в результате третьей ревизии (1762 г.) записано 893,4 тыс. человек (рост в 1,27 раза) [91]. К 1796 г. население увеличилось до 1,7 млн человек. При столь невысокой начальной величине населения и интенсивном освоении края темпы динамики впечатляющи, они, естественно,

превышали и рост российского населения в целом. Однако, если из общего числа учтенных по ревизиям (исходные данные рассчитаны В. М. Кабузаном) исключить число русских и украинцев, то численность коренного населения будет более чем скромной, и это с учетом временно́го лага динамики длиной почти в пять тысяч лет! В таком случае численность коренного населения по первой ревизии 1719 г. составит 218,8 тыс. человек, по второй ревизии 1745 г. она вырастет до 225,6 тыс. и по третьей ревизии 1762 г. дойдет до 252,7 тыс. человек. Эти цифры в первую очередь говорят о мощном росте населения Урала под влиянием колонизации и проникновения русских (по оценкам В. М. Кабузана, доля миграции в динамике роста населения составляла, например по Оренбуржью, в этот период до трех четвертей). Понятно, что коренное население в ходе длительной эволюции до колонизации постоянно испытывало влияние катаклизмов и случайностей развития (среднегодовые темпы за пять тысяч лет не превышали 1 %), а в иные исторические эпохи численность населения могла существенно падать. Общая динамика численности населения в этом смысле совпадает с мировой, а в региональном аспекте Урал заметно опережает по темпам роста европейскую часть России, что зафиксировано в многочисленных исследованиях. Так, за 1719—1795 гг. население уральских территорий выросло в 3,4 раза (в России в целом — в 2,4), 1865—1918 гг.— в 2,3, в том числе в Оренбургской и Уфимской губерниях — в 2,8 раза. По десятой ревизии 1851 г. численность населения достигла 1733,8 тыс. мужских душ, или 3,6 млн лиц обоего пола.

В 1863 г. численность населения Пермской, Оренбургской, Уфимской губерний составляла 3989,2 тыс., в 1897 г.— 6791 тыс. человек. К 1917 г. в Пермской, Оренбургской и Уфимской губерниях проживало 8784 тыс. человек, в том числе в городской местности — 892 тыс., всего 10,2 % [239].

В советский период, по данным переписи на 15 мая 1923 г., массив населения в пределах Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Оренбургской областей, Башкирии и Вотской автономии насчитывал 9385,3 тыс. человек, из них 53,6 % составляли женщины, городского населения было всего 14,2 % [141]. Определению дальнейшей динамики сильно мешает ничем не оправданное интенсивное изменение административно-территориальных границ уральских и прилегающих территорий в 20—30-е годы.

Приведем краткую справку на этот счет (подготовлена к. и. н. Е. Ю. Алферовой). До революционных потрясений 1917 г. на территории Урала существовали Оренбургская, Пермская, Уфимская губернии (в Приуралье — Вятская губерния). В период осени 1919 г.— весны 1920 г. известны Пермская, Екатеринбургская, Уфимская, Челябинская, Тюменская губернии. В марте 1919 г. образована Башкирская АССР, территория которой

до этого (1865—1919 гг.) входила в Уфимскую губернию. В ноябре 1923 г. образована Уральская область из территорий Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Тюменской областей. В январе 1934 г. Уралобласть разделена на Свердловскую, Челябинскую, Обь-Иртышскую. В октябре 1938 г. из состава Свердловской области выделена Пермская, а в 1943 г. из состава Челябинской — Курганская область. Судьба отдельных уральских территорий еще более наглядна и показательна.

Курганская область. В XIX в. частично входила в состав Тобольской, Оренбургской и Пермской губерний, в 1923—1934 гг. находилась в составе Уральской области, затем в 1934—1943 гг.— Челябинской области, из которой выделена в 1943 г.

Оренбургская область. В 1865—1928 гг.— Оренбургская губерния, в 1928—1929 гг. находилась в составе Средне-Волжской области, а в 1929—1934 гг.— Средне-Волжского края. В 1934—1936 гг. вновь создана Оренбургская губерния (но с другими границами), в 1936—1938 гг.— это уже область (в 1938 г. переименована в Чкаловскую и просуществовала с таким названием до 1957 г.), с 1957 г.— вновь Оренбургская область.

Пермская область. В 1796—1919 гг.— Пермская губерния, с 1919 по 1923 г. ее территория разделена на Пермскую и Екатеринбургскую губернии, в 1923—1934 гг. находилась в составе Уралобласти, в 1934—1938 гг.— Свердловской области, с 1938 по 1940 г. вновь существовала под таким названием как самостоятельная территория, в 1940—1957 гг. была известна как Молотовская область, а с 1957 г. восстановлено название Пермской области.

Свердловская область. Находилась в 1796—1919 гг. в составе Пермской губернии (Екатеринбургский уезд), в 1919—1923 гг.— Екатеринбургская губерния, затем в 1923—1934 гг. входила в состав Уральской области, а в 1934 г. выделена из таковой и в 1938 г. разделена на Свердловскую и Пермскую области.

Удмуртская АССР. В 1796—1921 гг. находилась в составе Вятской губернии, в 1921—1929 гг.— Вотской автономной области, в 1929—1931 гг. Вотская область входила в состав Нижегородского края. С 1931 по 1932 г. временно существовала как Удмуртская область Нижегородского края, в 1932—1934 гг.— в составе Горьковского края, в 1934—1936 гг.— Кировского края, в 1936 г.— Удмуртская область.

Челябинская область. Находилась в 1865—1919 гг. в составе Оренбургской губернии, затем выделена в 1919 г. как Челябинская губерния, в 1923—1934 гг. входила в Уралобласть. С 1934 г.— Челябинская область, в 1934 г. разделена на Челябинскую и Курганскую.

Коми АССР в XIX в. входила в состав Пермской губернии, а в 1923 г.— Уралобласти, с 1929 г.— в составе Северного края и в 1936 г. образована Коми-Пермяцкая автономная республика в составе РСФСР.

Таким образом, стремительная динамика населения в 20—30-е годы сопровождалась не менее динамичной перестройкой и перекраиванием уральских территорий и их границ, что нуждается в отдельном географическом исследовании. Пересчет населения в современных границах Уральского экономического района (УЭР), с учетом вновь включенной в его состав в 1982 г. Башкирии, образует следующий тренд. В 1926 г. насчитывалось 10544,8 тыс. человек (в том числе городского населения — всего 1763,1 тыс.), затем, по источникам переписи 1937 г., находим численность в 12353,8 тыс. человек [65]. В 1939 г. население УЭР составляло 13452,5 тыс. человек (городское — 4754,2 тыс.), в 1959 г.— соответственно 17524,2 (10144,8 тыс.), в 1970 г.— 19001,6 (12275,7 тыс.), в 1979 г.— 19401,8 (13755,3 тыс.), в 1989 г. население региона достигло 20247,3 тыс., в том числе в городской местности проживала его основная масса — 15161,1 тыс. человек [229].

Если за период с 1939 по 1959 г. население Урала выросло в 1,3 раза (среднегодовой прирост составил 1,4 %), то в РСФСР — на 8,4 %. В 1959—1970 гг. в динамике населения региона наступает существенный перелом — темпы роста замедляются и становятся ниже, чем в федерации. Среднегодовой прирост падает до 0,75, а в следующем десятилетии — до 0,25 %. Урал начинает отдавать набранный до этого демографический потенциал другим союзным и республиканским территориям. Кривая роста населения затухает, и дальнейший рост, особенно в условиях наступившей депопуляционной волны, становится весьма проблематичным.

Проделанные косвенным путем расчеты позволяют воспроизвести фрагментарную картину изменения миграционного сальдо и соотнести его с величиной естественного прироста по Уралу, ‰:

Год	Миграция	Естественный прирост	Год	Миграция	Естественный прирост
1920	— 5,7		1959	— 4,5	14,7
1922	— 5,7	— 11,7	1960	— 3,2	17,8
1923	— 5,7		1961	— 3,5	16,2
1925	— 36,9	Нет свед.	1962	— 3,4	14,0
1926	— 15,2	28,3	1963	— 3,5	12,8
1927	— 8,0	20,2	1964	— 6,1	11,0
1928	— 16,1	28,3	1965	— 9,6	9,0
1929	— 15,2	22,4	1966	— 7,1	8,5
1935	— 2,1	14,3	1967	— 6,8	7,4
1936	1,2	11,0	1968	— 6,4	6,8
1937	26,3	16,3	1969	— 6,6	7,7
1938	21,4	21,2	1970	— 7,2	4,8
1940	5,4	13,4	1971	— 8,4	7,3
1941	97,9	11,8	1972	— 6,1	7,3
1942	— 51,6	— 5,1	1973	— 3,7	7,1
1943	— 13,9	— 7,5	1974	— 3,0	6,9
1944	— 73,3	— 6,0	1975	— 2,2	7,3
1945	— 37,7	4,1	1976	— 2,7	7,2
1946	Нет свед.	19,4	1977	— 1,6	7,0
1978	— 4,8	6,6	1985	— 2,2	6,7
1979	— 1,5	6,3	1986	— 1,5	8,7
1980	— 1,8	6,1	1987	— 3,5	5,5
1981	— 2,2	6,4	1988	— 3,4	7,0
1982	— 4,2	7,0	1989	— 4,0	5,3
1983	— 3,3	8,2	1990	— 1,1	3,6
1984	— 2,0	6,9	1991	— 0,2	1,9

Условное сальдо миграции как показатель сильно подвержено влиянию утвержденной органами госстатистики общей численности населения. Поэтому к нему следует относиться с особой осторожностью. Но в данном случае изменения условного сальдо не противоречат логике событий в регионе.

Расчеты по Пермской губернии за 1847—1903 гг. (произведены к. и. н. Е. Ю. Алферовой) обнаружили довольно устойчивый тренд показателей брачности, рождаемости и смертности. Исключение составили 1863 и 1892 гг., обнаружившие в силу социальных потрясений и голода в России превышение смертности над уровнем рождаемости. Повышение смертности до уровня, близкого к уровню рождаемости, наблюдалось и в другие периоды (например в 1868 г.), но не было столь катастрофично [144а].

Динамика общего коэффициента брачности не обнаружила заметной корреляции с колебаниями уровня рождаемости в конце XIX в., хотя нечто подобное, несомненно, просматривается в начале столетия [70, с. 151—152], ‰:

Год	Брачность	Рождаемость	Смертность	Год	Брачность	Рождаемость	Смертность
1845	11,6	58,4	37,9	1869	11,2	56,8	47,8
1846	8,3	48,1	36,4	1870	10,5	56,9	40,5
1847	8,7	52,6	36,5	1871	10,6	57,2	49,6
1848	7,6	50,0	33,8	1872	11,1	59,1	46,0
1849	10,0	52,3	35,5	1873	10,6	58,6	43,4
1850	9,2	51,3	39,5	1874	10,3	58,6	46,5
1851	8,1	45,8	32,0	1875	9,5	62,1	44,7
1852	7,7	50,0	38,9	1876	9,1	57,5	49,5
1853	7,7	49,1	34,5	1877	6,6	57,3	43,8
1854	5,4	45,9	33,7	1878	8,2	52,2	43,6
1855	7,8	45,7	31,5	1879	11,1	54,4	39,8
1856	11,0	47,2	41,5	1880	10,9	56,7	42,1
1857	10,6	52,4	45,6	1881	9,6	56,1	41,0
1858	9,3	58,6	52,0	1882	9,4	57,5	43,8
1859	9,5	57,7	42,4	1883	9,9	57,9	49,9
1860	11,0	56,4	43,3	1884	8,4	56,3	43,8
1862	9,1	55,5	36,1	1885	8,6	51,9	44,1
1863	8,1	51,7	54,7	1886	9,4	54,9	44,7
1865	9,0	51,5	41,6	1887	8,8	56,0	44,7
1866	8,8	49,7	44,1	1888	9,5	56,4	39,9
1867	11,0	57,0	46,6	1889	8,4	53,7	42,3
1868	9,6	58,0	50,5	1890	9,1	54,2	48,5

Год	Брачность	Рождаемость	Смертность	Год	Брачность	Рождаемость	Смертность
1891	8,6	55,5	41,4	1897	10,1	55,8	39,6
1892	7,7	46,8	48,2	1898	9,7	56,2	42,9
1893	9,7	52,8	36,0	1899	9,3	55,6	37,2
1894	10,6	55,6	41,8	1900	9,3	55,7	37,3
1895	10,4	58,6	42,1	1901	9,3	55,8	41,6
1896	9,4	56,0	44,6				

В целом в XIX в. наблюдаются высокие уровни рождаемости и смертности, характерные для общества традиционного типа.

Для восстановления картины демографического перехода требуются данные трендов общего коэффициента рождаемости и смертности. В длительной исторической ретроспективе приходится замещать «общеуральские» сведения фрагментами по отдельным территориям. В этом случае обобщенную картину по Уралу за исторический период длиной в сто лет и более приходится принимать как своеобразную модель реконструкции демографических процессов, т. е. с известными допущениями и условностями. Следует учесть и колебания территориальных границ областей Урала. При описании конкретных данных отметим, что уровень рождаемости (‰) в XIX в. был высоким и превышал гипотетический минимум *:

Год	Рождаемость	Смертность	Год	Рождаемость	Смертность
1832	48,0	Нет свед.	1948	30,0	16,7
1862	55,5	36,2	1949	30,8	14,1
1863	51,7	54,8	1950	31,7	11,5
1892	46,8	48,2	1951	32,5	11,6
1897	55,8	39,6	1952	31,2	10,0
1901	55,8	41,6	1953	29,3	9,1
1905	57,5	43,3	1954	30,2	9,0
1911	54,9	41,4	1955	27,1	8,1
1913			1956	24,7	7,0
1922	37,7	49,4	1957	24,0	7,6
1925	53,9	34,4	1958	26,4	7,3
1926	55,7	27,4	1959	25,4	7,7
1927	53,4	33,2	1960	25,1	7,3
1928	54,6	26,3	1961	23,5	7,3
1929	49,5	27,1	1962	21,4	7,4
1933	35,0	49,3	1963	19,9	7,1
1935	32,0	17,7	1964	17,8	6,8
1936	34,3	23,3	1965	16,2	7,2
1937	40,3	24,0	1966	15,8	7,3
1938	42,1	21,0	1967	15,0	7,6
1939	41,8	23,4	1968	14,7	7,9
1940	39,6	26,2	1969	15,0	8,3
1941	34,0	22,8	1970	15,3	8,5
1942	20,9	26,0	1971	15,8	8,5
1943	11,6	17,6	1972	16,1	8,8
1944	10,4	17,9	1973	16,1	9,0
1945	14,6	10,5	1974	17,1	9,2
1946	32,0	12,6	1975	17,0	9,7
1947	34,9	18,5	1976	17,2	10,0

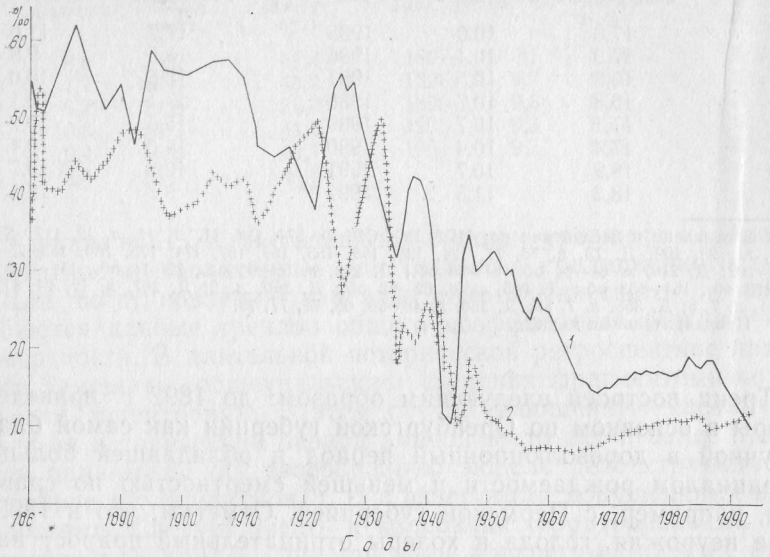
Год	Рождаемость	Смертность	Год	Рождаемость	Смертность
1977	17,0	10,0	1985	17,7	11,0
1978	17,0	10,4	1986	18,5	9,8
1979	16,8	10,5	1987	18,5	10,0
1980	16,8	10,7	1988	17,1	10,1
1981	17,1	10,7	1989	15,5	10,2
1982	17,4	10,4	1990	14,0	10,4
1983	18,9	10,7	1991	12,6	10,7
1984	18,2	11,3	1992 **	9,7	12,5

* Составлено и рассчитано по: ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 11. Д. 11, л. 12, 117; Д. 12, л. 54, 81, 98, 109; Д. 73, л. 76, 77, 124, 125, 153, 155, 166, 167, 174, 175, 180, 182; Д. 158, л. 99—102; Д. 210, л. 64—65 об., 84—86 об.; Д. 212, л. 58—60 об., 72—74 об., 111—112 об.; 132—133 об., 151—153 об.; Д. 265, л. 6, 62—63 об.; Д. 266, л. 9; Д. 267, л. 12, 24, 31, 35; Д. 354, л. 7, 8; Д. 355, л. 7, 59; Д. 356, л. 46—50, 65, 74, 77, 78.

** Предварительные данные.

Тренд построен следующим образом: до 1892 г. приведены цифры в основном по Оренбургской губернии как самой благополучной в дореволюционный период и обладавшей большим потенциалом рождаемости и меньшей смертностью по сравнению, например, с Пермской губернией. Отметим, что в 1892 г. из-за неурожая, голода и холеры отрицательный прирост населения в абсолютном выражении составил в Пермской губернии 4,2 тыс. человек, в Оренбургской — 17,0 тыс., Уфимской — 10,9 тыс., тогда как Вятская удержала положительный прирост в 7 тыс. человек (расчеты и обработка архивных данных Е. Ю. Алферовой). Сведения за 1911—1913 гг. даны по Пермской губернии как усредняющие картину по Уралу, за 1922 г.— по Екатеринбургской губернии; период 1925—1929 гг. смоделирован по естественному движению населения Уральской области. Тренды показателей за 30-е годы и данных периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет рассчитаны Г. Е. Корниловым, сведения до 1957 г. скорректированы нами по трендам Свердловской области, последующая динамика восстановлена благодаря архиву демографического мониторинга уральского населения, созданному в 60-е годы в УФ АН СССР П. М. Кузовлевым. Данные по смертности в 1933 г. учитывают, что минимальное число смертей по Оренбуржью за 1932—1933 гг. выросло менее чем в 2,1 раза, а максимально смертность увеличилась в три раза.

Восстановление трендов за столь длительный период позволяет построить график (см. рисунок), благодаря которому становится ясно, что налицо — классическая схема демографического перехода. Он начался на Урале в первой половине 20-х годов нашего столетия и, возможно, проявил бы свое действие ранее, если бы не трагические последствия гражданской войны и голодного послевоенного периода, давших всплеск смертности, который перекрыл вал рождаемости в 1921—1922 гг. Рождаемость в это время была ниже уровня гипотетического минимума естественной рождаемости. Во второй половине 20-х годов последо-



Динамика общих коэффициентов рождаемости (*1*) и смертности (*2*) на Урале

вал компенсаторный взлет, в результате которого величина общего коэффициента превысила 50 %.

Следует обратить внимание на то, что общее снижение смертности началось на уральских территориях в конце XIX в. и, если бы не Октябрьская революция 1917 г. и годы гражданской войны, разрухи и голода, то процесс демографической транзиции в своем классическом виде согласованного взаимосвязанного плавного снижения трендов смертности и рождаемости пошел бы, по всей вероятности, именно с начала XX столетия. В силу исторических причин демографическая революция началась на четверть века позже, но, будучи внутренне подготовленной под влиянием интенсивной индустриализации, урбанизации края и волн миграций, следовавших через Урал в восточные районы России, прошла в поистине сжатые сроки в течение полувека. Не считая подготовительного периода, в ходе демографической транзиции на Урале можно выделить четыре классические фазы. Первая связана с радикальным снижением общего уровня смертности в результате стабилизации жизни в мирный период, успехов уравнительной системы здравоохранения, ликвидации неграмотности и повышения статуса образования населения, сохранения земли за семьей по едокам (до периода коллективизации и голода 1933 г., затронувшего Урал и Поволжье). Характерно, что в 1925—1928 гг. рождаемость не только не упала, но образовала компенсаторный пик, который, однако, не сформировался в виде своеобразного «азиатского горба» и не превысил уровня, наблюдаемого до этого в XIX в. Создались условия для так называемого «бэби бума», или демографического взрыва в росте населения. Последнее действительно имело место, судя по среднегодовым темпам (1,5—2 %). Эффект демографического взрыва усилила массовая (организованная и стихийная) миграция населения на Урал и в Зауралье. Вторая фаза характеризуется стремительным падением уровня рождаемости, которое наблюдается параллельно снижению смертности, что происходит до 1933 г. и напоминает французский тип демоперехода, предотвращая нарастающий демографический взрыв от многократно растущих величин естественного прироста [90а, с. 67]. После этого начинается довоенный рост величины общего коэффициента смертности от репрессий и других политических факторов. Рождаемость в 1934—1937 гг. носит компенсаторный характер. Такая флюктуация трендов полностью противоречит тенденции демоперехода и отражает влияние экономических и политических событий и отчасти — наплыва мигрантов. В последние предвоенные годы (1938—1941) коэффициент рождаемости падает, в то время как смертность растет, что усиливает явный депопуляционный срыв в годы войны. В таком состоянии воспроизводство населения находится накануне Отечественной войны 1941—1945 гг. На Урале наблюдается полный провал рождаемости в «яму войны», что сопровождается более высоким уровнем общей смертности. Но смертность населения в целом, как это ни парадоксально, не повышается (как раньше при неурожаях, голоде или эпидемиях 1892, 1920—1922 гг.), а снижается, что позволяет в 1945 г. рождаемости при невысоких коэффициентах (около 15‰) превысить тренд смертности [107а]. Следует учесть, что в предвоенные и военные годы окончательно завершается эпидемиологический переход, перестройка причин смертности приводит ее к современному виду с преобладанием не экзогенных, а эндогенных факторов, первенством потерь от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний (особенно в первое послевоенное десятилетие). Этой тенденции в военные годы начинает способствовать применение в здравоохранении сульфидных препаратов и антибиотиков, но препятствуют военные потери, а после войны — высокий уровень несчастных случаев, отравлений, травм и самоубийств в регионе. Можно сказать, что годы войны нанесли населению ущерб, который как бы разрубил нормальное течение второй фазы демографической транзиции пополам, поскольку объективно и субъективно (через установки семьи) встал вопрос о компенсации человеческих потерь не государством, а самой демографической системой региона. И таковая последовала, что необходимо сегодня признать. Кривая общей рождаемости на графике мощно вздымается вверх, достигая максимума в начале 50-х годов. Смертность после непродолжительного подъема в первые послевоенные годы (1946—1948) возвращается в русло закономерностей демопере-

хода и снижается до минимума в 1956—1957 гг. С этого момента начинается рост общего показателя смертности, отраженный всей статистикой после переписи 1959 г. Завершается период демографической истории в демографическом переходе региона к современному режиму замещения поколений, период, который мог бы в случае отсутствия событий начала 20-х годов, 1933 г. и войны 1941—1945 гг. привести к мощной реализации демографического потенциала в росте населения на уровне 3—4 % среднегодовых. Демографический взрыв на Урале не состоялся, в то время как он ярко проявил себя по всем показателям в 50—70-е годы XX в. в республиках Средней Азии бывшего СССР. Со второй половины 50-х годов в демографической истории Урала начинается этап третьей фазы демоперехода. Система продолжает некоторое время развиваться в условиях параллельной динамики низкого уровня рождаемости и смертности, причем смертность все более повышается, а рождаемость падает, образуя своеобразную вилку трендов. Процесс, однако, не завершается новой демографической катастрофой, поскольку в 1968 г. рождаемость достигает минимума и начинает движение вверх вслед за смертностью (в репродуктивный возраст входит более многочисленное поколение женщин послевоенных лет рождения, и инверсионный след войны через возрастную структуру на некоторое время перестает влиять на рождаемость). Неблагоприятные исторические факторы, запечатленные в возрастной структуре населения Урала, в сочетании с ухудшающейся социально-экономической конъюнктурой дают себя знать в трендах рождаемости и смертности с середины 80-х годов. Но в течение 1985—1987 гг. они сдерживаются мерами демографической политики. В перестроечный и постперестроечный периоды резко изменяется не только возрастная структура, но и демографическое поведение семьи на Урале — самосохранительное поведение жестко диктует ограничение деторождения, нарастают спад потребности в детях и особенно — неудовлетворенность таковой из-за инфляции, роста цен, преступности, политической нестабильности и тревожности за будущее детей. С 1987—1988 гг. набирает силу резкий спад рождаемости. С этого времени можно говорить о четвертой фазе демоперехода — депрессивной. Движение в этом режиме приводит в 1992 г. к крупномасштабной депопуляционной тенденции в регионе, свойственной, впрочем, и всей России, а также Украине, Беларуси, государствам Балтии.

Возникает реальная перспектива долговременного существования региона и государства в целом в депопуляционном режиме либо в условиях постоянно перемежающихся всплесков смертности и рождаемости, по аналогии с тем, как это наблюдалось в период до демографической транзиции доиндустриального общества или даже до неолитической революции. Общая динамика трендов, представленных на рисунке, почти полностью совпадает с изменениями кривой естественного прироста населения России и СССР, построенной А. Г. Вишневским [44]. Насколько долго продлится депрессивная фаза, сказать трудно. Однако это разрушает наши представления об обязательном гомеостатическом управлении процессом регуляции рождаемости и смертности в обществе. Очевидно, что государству придется вкладывать значительные средства в меры, способствующие завершению демографического перехода, прежде всего в области снижения потерь от смертности и стимулирования если не потребности в детях, то наиболее полного удовлетворения репродуктивных ожиданий семьи.

Следует заметить, что процесс демографической транзиции на Урале можно рассмотреть более подробно и с учетом изначально высокого уровня рождаемости и смертности выделить не четыре, а пять и более фаз. Особенно интересны заключительные фазы демографического перехода в регионе.

Как ни парадоксально, но в кризисных условиях столь инерционный демографический процесс, как рождаемость, обнаружил большую динамичность. После относительного благополучия 1983—1987 гг. на территории России и Урала отмечен невиданный спад рождаемости. Такой оборот событий упрямо предсказывали лишь отдельные специалисты-демографы.

В целом по РФ доля семей, имеющих первых и вторых детей, составила 82,9, трех и более — 17,1 %, тогда как в Таджикистане пропорция была обратной — 44,7 и 55,3 %, в Туркменистане первая категория семей составила 50,6, в Узбекистане — 53,9 % [75]. Именно на территориях с малодетными семьями обнаружен катастрофический спад рождаемости. Так, в Свердловской области в 1991 г. общий коэффициент рождаемости был равен 10,8 ‰! Упавшая рождаемость в сочетании с повышающимся валом смертности обусловила чрезвычайно низкий прирост населения. В частности, в 1990—1991 гг. прирост сократился на Урале с 3,6 до 1,9 %, в Челябинской области — с 2,9 до 1,2, в Свердловской с 1,0 до 0,7 % (табл. 1.1). Резкое сокращение смертности в 50—60-е годы благотворно подействовало на естественный прирост населения как республики в целом, так и региона. Однако уровень рождаемости довольно быстро «адаптировался» к низкому уровню смертности, и процесс двинулся к завершающей фазе демографического перехода, чему вскоре помешали повышение вала смертности, а затем и временное увеличение частоты рождений в семьях.

Говоря о таком временном всплеске рождаемости в середине 80-х годов, можно отметить, что это повышение повлияло и на рост уровня младенческой смертности. Само по себе это явление архаично, характерно, скорее, для территорий с «мусульманской» многодетностью, где изначально низкая культура контрацепции, самосохранения женщины и санитарии, а также малые промежутки между родами у женщин (интергенетические

Таблица 1.1

Динамика общих показателей рождаемости, смертности и естественного прироста за полвека, ‰

Регион	Годы									
	1940	1950	1960	1970	1980	1984	1988	1989	1990	1991*
Рождаемость										
Урал	39,9	31,3	27,2	15,6	16,8	18,1	17,1	15,5	14,0	12,6
РСФСР	33,0	26,9	23,2	14,6	15,9	17,0	16,0	14,6	13,4	12,1
Смертность										
Урал	26,3	11,5	7,3	8,2	10,7	11,3	10,0	10,2	10,4	10,7
РСФСР	20,6	10,1	7,4	8,7	11,0	11,6	10,7	10,7	11,2	11,4
Естественный прирост										
Урал	13,6	19,8	19,9	7,4	6,1	6,8	7,1	5,3	3,6	1,9
РСФСР	12,4	16,8	15,8	5,9	4,9	5,4	5,3	3,9	2,2	0,7

* Превышение числа умерших над родившимися за 1992 г. в России достигло 185 тыс. человек, что не было перекрыто притоком мигрантов.

Таблица 1.2

Возрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин на Урале в 1989 г. (на 1000 человек данной группы)

Возраст	Город		Село	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0—2	6,8	5,1	7,9	5,8
3—4	0,6	0,5	1,3	0,9
5—9	0,8	0,4	1,1	0,6
10—14	0,6	0,3	0,7	0,3
15—19	1,2	0,6	2,0	1,0
20—24	2,3	0,6	3,7	1,0
25—29	2,9	0,8	4,3	0,9
30—34	3,8	1,0	4,9	1,4
35—39	4,8	1,4	6,2	2,0
40—44	7,4	2,3	9,4	2,8
45—49	9,3	3,3	11,2	3,5
50—54	14,7	5,4	15,8	5,7
55—59	21,6	8,5	20,5	7,8
60—64	33,1	13,8	32,6	12,2
65—69	49,3	23,5	45,8	20,8
70—74	65,9	36,6	63,4	31,6
75—79	105,8	65,0	96,0	58,6
80—84	153,2	107,3	136,5	98,4
85 и старше	247,4	199,9	231,8	190,7

интервалы). В результате произошло повышение «бесполезной» рождаемости и увеличение демографической «цены», или «платы», за возможность простого замещения поколений в населении. Интересно, что младенческая смертность сделала скачок на фоне снижения вала смертности и положительных сдвигов в продолжительности жизни мужчин и женщин. На Урале рост младенческой смертности обнаружен на селе (20,7 ‰), причем максимальные значения наблюдались в наиболее урбанизированных областях — Пермской и Свердловской. В противовес им младенческая смертность в сельских районах Оренбуржья и Башкортостана была меньше (18,7—18,8 умерших детей в возрасте до года на 1000 родившихся) не только по сравнению с городскими (19,8—20,2 ‰), но и в целом по региону одна из самых низких, не считая Челябинскую область и Удмуртию. В период с 1987 по 1989 г. на Урале ежегодно 7—6 тыс. детей умирали, не дожив до года. В целом на смертность до года приходится 70 % умерших в возрасте до 15 лет детей.

В 1989 г. уровень младенческой смертности на Урале снизился и стал меньше среднереспубликанского (17,4 против 17,7 ‰). Наиболее неблагополучно выглядели показатели младенческой смертности в Оренбуржье, Башкирии и Удмуртии (18,3—18,7 ‰), а по сельским районам «первенствовали» Свердловская (23,1), Пермская (20,7) и Курганская (20,0 ‰) области. Несмотря на общее снижение, коэффициенты потерь от смертности младенцев в Курганской и Оренбургской областях в 1988—1989 гг. даже выросли. Статистика отметила снижение младенческой смертности на Урале в 1990—1991 гг. с 17,1 до 16,6 ‰ (в Удмуртии — до 14,6 ‰). На фоне этой положительной тенденции обострилась ситуация со смертностью детей до года в Курганской области и на Южном Урале — сказались последствия радиационного загрязнения и катастроф 1949, 1956, 1957 и 1967 гг.

Общеизвестно, что при современной структуре смертности колебания младенческой смертности сильно сказываются на показателях продолжительности жизни. Резерв уменьшения смертности детей до года — в сокращении потерь младенческих жизней от пневмонии, сепсиса, врожденных уродств, несчастных случаев. Динамика этого показателя тесно коррелирует с экологическим благополучием территории, среды в целом. Так, в Курганской области высок уровень потерь в 1990—1991 гг. от врожденных аномалий, болезней органов дыхания детей до года.

Обращает на себя внимание, что улучшение положения с младенческой смертностью в регионе в 1988—1989 гг. не повлекло за собой ожидаемого роста продолжительности жизни населения. Это означает, что выросли потери от смертности в более старших возрастных группах, в том числе в трудоспособном возрасте. Если у женщин вероятность долгожития все-таки повысилась, то у мужчин в городской местности произошло даже снижение продолжительности жизни до 64 лет. Аналогич-

ная картина характерна для России в целом. С 1987 по 1989 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни снизилась с 70,1 до 69,6 лет. И если у женщин показатели стабильны (74,6—74,5 лет), то отмеченное снижение происходит за счет роста смертности в основном мужской части населения. У мужчин за указанный период средняя ожидаемая продолжительность жизни явно снизилась (с 64,9 до 64,2 года). В целом рост смертности произошел в возрастах от 15 до 39 лет и в группе населения старше 55 лет. Превышение повозрастных коэффициентов смертности мужчин на Урале по сравнению с таковым в целом по России наблюдается лишь в отдельных возрастных группах, чаще всего — в более старших. В целом же величины близки, и их региональное отклонение все больше определяется случайными факторами.

При рассмотрении повозрастных коэффициентов смертности по пятилетним группам (табл. 1.2), за исключением наиболее молодых и наиболее старших возрастов, в принципе уже видны основные контуры проблемы смертности: опережающий порядок вымирания мужчин по сравнению с женщинами, влияние детской и младенческой смертности, отставание села в показателях дожития. Но самое главное, повозрастные коэффициенты на Урале и в России в отличие от развитых в экономическом отношении стран и территорий показывают более интенсивную смертность в возрасте после сорока лет, особенно у мужчин.

Сравнение повозрастных коэффициентов в группах с различным брачным состоянием, например в Челябинской области, обнаруживает еще одну традиционную проблему — более высокую частоту смертности у лиц, не состоящих в браке, чем у женатых и замужних. Особенно заметно это выражено в группе никогда не состоявших в браке и наиболее резко — на селе. Данное явление имеет свою историческую и статистическую обусловленность и будет рассмотрено ниже. При анализе смертности с учетом брачного состояния примем смертность состоящих в браке в том или ином возрасте за своеобразный эталон — исходный уровень (за 100). Например, в группе 30—34-летних мужчин в городах Челябинской области в 1989 г. смертность среди никогда не состоявших в браке составила 280 от исходного уровня, среди вдовцов — 483, разведенных и разошедшихся — 177. У женщин этой же возрастной группы смертность никогда не состоявших в браке выше, чем состоявших, более чем в 3,5 раза (363), в группе вдов — в 2,5 а среди тех, кто находится в разводе,— в 1,6 раза. В сельской местности уровни превышения оказались более внушительны и составили соответственно у мужчин 344, 880 и 139, у женщин — 978, 678 и только 78. Последний показатель настораживает, так как встречается в старших возрастных группах женщин города и села (как правило, после пятидесяти лет) и свидетельствует косвенно о том, что вероятность дожития у разведенных и «вовремя» разошедшихся женщин выше, чем у замужних и никогда не состоящих в браке, тогда как на мужчин этот фактор влияет прямо противоположным образом.

Фактор преждевременной смертности мужчин отрицательно влияет не только на формирование и успешное развитие семьи, но и на воспроизводство населения в целом. В настоящее время он все чаще получает экологическую окраску. Тем более интересно проследить в развитии разрыв в частоте смертности мужчин и женщин на территории Урала. Уровень превышения смертности мужчин по сравнению с таковым женщин (принятым за 100) изменялся на Урале следующим образом:

Группа, лет	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
0—4	111	122	152	131	136
5—9	110	156	180	180	193
10—14	116	143	175	175	203
15—19	123	182	279	350	218
20—24	129	192	375	400	377
25—29	123	250	383	425	409
30—34	143	239	371	350	375
35—39	160	221	338	346	340
40—44	170	216	303	323	325
45—49	191	226	265	278	289
50—54	198	230	242	259	275
55—59	215	250	247	238	257
60 и старше	133	149	153	131	133

Нетрудно заметить, что в динамике отрыв мужчин заметно нарастал, за исключением детской группы, с 70-х годов, а с начала 80-х положительные сдвиги обнаружились в пропорциях мужской и женской смертности в молодежной группе 15—30 лет. Во всех остальных возрастных группах мужская смертность отставала либо очень незначительно снижалась вслед за женской.

Безусловно, обобщающим и более наглядным показателем смертности является средняя ожидаемая продолжительности жизни по таблицам смертности. Если в 1926—1927 гг. средняя продолжительность жизни равнялась всего 37,1 года, то в 1958—1959 гг. она достигла уже 66,2 года. Эволюция этого показателя была в дальнейшем затруднена, и он остался на низком по международным стандартам уровне.

Обращает на себя внимание снижение средней продолжительности жизни в популяциях, живущих в городах меньшей величины, на северных территориях и тяготеющих к сельской периферии. В сверхкрупных городах ситуация благополучнее в силу развитости социальной инфраструктуры и концентрации в них учреждений здравоохранения и культуры, а также благодаря большей регламентации поведения правовыми структурами и коммуникациями. Но так было не всегда. Так, средняя продолжительность жизни мужчин в Свердловске в 20-е годы со-

ставляла всего 33 года, в то время как в целом по Уралу — 35 лет. Динамика средней продолжительности жизни в Екатеринбурге (Свердловске) наглядно иллюстрирует процесс демографического перехода [116], лет:

	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1965 г.	1970 г	1979 г.	1989 г.
Мужчины	26,6	32,8	37,0	63,8	65,1	64,4	61,4	66,7
Женщины	27,9	39,9	43,5	72,1	74,1	73,7	72,2	74,4

С 1897 по 1970 г., т. е. за период перехода к четко выраженной в суммарных коэффициентах двухдетности, потенциал дожития населения почти утроился у женщин. У мужчин он вырос всего в 2,4 раза. Затем наступил, как и в целом по Уралу, стагнационный период, отмеченный снижением жизненного потенциала даже у женщин. Однако последние отличаются более активным самосохранительным поведением и недалеки от того, чтобы вновь повысить уровень дожития в случае улучшения социально-экономической конъюнктуры. Вероятность дожития мужчин на Урале сильно зависит от вклада в смертность трудоспособных возрастов, что и было отмечено статистикой смертности 1965—1979 гг., а также данными о смертности в 1989 г.

О стирании региональных различий в уровнях продолжительности жизни на завершающем этапе демоперехода говорят расчеты не только уральских демографов. Так, в статье Е. Андреева с соавторами [7] публикуются результаты расчетов комбинированных таблиц смертности для территорий преимущественного проживания шахтеров (ТПШ) за 1988—1989 гг. При этом обнаружены, скорее, региональные различия в дожитии населения. «Профессиональные» характеристики продолжительности жизни себя не обнаружили, что дает основание авторам утверждать, что фактор травматизма и несчастных случаев компенсируется отбором в шахтеры наиболее жизнеспособной и сильной части мужского населения. Это естественно, если принять во внимание требования медиков к набору специалистов и рабочих на подземные разработки.

В целом обследование, предпринятое Е. М. Андреевым и его коллегами, вновь поставило проблемы смертности мужчин и женщин, низкой продолжительности жизни сельского населения (поскольку шахтеры обнаружили более высокие коэффициенты дожития) и вскрыло низкий уровень жизненного потенциала на уральских территориях, например в Пермской области [7] (табл. 1.3).

Заметим, что при разработке полных таблиц смертности (руководитель И. П. Мокеров, ИЭ УрО РАН) средняя продолжительность жизни мужчин в городской местности Челябинской области составила у новорожденных 64,6 года, у 20-летних — 46,6, у 50-летних — 21,2 года. Как можно заметить, отклонения минимальны. И, наконец, судя по Челябинской области, Уралу в целом, а также по среднереспубликанским данным, начинается

Таблица 1.3

Средняя продолжительность жизни в ТПШ, лет

ТПШ	Возрастные группы					
	Мужчины			Женщины		
	0	20	50	0	20	50
СССР	64,5	46,7	21,7	73,9	55,5	27,4
РСФСР	63,8	46,1	21,4	73,7	55,4	27,4
Донецкая область	65,0	47,0	21,7	74,1	55,6	27,3
Челябинская область	64,4	46,6	21,7	74,3	55,9	27,9
Пермская область	61,9	44,4	19,8	71,9	54,0	26,3

Таблица 1.4

Величина недожитых человеколет в средней ожидаемой продолжительности жизни

Группа причин смертности	Мужчины	Женщины
Болезни системы кровообращения	5,9/5,3	5,6/5,7
Злокачественные новообразования	2,4/2,1	1,4/1,5
Несчастные случаи, отравления и травмы	5,0/7,6	1,4/3,1

Примечание. В числителе — данные по городу, в знаменателе — по селу.

Таблица 1.5

Таблица смертности населения Урала в 1989 г.

Группа населения	Возраст, лет	Вероятность дожития до следующего возраста	Доживает до данного возраста, чел.	Средняя продолжительность жизни, лет
Городское				
Мужчины	0	0,98010	100000	63,53
	1—2	0,99763	98010	63,82
	20—24	0,98848	96565	45,61
	50—54	0,92663	82697	20,12
Женщины	0	0,98535	100000	73,15
	1—2	0,99790	98535	73,24
	20—24	0,99691	97592	54,86
	50—54	0,97324	93066	26,56
Сельское				
Мужчины	0	0,97940	100000	62,38
	1—2	0,99532	97940	62,68
	20—24	0,98175	95889	44,80
	50—54	0,92090	78366	20,80
Женщины	0	0,98453	100000	72,88
	1—2	0,99667	98453	73,01
	20—24	0,99512	97049	54,95
	50—54	0,97129	91068	27,34

новая волна неблагополучия в мужской смертности. Это заставляет нас обратиться к ее причинам.

Величина ожидаемой продолжительности жизни на Урале находится с конца 50-х годов в состоянии стагнации. Об этом убедительно говорит динамика показателей за несколько лет (в числителе — мужчины, в знаменателе — женщины):

	1958—1959	1964—1965	1969—1970	1978—1979	1986—1987
Город	62,3/70,4	64,0/73,0	62,6/72,7	61,6/72,4	63,5/73,2
Село	61,5/70,7	62,0/72,8	60,4/71,4	58,0/70,7	62,4/72,9

Данные рассчитаны методом погодичных таблиц смертности. По предварительным подсчетам методом кратких таблиц смертности, средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин вновь проявила тенденцию к снижению и составила в 1988—1989 гг. 64 года в городской местности и 62,3 — в сельской. Таким образом, по-прежнему четверть мужчин нынешнего поколения, достигших 16-летнего возраста, не доживут до 60 лет. Все это дает основание согласиться с А. Г. Вишневским в том, что как в России в целом, так и на Урале в частности, проявляется некая незавершенность демографического перехода [56]. К тому же разрыв в продолжительности среднего жизненного пути мужчины и женщины растет. Если в 1926—1927 гг. он составил (по полным таблицам смертности Ф. Н. Лебедева [170]) 4,5 года, то к 1958—1959 гг. достиг уже 8 лет, а в 1969—1970 гг. вырос до 10,5 года, десятилетие спустя приблизился к 11 годам и более (особенно в сельских районах). Прогресс в показателях дожития в середине 80-х годов на Урале, как, впрочем, и в целом по России, был временным и в большинстве случаев связан с антиалкогольными правительственными мероприятиями.

Показатели средней продолжительности жизни мужчин остаются очень низкими. Даже в крупных и сверхкрупных городах они редко превышали в 1986—1987 гг. 66-летний рубеж (например, Нижний Тагил — 64,8, Серов — 64,3, Каменск-Уральский — 65,9, Тавда — 63,4, Асбест — 65, 9, Екатеринбург — 66,7 года).

О соотношении основных групп причин смертности лучше всего судить по гипотетическим таблицам смертности, которые определяют среднюю ожидаемую продолжительность жизни без одной или ряда причин смертности. Такая работа была проделана в середине 80-х годов Р. В. Нифантовой [147]. Расчеты вновь обнаружили большие потери и значительное по сравнению с другими территориями число недожитых человеколет не только из-за болезней системы кровообращения, но и по причине травматизма, особенно на селе (табл. 1.4).

В 1989 г. увеличился общий уровень (вал) смертности в регионе — 10,2‰. Наибольшее его повышение наблюдалось на Среднем Урале, в Пермской и Курганской областях (до 11‰). Наряду с этим выросла общая частота смертности от сердечно-

сосудистых заболеваний, в результате несчастных случаев, отравлений, травм, убийств и самоубийств. Последние составили 17,5 % всех официально фиксируемых самоубийств на территории России. По «валу» смертности от несчастных случаев, отравлений и травм Урал заметно выделяется на фоне России (131,4 случая в расчете на 100 тыс. населения против 124,9). То же можно сказать и об общем уровне самоубийств (32,3 против 25,4 в РСФСР в расчете на 100 тыс. населения). Причем, если по первой группе лидируют Пермская область и Удмуртия (соответственно 146,9 и 145,6 случаев в 1989 г.), то по суицидам пальму первенства держат Удмуртия (37,7) и Свердловская область (34,3 случая).

Судя по отчетам отдела здравоохранения Урала, в середине 20-х годов главной причиной смертности в крае были инфекционные болезни. При этом среди городского населения преобладал туберкулез, среди сельского — кишечные инфекции. На селе смертность от злокачественных новообразований почти в семь раз ниже, чем в городе, от отравлений алкоголем — в четыре, в результате самоубийств — в три раза.

В процессе эпидемиологического перехода совершенно изменилась структура причин смертности. На эту общую закономерность накладывается чисто уральская специфика мужской смертности, которая обнаруживается всякий раз при ухудшении экономической коньюнктуры. Кроме того, в крае напряженная экологическая обстановка, что связано с размещением предприятий тяжелой, химической промышленности, оборонного комплекса, сети мест заключения, а также последствиями восточноуральского радиационного следа (ВУРСа). Высока занятость женщин на вредных производствах и тяжелым физическим трудом, острыми остаются проблемы разрушения села и младенческой смертности. Эти социально-демографические факторы оказывают давление на структуру причин смертности прямо и с помощью бытовых факторов, проникающих в семью, в демографическое поведение личности, формируют отношение к самосохранению, продолжительности и качеству жизненного пути, здоровью как жизненной ценности личности.

В целом структуру причин смертности населения Урала в 60—80-е годы отличает высокий уровень мужской смертности, потерь от несчастных случаев и травматизма. Указанные причины потеснили даже смертность от онкологических заболеваний, нарушив привычную для современного цивилизованного мира пропорцию основных нозологических групп. Однако такое положение наблюдалось не повсеместно. Например, в Екатеринбурге структура причин смертности была адекватна общесоюзной. К концу 80-х годов положение несколько улучшилось. В 1991 г. по статистике частоты смертности от несчастных случаев, отравлений и травм Урал заметно выделялся на федеральном уровне (146 случаев против 142 в расчете на 100 тыс.

человек). Первенствовали по этому показателю Пермская область и Удмуртия. По потерям от новообразований лидировали: Курганская (202 на 100 тыс. чел.), Свердловская (204) и Челябинская (207) области. По смертности от болезней системы кровообращения опережали других территории Свердловской (637) и Курганской (621) областей. Расчеты кратких таблиц смертности по Уралу за 1989 г. (табл. 1.5) обнаружили по сравнению с 1987 г. сокращение дожития в городской местности и некоторое повышение продолжительности жизни в сельской.

Отчетливо видны «парадокс» младенческой смертности и низкие перспективы долголетия после 50 лет. Особенно мала вероятность дожития мужчин. Частота смертности такова, что из 100 родившихся в городе до 50 лет доживает 83, а на селе — только 78 человек. В результате перспективы средней продолжительности жизни в группе 20—24 лет у мужчин не превышают 50 лет. Однако следует отметить некоторое улучшение показателей жизненного потенциала села. По совокупности факторов (уровню общей смертности, несчастным случаям, самоубийствам, младенческой смертности, доле пожилых людей) наиболее неблагоприятна ситуация в Свердловской и Курганской областях.

Существующий режим рождаемости и смертности год за годом формирует возрастную структуру населения, которая и определяет, в свою очередь, течение демографических процессов на долгие годы вперед. Характеристики возрастной структуры (пропорции возрастов мужчин и женщин, средние, модальные и медианные возрасты, уровни долголетия и пр.) наиболее региональны из демографических оценок развития территории. Возрастные пропорции аккумулируют исторический опыт развития региона, в них «записано» и прошлое и будущее.

Историческая динамика пропорций дорабочих, трудоспособных и послерабочих возрастов не оставляет сомнения в интенсивном постарении населения Урала, %:

Год	Возрастные группы, лет		
	0—15	16—59 (мужчины), 16—54 (женщины)	60 и старше (мужчины), 55 и старше (женщины)
1926 *	36,1	54,6	9,3
1939	39,4	52,2	8,4
1959	31,8	58,0	10,2
1970	29,9	56,2	13,9
1979	24,2	60,7	15,1
1989	25,2	57,0	17,8 **

* Взяты интервалы 0—14, 15—54, 59 лет.

** Для уточнения динамики из состава региона исключена Башкирия, но коррекция оказалась незначительной. С Башкирией доля дорабочего возраста составила в 1989 г. 25,7 %, в послерабочих возрастах находилось 17,7 % населения.

Таблица 1.6

Пропорции экономической структуры населения России и Урала в 1989 г., % групп

Регион	Возрастные группы населения			Средний возраст, лет
	Дорабочие	Рабочие	Послерабочие	
РФ	24,5	57,0	18,5	34,7
Урал	25,7	56,6	17,7	34,0
Курганская область	25,7	55,2	19,1	34,7
Оренбургская область	26,7	56,1	17,2	33,5
Пермская область	25,4	56,6	17,4	33,9
Свердловская область	24,6	56,9	18,4	34,7
Челябинская область	25,0	56,8	18,2	34,5
Башкортостан	26,7	56,0	17,3	33,4
Удмуртия	27,3	56,6	16,1	32,7

С некоторым опозданием Урал вслед за западными территориями втянулся в характерный для малодетных районов России процесс постарения населения. В настоящее время Урал не намного моложе республики в целом.

Общеизвестно, что постарение населения может зайти так далеко, что важнейшие демографические процессы станут необратимы. Это касается и рождаемости, и естественного прироста населения. На «старой» возрастной структуре населения старейшего промышленного района страны благоприятно сказался кратковременный всплеск рождаемости середины 80-х годов, но доля послерабочих, а тем самым и пожилых возрастов продолжала неуклонно нарастать. Относительная величина трудоспособного населения стала меньше таковой даже по сравнению с 1959 г. В целом средний возраст жителя региона достиг 34 лет (в России практически столько же — 34,7) (табл. 1.6). Для сравнения: средний возраст жителя Земли находится в пределах 26 лет, а, например, женщин в сельской местности Рязанской области — 48,2 года (1989 г.).

Во внутрирегиональном разрезе отчетливо видно, что наиболее «детные» районы имеют и более молодую структуру населения. В основном это связано с влиянием этнодемографических факторов. Однако и в этих районах постарение стремительно нарастает. Еще в 1979 г. средний возраст жителя Башкирии не превышал 32 лет. Ярко выражено постарение населения в Курганской области (доля послерабочего возраста составляет пятую часть). Вообще наиболее высокие уровни постарения наблюдаются в сельских районах, агропромышленных зонах, а также на территории старого горнозаводского Урала, причем особенно высоки они среди женского населения в силу короткой продолжительности жизни мужчин. Не удивительно, что при спаде рождаемости в 1989—1990 гг. пятна депо-

пуляции * обозначились именно в зонах с наиболее высокой степенью постарения населения. Условно постарение населения можно разделить на два основных типа: урбаническое и сельское (к последнему относятся и малые города). В одном случае корни этого явления выступают в своем чистом историческом виде — как результат перехода к малодетности, в другом — наслаиваются еще процессы миграции, «вымывая» прежде всего подростковые и рабочие возраста.

Интересно, что уже в ходе Всесоюзного социально-демографического обследования 1985 г. доля лиц послерабочего возраста составила в Свердловской области 18,1 %, т. е. столько же, сколько по данным переписи 1989 г. (18,5), в том числе у мужчин пожилые возраста составили в указанные периоды 8,8 и 10,1, у женщин показатели совпали — 25,7 %. Доля женщин старше трудоспособного возраста достигла 30,8 %. Все это говорит о том, что в движении к постарению населения сельские районы Урала вскоре могут догнать Нечерноземье и Центр. Даже по самым скромным прогнозам Госкомстата РСФСР, доля послерабочих возрастов в сельских районах области не будет меньше 20 %.

Постарение урбанического типа в основном вызвано неблагоприятным режимом замещения родительских и детских поколений в населении. С учетом потерь материнского поколения от смертности показатели чистого, или нетто-коэффициента замещения поколений матерей дочерьми составили в 1983 г. 1,07, в 1984 — 1,01, в 1987 — 1,04. Все это говорит о том, что показатели воспроизводства населения находились на уровне простого замещения поколений или близком к нему, потому что омоложение брачности завышало суммарные коэффициенты рождаемости и тем самым — показатели брутто- и нетто-коэффициентов. В 1988—1989 гг. величина последнего стала меньше единицы, что свидетельствует о возвращении к суженному режиму замещения поколений.

Расширенный характер воспроизводства населения имеет пока уральское село, но его демографический потенциал сильно подорван миграционными процессами. Интенсивность миграции на Урале в конце 80-х годов заметно снизилась, но по традиции регион по-прежнему теряет в миграционном обмене с другими территориями России и СНГ. И это несмотря на политическую нестабильность. Характерно, что из-за падения уровня жизни в 1990—1991 гг. Урал утратил положительное сальдо миграции даже с Поволжьем и Волго-Вятским районом. Отток населения, а также транзит в Западную и Восточную Сибирь

* В 1990 г. естественная «убыль» населения отмечалась в 13 городах и восьми районах Свердловской области, а в 1991 г. область — единственная на Урале — обнаружила отрицательный естественный прирост населения в 3,5 тыс. человек.

снизились. На этом фоне усилилась внутрирегиональная подвижность. Однако миграционные процессы ведут себя очень неустойчиво, нередко подчиняясь изменениям конъюнктурного плана.

В целом в миграционном обороте ежегодно участвует каждый десятый человек, интенсивность оттока населения с Урала остается высокой — в два раза выше федерального уровня. Основной источник сельской миграции — по-прежнему Башкирия, но миграционный потенциал села, особенно на Среднем Урале, истощается. Характерно, что в 1991 и 1992 гг. обозначился отток населения из Екатеринбурга.

В период между переписями населения 1979—1989 гг. рост русских на территории Урала не превысил 3 %. Наиболее быстро росла численность башкир (в 1,5 раза), казахов (в 1,3 раза), а также удмуртов и марийцев. Сократилась численность украинцев, евреев, немцев, мордвы. Такому изменению способствовала и направленность миграционных процессов. В частности, в потоке прибывших, например в Свердловскую область в 1988 г., выросла доля русских, татар, башкир, марийцев, появилась категория беженцев: азербайджан в городскую местность в 1988—1989 гг. прибыло больше в два раза, армян — в 12 раз.

На примере Уральского региона видно, что кризисные явления и нестабильность экономической и общественно-политической жизни общества могут заметно влиять на ход демографических процессов. Долгое время анализ возможностей демографических катастроф и последствий экономических кризисов находился под идеологическим запретом. Это обусловило сохранение демографической безграмотности и населения в целом и управленческого состава. Немалую роль сыграли репрессивные меры по отношению к демографам и статистикам, возглавлявшим организацию и проведение переписей населения, налаживание учета естественного движения населения в стране. Достаточно вспомнить упразднение двух демографических институтов в нашей стране в 30-х годах, передачу текущего учета в ведение НКВД, историю проведения переписей населения 1937 и 1939 гг., диктат в оценке численности потерь в войнах, от голода, многочисленные рестрикты и цензуру на появление важнейших данных по демографии в открытой печати, особенно регионального плана и с мест.

Возвращаясь к состоянию демографических процессов на Урале в современный период, следует отметить, что после относительно благополучного развития их в стране, республике и регионе в 1983—1987 гг. сейчас наступает время явной депрессии, подготовленной всем ходом предшествующего экономико-демографического развития. Развернувшаяся ломка общественных структур и культуры, состояние общей тревоги и неуверенности семьи и личности в дальнейшем успешном развитии

общества, снижение социально-психологического тонуса жизни усугубляет ситуацию. В этих условиях с 1988—1989 гг. начинает динамично развиваться небывалый прежде спад рождаемости и обозначается подъем общего уровня смертности. К 1989 г. пугающими темпами сокращаются величины естественных приростов, вновь и сильнее, чем в 70-е годы, обозначаются на селе и в горнозаводских районах и поселениях «пятна» депопуляции, кривая брачности ползет вниз, снижаются показатели продолжительности жизни мужчин, в миграционных процессах наблюдаются хаотическое движение, перемены основных традиционных направлений и потоков мигрантов. В 1990—1992 гг. эти процессы углубляются. Однако перепись населения 1989 г. фиксирует несколько больший размер семейной ячейки преимущественно в аграрных и национальных районах. Поправляется потенциал рождаемости на селе, из-за снижения доли высоких очередностей рождения детей уменьшается уровень младенческой смертности. Но в целом постарение населения заметно прогрессирует, превращаясь во все более серьезную для уральских территорий проблему. В целом складывается парадоксальная картина — демографический спад циклично совпадает с экономическим, что лишь отчасти объясняется отсроченными рождениями и свадьбами и в основном задается развитием демографических структур. Однако так или иначе демографическая система и поведение ее опорного элемента — семьи — не только не затрудняют, но в годы кризиса облегчают дыхание усталой экономике. Это действие аналогично тому, как на протяжении ряда лет сокращение среднего размера семейной ячейки помогало почти в два раза увеличивать прирост жилого фонда для семьи. Демографическая подсистема общества объективно и субъективно пытается подстроиться под движение социально-экономических процессов, семья расплачивается за ошибки в управлении экономикой и обществом не только деньгами, но и человеческим капиталом.

1.2. ЭВОЛЮЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЬИ

Увеличение числа малодетных семей, как правило, связывают с отмиранием традиционной крестьянской семьи, ростом городского и промышленного населения. Однако на территории горнозаводского Урала индустриальное население сложилось еще до начала массового перехода к малодетным семьям. Сохранившиеся данные официальной статистики, а также результаты выборочных социально-демографических и этнографических последствий позволяют раскрыть региональные особенности многодетной рабочей семьи и определить основные этапы перехода к малодетным семьям.

В дореволюционный период население Урала заметно отличалось от населения европейской части России более высоким

уровнем брачности, смертности, рождаемости. А. Г. Рашин в монографии «Население России за 100 лет» приводит данные переписи 1897 г., согласно которым доля замужних женщин в возрасте 15 лет и старше в целом по 50 губерниям европейской части России составляла 62,6 %, в то время как в Пермской и Оренбургской губерниях она равнялась соответственно 65,2 и 73,8% (177). В конце XIX — начале XX в. девушки из рабочей среды выходили замуж в возрасте 16—18 лет (девушке после 20 лет приходилось рассчитывать на брак разве что со вдовцом). На добрачные связи мужчин смотрели сквозь пальцы, не допуская, однако, сближения с девушками, которых, в свою очередь, держали строго [112]. Доля внебрачных рождений в целом была небольшой, в Пермской губернии она составляла в 1846—1860 гг. 2,4 % и была выше среднего для европейской части России уровня. Это объяснялось большим количеством внебрачных детей среди нерусских национальностей. По свидетельству Х. Мозеля, у пермяков «девство при вступлении в брак не ценилось», выходили замуж поздно, женились рано. Чем больше было у невесты «миронов», т. е. «нажитых от мира» детей, тем больше помощников было мужу и лучше для семейного благосостояния. В результате на 100 браков у коми-пермяков приходилось 48 «миронов» [136].

В рабочей среде внебрачная рождаемость была так же редка, как и у крестьян. Окончательное решение о вступлении в брак принималось, как правило, родителями молодых. Естественно, что в условиях ранней и практически всеобщей брачности состояние в браке выступало решающим фактором, влияющим на уровень рождаемости. Расчеты О. В. Марченко, использовавшей для оценки факторов рождаемости индексы Коула, показали, что доля женщин, состоящих в браке в 1896—1897 гг., определяла более высокий уровень рождаемости в городской и сельской местностях Оренбургской и Пермской губерний по сравнению с таковыми в европейской части России [128].

Безусловно, влияние уровня брачности и возраста вступления в брак на рождаемость было решающим при отказе основной массы семей от намеренного ограничения рождаемости. Стремление родителей рожать столько детей, сколько они могли, находилось под воздействием высокого уровня детской и младенческой смертности. Из-за опасения оказаться бездетными детей рожали как бы с запасом. Однако роль данного мотива нельзя абсолютизировать при рассмотрении основных причин установки на рождение как можно большего числа детей в семье. Конечно, Урал отличался высоким уровнем детской смертности. Например, в 1867—1881 гг. на каждую тысячу родившихся в Пермской губернии в возрасте до 5 лет умирал 541 ребенок, в Оренбургской несколько меньше — 470 детей, а в среднем по европейской части России — 423 ребенка;

в 1887—1896 гг. уровень детской смертности был рекордно высок и составил соответственно 545, 491 и 432 ребенка [177, с. 159—160, 168, 198].

Попытаемся статистически оценить размеры потерь от младенческой смертности относительно общего числа родившихся и определить приближенно тот «запас» рождений, который вынуждены были учитывать родители в своих репродуктивных намерениях. Интересно также узнать, каким был бы в то время уровень рождаемости на Урале, если бы уровень младенческой смертности не был столь высок.

Термин «бесполезная рождаемость» был впервые введен Н. С. Соколовой [196], но упоминание о «бесполезной плодовитости» мы находим еще у С. А. Томилина [207, с. 137]. В данном случае воспользуемся техникой расчетов по В. А. Борисову [32]. Зная коэффициенты младенческой смертности и число родившихся за год, можно определить общий коэффициент рождаемости за вычетом числа детей, которые умерли, не дожив до года, т. е. рассчитать так называемый редуцированный коэффициент рождаемости и определить величину бесполезной рождаемости. Для этого воспользуемся следующей формулой расчета: $N' = N\,(1 - 0{,}001 M_0)$, где N' — редуцированный коэффициент рождаемости (РКР); N — общий коэффициент рождаемости (ОКР); M_0 — коэффициент младенческой смертности (КМС).

В Пермской губернии уровень бесполезной рождаемости был наиболее высок в 1867—1881 гг.— 24,8 на 1000 родившихся (24,8 ‰), в Оренбургской — 18,6 ‰, а в целом по европейской части России он был значительно ниже — 13,6 ‰; в 1886—1897 гг. уровень бесполезной рождаемости на указанных территориях практически не менялся — соответственно 23,7, 17,8 и 13,6 ‰; в 1908—1910 гг. произошло повсеместное снижение уровня бесполезной рождаемости. В европейской части России он составил 11,9 ‰, на территории Пермской и Оренбургской губерний — 18,5 и 15,1 ‰. Интересно, что редуцированный (очищенный от влияния уровня младенческой смертности) коэффициент общей рождаемости в Пермской губернии в течение трех указанных периодов был меньше (в 1867—1881 гг.— 31,9, в 1886—1897 гг.— 30,6, в 1908—1910 гг.— 39,2 ‰), чем в Оренбургской губернии (соответственно 39,6; 39,9 и 45,1 ‰), а в указанные периоды до начала XX в.— ниже, чем в среднем и по европейской части России (36,5; 36,0; 33,9 ‰).

Таким образом, младенческая смертность оказывала более сильное влияние на рождаемость на территории края, нежели в европейской части России. Однако, даже если исключить фактор детской смертности, рождаемость находилась на весьма высоком уровне (30—45 ‰), и это требует своего объяснения в плане феномена многодетности.

Обратимся к данным о размерах семей. Статистик Д. Н. Мерхалев, один из организаторов Всесоюзной переписи населения 1926 г. на территории края, обследовал 975 крестьянских семей и установил, что в семьях, выделившихся в самостоятельные хозяйства в 1880—1903 гг., на одного работника приходилось в среднем 4,8 едока, или 5,2 человека на одно крестьянское хозяйство. При этом была выявлена прямая зависимость между размерами семьи и площадью посевных — наследие общинного перераспределения земель по числу женатых мужчин в семье. По мнению исследователя, основные усилия семьи, ведущей натуральное хозяйство, были направлены на поддержание баланса между количеством работников и числом едоков, что достигалось, с одной стороны, за счет максимальной кооперации труда всех членов семьи (при этом основой существования хозяйства был труд мужчин) и за счет исключительно высокой рождаемости — с другой [138]. Отсюда понятна заинтересованность крестьянских семей в дополнительной рабочей силе, в детях как потенциальных работниках и опоре в старости.

Рабочая семья на Урале в конце XIX — начале XX в., судя по дошедшим до нас источникам, была по своим размерам не меньше крестьянской. По данным Е. И. Красноперова, проведшего в 1886 г. посемейную перепись населения на Дедюхинском заводе Пермской губернии, в среднем семья домовладельца или его квартирантов состояла из 4,6 человека [111]. Согласно поквартальной ведомости Выйского завода в Нижнем Тагиле, в 1856 г. средние размеры семьи коренных рабочих были в пределах 5,2—5,6 человека, а по данным приемного листа Гальянского училища, в 1895—1896 гг. семья в среднем насчитывала 6 человек [112]. Основной причиной большого размера семьи была также повышенная рождаемость.

В дореволюционный период Урал заметно выделялся высоким уровнем рождаемости. Например, в 1910 г. в среднем по 50 губерниям европейской части России на каждый заключенный в году брак приходилось 5,3 рождения, а на территории Урала — 6 [177]. Аналогичных данных о социальной дифференциации рождаемости на Урале в указанный период в нашем распоряжении нет, поэтому приходится опираться на материалы локальных этнографических исследований.

По замечанию В. Ю. Крупянской, в семьях горнозаводского населения Нижнего Тагила в конце XIX в. рождалось до 15 детей, из которых выживали менее половины. Рабочая семья в Нижнем Тагиле была значительно многолюднее, чем, например, в Питере (здесь в 1908 г. половина всех семей рабочих имела только одного или двух детей, и лишь пятая часть — трех и более). В 1895 г. в Нижнем Тагиле 58,3 % семей имели от трех до пяти детей, 15,9 % — шесть и более. В остальных семьях было не более одного-двух детей [112, с. 49]. Как видим, на семью приходилось в среднем 4,5 ребенка. Но если

Таблица 1.7

Повозрастные коэффициенты рождаемости у женщин Уралобласти (1928 г.), число живорождений на 1000 женщин данной возрастной группы

Возраст, лет	Рабочие	Крестьяне	Служащие
До 20 лет	108,5	49,9	32,9
20—24	364,7	330,8	168,4
25—29	349,6	330,3	147,6
30—34	303,4	306,9	133,9
35—39	234,2	243,0	86,0
40—44	120,8	133,5	37,6
45—49	16,2	92,3	6,9
15—49	294,4	219,3	98,9
Суммарный коэффициент рождаемости (в расчете на 100 женщин)	749	743	307

принять во внимание размеры детской смертности на территории Пермской губернии в 1887—1896 гг., то легко подсчитать, что замужняя женщина рожала не менее восьми-десяти детей, т. е. столько, сколько рождалось и у крестьянки, по свидетельству Б. Н. Миронова [135]. Учитывая эти данные, можно предположить, что уровень рождаемости в рабочих семьях горнозаводского Урала в конце XIX в. был, по крайней мере, не ниже, чем в крестьянских семьях.

Анализ данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. и сведений о распределении родившихся на территории Уралобласти в 1928 г. по возрасту и социальному положению родителей (регистрировалось социальное положение отца, а если оно не было известно — матери) подтвердил предположение о многодетности рабочей семьи на Урале (табл. 1.7). При расчете на основе данных о миграции [215] и таблиц смертности Ф. Н. Лебедева [170] было учтено изменение возрастной структуры женщин различного социального положения за период 1926—1928 гг. [64].

В силу инертности демографических процессов уровень рождаемости в рабочей среде Урала оставался высоким до 30-х годов нашего столетия. Результаты расчетов, приведенных в табл. 1.1, свидетельствуют о превышении частоты деторождения у женщин из рабочих семей по сравнению с крестьянками в возрасте до 30 лет. Данное обстоятельство объяснить трудно. По-видимому, крестьяне оттягивали рождение первенца, опасаясь, что родится мальчик и на семью ляжет подушевой налог. То, что это явление имело место и в 30-е годы, можно объяснить

только инерционностью норм демографического поведения и обыденного мышления, следовательно, и репродуктивных установок крестьянских семей. Учтем также, что до революции крестьяне зачастую женили малолетних ребят на взрослых девушках [87].

Характерно, что после 30 лет крестьянки рожали чаще, чем женщины из рабочей среды. К возрасту 45—49 лет перевес в частоте деторождения у крестьянок по сравнению с женщинами-рабочими был уже многократным, что, по всей вероятности, связано с максимально возможной рождаемостью у крестьянок, с одной стороны, и с распространением установки на ограничение рождаемости в рабочих семьях — с другой. В итоге суммарная рождаемость у женщин-рабочих и крестьянок была в принципе одинаковой — 7,5—7,4 рождения за всю жизнь. Однако уровень рождаемости был еще выше, так как определенное число рождений не учитывалось статистикой. Столь высокий уровень рождаемости свидетельствует о том, что в 30-е годы еще не произошел переход к нормам малодетности, значит, таким уровень рождаемости мог быть и в конце XIX — начале XX в. Исключение составляли семьи служащих (интеллигенции), которые уже в середине 30-х годов переходили к нормам малодетности и находились, судя по данным табл. 1.1, на этапе среднедетности. Поэтому никаких ретроспективных выводов относительно этой группы населения сделать с достаточной точностью нельзя. Репродуктивное поведение служащих в конце XIX — начале XX в. и в 30-х годах XX в. оказывало весьма слабое влияние на семьи других социальных групп. К тому же прослойка служащих на Урале традиционно была малочисленной.

Почему же среди горнозаводского населения Урала сохранялась установка на многодетную семью? Главным фактором многодетности рабочей семьи были особые внутрисемейные отношения, обусловленные традиционным укладом жизни горнозаводского населения. Оно было привязано поземельными отношениями к разбросанным по большой территории мелким заводам. Подавляющая часть рабочих семей Урала на рубеже XIX—XX вв. жила в сельской местности, что также имело немаловажное значение для поддержания норм многодетности. Доля городского населения была небольшой. В 1863 г. она составила на Урале 3,2 %, тогда как в среднем по европейской части России — 9,9 %, в столичных губерниях — 38,6 %, а в 1914 г. соответственно 4,8, 14,4 и 62,9 % [176]. В. И. Ленин подчеркивал, что городское население Урала в пореформенный период было значительно меньше индустриального, т. е. неземледельческого [122].

Таким образом, уклад жизни основной массы рабочих и их семей на Урале был близок к крестьянскому, но отождествлять их нет никаких оснований. Вместе с тем наличие значительной

доли индустриального населения способствовало в дальнейшем интенсивной урбанизации региона (особенно Среднего Урала) и ускоряло падение уровня рождаемости в условиях демографического перехода.

В конце XIX в. патриархальные отношения в рабочей семье были еще очень сильны. Отношения между мужем и женой, старшими и младшими строились на основах патриархального деспотизма, дисциплины, неукоснительного подчинения младших старшим, детей — родителям, всех членов семьи — ее главе. В таких условиях глава семьи был полновластным хозяином и распорядителем рабочей силы всех своих близких и родственников. Наиболее деспотичными и консервативными межпоколенные связи были в старожильческих старообрядческих семьях, отличавшихся религиозным фанатичным отношением к семье и браку. Более либеральным и демократичным был уклад жизни в семьях выходцев из средней полосы Урала и с Украины.

Наибольший спрос на мужскую рабочую силу (сыновей) предъявляли большие семьи, состоящие из родителей, двух-трех женатых сыновей, их семей и семей родственников. Такие рабочие семьи существовали как отдельные производственные корпорации, выполнявшие на заводе большой объем тяжелой физической работы (извоз, углежжение). Глава большой многопоколенной семьи являлся как бы подрядчиком завода. Именно к нему стекались все заработки членов семейной группы (и это в условиях индивидуальной формы расчета с рабочими!). Отдельные большие семьи просуществовали, например в Нижнем Тагиле, до 20-х годов нашего столетия, но уже в конце прошлого века они не были типичными. Основную часть составляли семьи такого типа, как брачная пара с детьми, в том числе с одним женатым сыном.

В так называемой этнографами «малой» рабочей семье потребность в детях была велика. Несмотря на процесс нуклеаризации семейной структуры рабочего населения, патриархальные устои отношений родителей и детей еще не были изжиты. Малая рабочая семья унаследовала от большой принцип «работы в один котел». Глава семьи по-прежнему распоряжался всеми денежными и натуральными ресурсами семьи и рабочей силой своих домочадцев. Семья существовала в основном на заработки мужчин. Заметно улучшало материальное благосостояние рабочей семьи использование на заводах труда детей и подростков, и, хотя их заработки были копеечными, семья нуждалась в них [112]. Определенные преимущества семье давал труд детей в домашнем и подсобном хозяйстве. Кроме того, семья выполняла значительный объем сельскохозяйственных работ, особенно в летнее время (многие рабочие, помимо приусадебных участков, огородов, имели покосы, держали скотину, владели небольшими участками пахотной земли). Привязанность к земле сковывала территориальную и социальную мобильность рабочего, способствовала сохранению патриархальности быта и стимулировала многодетность. О «выгодности» многодетной семьи говорит также тот факт, что в рабочей среде в конце XIX в. сохранялся обычай, по которому хотя бы один из женатых сыновей (обычно младший) оставался с родителями и материально обеспечивал их в старости.

На повышение уровня рождаемости в рабочей семье влияло и то, что замужняя женщина, как правило, не работала на заводе, тогда как крестьянка была занята на основных сельскохозяйственных работах наравне с мужчиной. Это, в частности, объясняет заинтересованность крестьянской семьи в том, чтобы женщина не была беременна в наиболее напряженный трудовой период [52]. Такой уклад жизни в рабочей семье просуществовал до конца 30-х годов XX в. и был отражен переписью 1926 г., по данным которой на территории Уральской области «несамодеятельными» в девичестве (не имевшими самостоятельных источников средств существования) были 48,3 % женщин из рабочих, тогда как в замужестве — уже 89,3 % (у крестьянок — соответственно 6,9 и 9,8, у женщин-служащих — 35,3 и 76,3 %). Женщин из рабочей среды овдовение и развод побуждали к участию в общественном производстве, что сокращало долю несамодеятельного населения соответственно до 51,6 и 12,5 % (у женщин-служащих — до 48,2 и 11,4 %). Но вдовство резко ограничивало экономическую активность и самостоятельность крестьянок (доля несамодеятельных увеличивалась до трети [64]).

В дореволюционный период женщина экономически не была заинтересована в том, чтобы работать на заводе, даже если, овдовев, не могла прокормить семью. В последнем случае все оставшиеся средства уходили на похороны и поминки, на которые созывались не менее 40 человек [111], в результате семья оставалась без средств к существованию. Однако по обычаю ближайшие родственники зачастую усыновляли и удочеряли сирот.

Мужские заработки были намного выше женских. Например, в 1886 г. на Дедюхинском заводе среднегодовой заработок мужчин составлял 136,6 руб., женщин, занимавшихся соленошением,— 71,9 руб., приготовлением пакли — только 3,7 руб. [111]. Об экономической и правовой зависимости женщины в семье говорит то обстоятельство, что при наследовании доля матери была в два раза больше доли дочери и в два раза меньше доли сына. На замужнюю женщину в рабочей семье ложились все заботы о детях и домашнем хозяйстве, включая ежедневную обработку приусадебного участка. В этих условиях не могло быть и речи об иждивенчестве женщины в такой семье.

Забота о малых детях, стремление организовать их досуг и воспитание свидетельствуют о том, что рабочим не было чуждо чадолюбие. Трудно согласиться с тем, что в прошлом забота

о малышах не была в обычае семьи [63, с. 149]. На территории Урала до сих пор встречаются такие поговорки, как «Дети не в тягость, а в радость», «Какой ни отруби палец — все больно» и т. д. [184, с. 94—96].

В послереволюционный период облик рабочей и крестьянской семьи значительно преображается. Отмирание социально-экономических устоев многодетности происходит под воздействием характерной для того времени ломки экономической, социальной и политической структур общества. Под влиянием ускоренной индустриализации края, концентрации промышленности и городского населения, бурного притока рабочей силы на Урал быстро растет численность промышленного населения. Жизнь рабочего теперь не так жестко связана с экономической функцией семьи, а существование членов семьи все больше зависит от внесемейных форм занятости и источников жизнеобеспечения. Проведенная в 30-е годы коллективизация покончила с принципом распределения земли по едокам, с натуральным замкнутым хозяйством крестьянской семьи и тем самым — с главной экономической опорой многодетности.

В этот период в сферу общественного производства активно вовлекаются женщины. Характерным для Урала становится повышение уровня женской занятости в отраслях тяжелой промышленности. Первоначально оно вызывало недовольство и сопротивление кадровых рабочих на старых заводах, но уже во второй половине 30-х годов приобрело массовый характер. Данный процесс кардинальным образом подрывает патриархальные устои и установку на многодетную рабочую семью, так как замужняя женщина приобретает экономическую независимость, ее растущие профессиональные притязания стимулируют рост уровня образования и культуры. Все это увеличивает внесемейную ориентацию женщины, расширяет ее потребности, ограниченные прежде узким кругом семьи, домашнего и подсобного хозяйства.

Фактическую зависимость женщины в семье невозможно было преодолеть за короткий исторический срок, но уже в 30-е годы женщина, занятая в общественном производстве (в основном на работах, требовавших большого объема физического ручного труда), могла прокормить не только себя, но и своих детей. Советское законодательство закрепило процесс эмансипации женщины в семье и обществе. Характерно, что в 20—30-е годы в Нижнем Тагиле увеличивается число неполных семей, возглавляемых женщинами [113].

Мощный удар по традициям многодетности наносит социалистическое трудовое законодательство, запретившее использование труда детей и подростков в общественном производстве и в частном секторе. Аналогичную роль, но в более поздний период — в 60-е годы, начинает играть система социального обеспечения, в частности закон о государственных пенсиях, согласно которому были повышены уровни пенсионного обеспечения, снижены возрастные границы выхода на пенсию по старости и нетрудоспособности. В результате резко увеличивается численность пенсионеров, сокращается занятость пожилых людей в общественном производстве и ослабевает влияние многодетности как своеобразного гаранта материальной обеспеченности в старости, хотя законодательство СССР и предусматривает взаимную ответственность родителей и детей [148]. Трудно сказать, каким образом повлияет уменьшение социальных гарантий старости на рождаемость.

В 30-е годы значение детей как залога обеспеченной старости было высоким. Большую значимость для отмирания основ многодетности имела трансформация ролевых функций членов семьи, в частности женщины, укрепление ее авторитета хозяйки, распорядителя семейным бюджетом, воспитателя детей. На изменение репродуктивных установок начинают оказывать влияние миграционные процессы и увеличение числа гетерогенных (смешанных) по социальному составу браков.

Нельзя обойти вниманием изменившееся отношение рабочих к религии, снижение степени религиозной аффиляции (приверженности) к церковным догматам и установкам православия и ислама на брак, семью, рождение детей, веру в загробную жизнь (коллективное осознание факта смерти) и т. д. Так, прерывание беременности считалось грехом и влекло за собой наказание, как и ослушание старших в семье, мужа и т. п.

Перелом в религиозных воззрениях на брак и семью, по-видимому, наметился уже в середине 30-х годов. Об этом косвенно свидетельствует статистика церковных браков. Так, если в 1917—1921 гг. девять браков из десяти были церковными, то в 1922—1924 гг. таковых было 40 %, а в 1934—1935 гг.— всего 2,4 % [113]. Меняется также и возраст вступления в первый брак. Ранние браки в 16—17 лет, составляющие в 1917—1924 гг. треть всех браков, в 40-х годах уже не имели места. Девушки из старожильческих семей в Нижнем Тагиле вступали в брак в 19—22 года, а юноши в 23—27 лет — после возвращения из армии [113]. Изменения в брачности способствовали снижению рождаемости, отмеченному прежде всего в крупных городах Урала. Дополнив данные Н. К. Курсакова и Н. П. Бояршиновой [116] статистикой рождаемости за 1989—1991 гг., рассчитаем число детей на 100 женщин (табл. 1.8).

В 1926 г. в возрастной группе 15—49 лет рождаемость в Екатеринбурге составила 132 ребенка на 1000 женщин, в Перми — 127,9, а в Челябинске — 160, Тюмени — 174,6, что соответствует примерно четырем-пяти рождениям на женщину за всю ее жизнь. Но именно такое количество детей было у тагильчанок старших брачных поколений. Совпадают также показатели реальных и условных поколений за 30-е годы.

В 1913 г. на 1000 жителей Екатеринбурга приходилось 47,6

Таблица 1.8

Повозрастные коэффициенты рождаемости у женщин Екатеринбурга, число живорождений на 1000 женщин данной возрастной группы

Возраст	Год					
	1939	1959	1970	1979	1989	1991
До 20 лет	31,4	18,0	22,3	29,9	35,6	36,0
20—24	189,6	109,7	120,9	106,7	120,6	99,1
25—29	189,4	104,5	68,9	80,7	87,2	65,6
30—34	132,8	60,6	57,2	50,1	47,5	33,7
35—39	74,2	27,9	15,5	10,9	18,5	12,1
40—44	33,1	5,5	3,0	2,4	4,1	2,4
45—49	5,1	0,4	0,3	0,1	0,1	0,1
15—49 *	116,7	55,6	44,9	46,0	48,1	36,9
Среднее число детей на 100 женщин . . .	328	163	144	140	157	124

* Здесь и далее — специальный коэффициент рождаемости.

Таблица 1.9

Повозрастные коэффициенты рождаемости у замужних женщин Екатеринбурга, число живорождений на 1000 женщин данной возрастной группы

Возраст	Год			
	1926	1959	1970	1989
15—19	319,1	342,7	320,1	371,2
20—24	339,6	248,3	273,5	217,7
25—29	251,0	144,8	104,9	107,8
30—34	185,5	79,7	68,6	50,1
35—39	137,9	38,0	22,4	18,0
40—44	42,4	8,5	3,5	3,5
45—49	14,2	0,8	0,4	0,6
15—49	177,2	141,0	147,0	69,6

рождений, в 1926 г.— 39,6 (для сравнения: на Урале в целом — 56,7 рождений). В 1940 г. показатель рождаемости в городе был еще очень высок и за счет интенсивности рождений, и за счет «молодой» возрастной структуры: на 1000 жителей приходилось 36,7 рождений. Но уже в 1960 г.— 18,7 (в регионе — 27,2), а в 1970 г. произошел тяжелейший спад — 14,6 (15,6 ‰), который был воспроизведен в динамике 90-х годов, т. е. через поколение. Судя по всему, после 60-х годов на общие коэффициенты рождаемости в городе оказывала влияние в основном наполняемость наиболее фертильного возраста — 20—29 лет. Удельный вес женщин этого возраста в группе 15—49 лет составил в 1926 г. 40,7 %, в 1939 г. он почти не изменился — 40,5, в 1959 г. уменьшился до 36,9, к 1970 г. упал до 27,8, в 1979 г. подскочил до 36,1, что не замедлило сказаться на вале рождаемости, в 1989 г. вновь снизился до 31,4 % [116]. Как менялись показатели рождаемости в браке у женщин Екатеринбурга, видно из табл. 1.9.

Высокий уровень рождаемости, наблюдаемый у замужних женщин в возрасте до 20 лет, катастрофически падает у старших поколений, причем начиная с группы женщин 20—24 лет. Как видно, подлинное истощение рождаемости заложено в исторической тенденции уменьшения числа детей в браке, т. е. в семье, при этом в крупных городах начинает доминировать установка на рождение одного ребенка.

Отмиранию многодетной семьи способствовало снижение уровня младенческой смертности. Если в 1925 г. в расчете на 1000 родившихся он составил 357,2, то в 1929 г. заметно снизился — до 285,6. Несмотря на положительную тенденцию сокращения младенческой смертности, уровень «бесполезной рождаемости» был еще высок. В 1925 г. общий коэффициент рождаемости на Урале составил 53 ‰, а уровень «бесполезной рождаемости» — 18,9 ‰, следовательно, уровень «чистой» (редуцированной) рождаемости был весьма высок (34,1 ‰) и, по всей видимости, зависел от интенсивности миграции на Урал молодежи. В результате усилий органов здравоохранения падение младенческой и детской смертности на Урале в советский период было многократным. Это не могло не отразиться на психологии родителей [215].

В совокупности все указанные процессы обусловили изменение функций детей в семье и создали новую основу для внутрисемейной иерархии ролей, отношений между поколениями старших и младших, родителей и детей. С 30-х годов начинается трансформация норм демографического поведения семьи. Среднее число детей на семью тагильчан, вступивших в брак в 1926—1930 гг., составило 3,1, в 1936—1940 гг.— 2,4, в 1946—1950 гг.— всего 1,9 [113].

Заметно изменились состав и размеры семьи. Если в 1926 г. средний размер семьи на Урале составлял 4,06 (больше, чем

в среднем по РСФСР — 3,87 и СССР — 3,92), то в 1959 г. средний размер семьи в Уральском экономическом районе (УЭР) был равен 3,7 человек, т. е. немногим больше, чем в целом по РСФСР (3,6), и столько же, сколько по стране в целом. В 1979 г. средний размер семьи в регионе сократился до 3,3 человек, т. е. стал равен показателю в республике, но уменьшился по сравнению с общесоюзным (3,5 человек) [229].

Многочисленные семьи уходят в прошлое. Если в 1959 г. в УЭР семей, состоящих из семи и более человек, насчитывалось в городской местности 4,2 %, в сельской — 8,6, то в 1979 г. в городской местности — всего 1,4, а в сельской — 4,7 %. В настоящее время региональные различия в среднем размере семьи сглажены. Характерно одно — доминирование семей, состоящих из трех человек: в 1959 г. в УЭР их было 25,2, а в 1979 г.— 30,0 % от всех семей. Если в 1979 г. в Свердловской и Челябинской областях средний размер городской и сельской семей стал одинаковым (3,2—3,3 человека), то семьи максимального размера в сельской местности Башкирской и Удмуртской АССР достигали 3,7—3,9 человек. Данная корреляция еще раз подтверждает, что в условиях интенсивной нуклеаризации семей, раннего обособления молодых семей основным источником укрупнения размеров семьи является рождаемость. К 1989 г. размеры семьи на Урале практически не изменились. Снижение уровня рождаемости и сокращение размеров семейной группы в 1959—1979 гг. сопровождались численным ростом семей. Число семей в регионе выросло с 4,1 до 5,1 млн. Наиболее интенсивным был процесс увеличения числа городских семей (с 2,4 до 3,7 млн), что связано с урбанизацией и переливом сельского населения в города, а также с изменениями в системе расселения. В итоге количество городских семей возросло в полтора раза, а сельских — сократилось на 269,4 тыс., составив только 1442,1 тыс. семейных ячеек. В 1989 г. число семей в УЭР достигло 5,6 млн.

Расчеты рождаемости на Урале показывают, что на каждые 100 женщин условного поколения приходилось в среднем в 1928 г. 693 рождения (на территории СССР в 1926—1927 гг.— 537 детей); в 1958—1959 гг.— 281, в 1969—1970 гг.— 210 (в СССР — 239) рождений. В 1978—1979 гг. величина суммарного коэффициента рождаемости в СССР составила 229, а на территории УЭР — 196. Таким образом, рождаемость в регионе снизилась до уровня, не обеспечивающего простое воспроизводство населения.

Наряду с общим падением рождаемости сократилась ее социальная дифференциация. Если в 1967 г. величина суммарного коэффициента рождаемости (СКР) составила у колхозниц 389, у женщин-рабочих — 265 и у служащих — 193, то в 1977 г. она уменьшилась во всех указанных группах: соответственно 290, 198 и 176. Наиболее заметным процесс снижения

Таблица 1.10

Динамика повозрастных коэффициентов рождаемости на Урале, число живорождений на 1000 женщин данной возрастной группы

Возраст	Годы				
	1927—1928	1958—1959	1969—1970	1978—1979	1988—1989
До 20 лет	67,9/53,8	27,7/53,9	37,5/51,1	38,7/59,5	51,7/91,7
20—24	322,0/349,0	148,9/217,6	141,9/196,1	147,5/213,9	160,5/223,4
25—29	274,3/348,0	139,3/203,3	100,6/139,7	99,6/137,3	93,8/126,2
30—34	209,0/304,7	84,3/149,9	59,4/96,3	51,3/77,7	46,2/71,2
35—39	146,5/241,4	44,4/96,1	30,1/53,3	14,7/35,6	19,1/35,0
40—44	70,5/132,9	13,7/38,0	7,0/18,9	3,8/13,1	4,8/10,9
45—49	14,5/36,8	1,6/6,3	0,5/2,7	0,1/0,7	0,1/0,3
15—49	178,2/214,3	77,9/119,7	54,6/70,9	57,7/78,4	46,7/86,4
Среднее число детей на 100 женщин	552/733	231/383	189/287	178/269	191/279

Примечание. В числителе — данные для города, в знаменателе — села.

Таблица 1.11

Стандарты брачной рождаемости, число живорождений на 1000 женщин данной возрастной группы

Тип стандарта	Возрастные группы женщин, лет*					
	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
Гуттериты, браки 1921—1930 гг. . .	549	502	447	406	236	63
Функция естественной рождаемости Коула-Трассела	460	431	396	321	167	24
ГМЕР В. А. Борисова	400	377	349	279	155	31
Брачная рождаемость, «очищенная от влияния лактации» (А. А. Авдеев) . .	679	638	547	412	204	59

* В возрасте 15—19 лет у гуттеритов — 300 детей на 1000 женщин.

рождаемости был в городах. Так, средний порядковый номер родившегося составил в городской местности УЭР в 1964 г. у рабочих 2,09, у служащих — 1,67; в 1977 г. показатели снизились и сблизились: соответственно 1,72 и 1,6.

За полувековой период рождаемость в регионе значительно «помолодела». Доля детей, родившихся у женщин в возрасте до 30 лет, в 1928 г. составила у крестьянок 35,0, у рабочих — 69,1, служащих — 72,5 %. В настоящее время от 80 до 90 % родившихся появляются у женщин в возрасте до 30 лет [114]. В целом сокращение частоты рождаемости происходит во всех возрастных группах, за исключением самой молодой — до 20 лет. Урал в этом плане не составляет исключения (табл. 1.10).

Данные за 1988—1989 г., для лучшего динамического сопоставления рассчитаны без учета показателей по Башкирии, вошедшей в состав региона в 1982 г. Однако проверка с включением Башкирии в население Урала показала, что отклонения в суммарных показателях СКР минимальны. Если СКР в 1988—1989 г. в УЭР (без Башкирии) составили 208, то с Башкирией — 210 детей на 100 женщин, по городской местности — соответственно 191 и 190, в сельской — 279 и 285. В последнем случае влияние феномена башкирской рождаемости более сильно. В целом же рождаемость, сокращаясь, все более «молодеет», и на возрастные группы после 30 лет приходится лишь пятая часть рождений. Отчетливо видно, что радикальный спад рождаемости буквально за полвека сделал критическим уровень воспроизводства поколений в городских условиях. Кроме того, период с 1969 по 1989 г.— это время спада и всплеска рождаемости в наиболее фертильной группе 20—24 лет.

1.3. АНАЛИЗ ПРИЧИН СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ НА УРАЛЕ

Для того чтобы оценить причины снижения рождаемости в регионе, необходимо, как того хотел в свое время Ф. Н. Лебедев, применить модель, с одной стороны, учитывающую уровень плодовитости, или естественной рождаемости, а с другой — дающую представление о фактическом уровне рождаемости. Последнее не представляет никаких трудностей. Проблема заключается в оценке уровня гипотетической или, вернее, естественной рождаемости, для измерения которой, по мнению А. А. Авдеева [5], следует применять нормативные модели рождаемости (Л. Анри, Э. Коула, Т. Дж. Трассела и В. А. Борисова), использующие определенный стандарт повозрастных коэффициентов брачной рождаемости в условиях отсутствия контрацепции и искусственного аборта. Заметим, что выбор стандарта в той или иной модели отвечает концептуальной позиции исследователя. Например, Э. Коул учитывает не усредненные оценки (как Л. Анри), а максимум из всех когда-либо имевших место коэффициентов брачной рождаемости (брачная когорта гуттеритов 1921—1930 гг.— в среднем более 12,5 рождений на женщину за всю ее жизнь). В. А. Борисов стремится учесть минимум естественной рождаемости на территории нашей страны, т. е. такую величину, «относительно которой можно быть уверенным, что ниже нее уровень брачной рождаемости не мог бы опуститься в нормальных санитарных условиях, при отсутствии намеренного ограничения рождаемости» [32, с. 52]. Можно согласиться, что оценки Э. Коула и В. А. Борисова образуют своеобразную вилку максимума и минимума. При этом А. А. Авдеев [5] полагает, что различия можно устранить, если принять во внимание другой метод — построение модели «промежуточных переменных» (Д. Блэйк, К. Дэвис, Дж. Бонгаардс), т. е. перейти от нормативных оценок к реконструкции уровня естественной рождаемости конкретного массива населения. В результате точного учета деятельности послеродовой аменореи и грудного вскармливания различия максимальных и минимальных оценок сводятся, по расчетам А. А. Авдеева, к данным о повозрастных коэффициентах рождаемости по Коулу — Трасселу [5, с. 89—94]. Брачная же рождаемость, «очищенная», помимо всего прочего, и от влияния грудного вскармливания, достигает невероятно высокого уровня — в среднем 12,7 рождений на замужнюю женщину за всю ее жизнь. Вольно или невольно, но использование модели промежуточных переменных возвращает нас к концепции максимума рождаемости, что может быть использовано для запугивания образом перенаселения неспециалистов и обывателей. Однако расчеты А. А. Авдеева подтвердили необходимость использования методик Э. Коула и В. А. Борисова применительно к региональной демографии, позволили оценить эффект лактации по отношению к функции плодовитости и, самое главное, определить, какова доля женщин, нуждающихся в контрацептивной защите при минимизации числа искусственных абортов. Последний фактор может быть представлен в качестве показателя потребности в намеренном ограничении рождаемости, поскольку аборт остается в России основным регулятором ограничения рождаемости. Модель гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) В. А. Борисова не только из-за выбора стандарта по «минимуму (усредненные данные с коррекцией на рождаемость узбечек в 1958—1959 гг.)», но и по ряду других причин имеет преимущества по сравнению с индексами Э. Коула.

Интересно, что мы могли оценить уровень естественной рождаемости на Урале с помощью индексов Э. Коула, рассчитанных самим Э. Коулом в монографии «Снижение рождаемости в Европе» [225] (за единицу взята рождаемость гуттеритов Северной Дакоты в 1920 г.). Построение индексов Э. Коула неоднократно описывалось А. Г. Вишневским [50а, 52]:

индекс общей рождаемости: $I_f = \frac{B}{\sum W_i F_i}$; индекс брачной рождаемости: $I_g = \frac{\sum B^M}{\sum M_i F_i}$; индекс доли состоящих в браке: $I_m = \frac{\sum M_i F_i}{\sum W_i F_i}$; индекс внебрачной рождаемости: $I_h = \frac{\sum B^U}{\sum U_i F_i}$, где B — число родившихся, B^M — число родившихся в браке, B^U — число родившихся вне брака, W_i — численность женщин i-го возрастного интервала, M_i — численность замужних женщин i-го возрастного интервала, U_i — численность незамужних женщин i-го возраста, F_i — возрастные коэффициенты брачной рождаемости гуттеритов. Э. Коул указывает на необходимость лимитации брачной рождаемости гуттеритов под влиянием ряда факторов поведения (функция Коула — Трассела) (табл. 1.11).

Расчеты Э. Коула по территории Урала обнаруживают действие глобальных тенденций убывания рождаемости в браке безотносительно колебания уровня брачности в период с 1940 по 1970 г. (табл. 1.12). Во всяком случае, уровень рождаемости и его изменения выходят из-под контроля фактора брачности, как это было в дореволюционный период (по данным 1897 г.). Принимая во внимание, что гипотетический максимум рождаемости равняется 10,5, легко представить, что означает в таком случае индекс брачной рождаемости величиной 0,23—0,22 на территории Свердловской и Челябинской областей в 1970 г. Гипотетический максимум, составляющий еще в 1926 г. порядка 2/3, снижается на Урале в 40-е годы до 1/2, а затем стремительно — до 1/5, несмотря на повышение индекса брачности в период с 1959 по 1970 г.

Динамика индексов дает, казалось бы, исчерпывающую картину (тем более, что, по мнению А. А. Авдеева, фактор лактационного поведения учитывается в большей степени), а также позволяет сопоставить показатели брачной рождаемости с колебаниями уровня брачности. Это очень удобно. В эвристическом плане представляют интерес данные Э. Коула по индексам брачной рождаемости в 1940 г. Можно сказать, что к концу 30-х — началу 40-х годов регион находился на этапе среднедетности (три-четыре ребенка в семье). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что переход от многодетности в регионе начался в конце 20-х — начале 30-х годов, т. е. значительно позднее, чем в европейской России. Кстати, индексы брачной рождаемости на Урале в 1926 г. таковы, какими они были в 1897 г. в европейской России — 0,78—0,76, при более низком уровне брачности. Если взять 1897 г. за точку отсчета, то «стартовый» уровень брачной рождаемости в регионе также был выше. Данные Э. Коула показывают, что скорость демографического перехода, несмотря на стартовые различия, на территории региона быстро нарастала: если в начале века разрыв в динамике уров-

Таблица 1.12

Динамика индексов Коула [255]

Территория, год исследования	Индекс общей рождаемости (I_f)	Индекс брачной рождаемости (I_g)	Индекс доли состоящих в браке (I_m)
Европейская Россия, 1897	0,54	0,76	0,70
Оренбургская губерния, 1897	0,65	0,80	0,79
Уфимская губерния, 1897	0,58	0,77	0,74
Пермская губерния, 1897	0,60	0,80	0,72
Европейская Россия, 1926	0,43	0,67	0,63
Урал, 1926	0,52	0,78	0,66
Башкирская АССР, 1926	0,54	0,77	0,69
Европейская Россия			
1940	0,28	0,43	0,65
1959	0,21	0,36	0,58
1970	0,15	0,23	0,66
Оренбургская область			
1940	0,36	0,52	0,68
1959	0,27	0,43	0,62
1970	0,17	0,26	0,67
Пермская область			
1940	0,38	0,58	0,66
1959	0,24	0,41	0,59
1970	0,16	0,25	0,65
Свердловская область			
1940	0,36	0,52	0,69
1959	0,20	0,33	0,62
1970	0,14	0,22	0,66
Челябинская область			
1940	0,35	0,51	0,69
1959	0,22	0,34	0,64
1970	0,15	0,23	0,67
Башкирская АССР			
1940	0,35	0,51	0,69
1959	0,32	0,52	0,61
1970	0,19	0,29	0,67
Удмуртская АССР			
1940	0,38	0,58	0,65
1959	0,28	0,50	0,57
1970	0,17	0,27	0,64

Примечание. По нашим расчетам, в 1989 г. индекс брачной рождаемости в Свердловской области стал еще более низким — 0,19, на Урале — 0,21.

ней брачной рождаемости практически соответствовал продолжительности материнского поколения (28 лет), в начале 40-х годов он составлял десять лет, то к 70-м годам уровни фактически сблизились на территории Свердловской и Челябинской областей, ничем не отличались от уровня европейской России. Территориальная дифференциация индекса брачной рождаемости коррелирует с уровнями территориальной дифференциации суммарных коэффициентов рождаемости (СКР) и воспроизводит их по вполне понятным причинам.

К сожалению, попытки оценить внебрачную рождаемость в регионе с помощью индексов Э. Коула по приведенным данным косвенным путем оказались безрезультатными — расчетная величина по Свердловской области, например за 1940—1959 г., оказалась меньше 0,002, т. е. практически ничтожной, что свидетельствует о недостатках системы Э. Коула, ибо общий индекс рождаемости в таком случае должен равняться произведению индексов брачной рождаемости и доли состоящих в браке. Другим недостатком является то, что мы фактически не знаем расчетный уровень естественной рождаемости (потенциал рождаемости) и вынуждены пользоваться лишь показателем степени ограничения рождаемости в браке. Величина потенциала скрыта в знаменателе индекса. Общий индекс рождаемости также мало о чем говорит. Кроме того, на наш взгляд, неправомерно распространять стандарт брачной рождаемости этого индекса на рождаемость женщин других брачных состояний. Возможно, в этом и заключается искажающий эффект информации о внебрачной рождаемости, поскольку долю не состоящих в браке женщин определить нетрудно, а вот о характере рождаемости в этой среде ничего не известно. Рассчитать потенциал рождаемости методом промежуточных переменных также невозможно из-за отсутствия данных о лактационном поведении населения в регионе, о масштабах и эффективности контрацепции. Напротив, хотелось бы оценить хотя бы один из таких факторов косвенным путем, для чего необходима модель, допускающая предельно возможную по критическим оценкам продолжительность грудного вскармливания на территориях такого типа, как Урал. Поэтому необходимы минимальные оценки уровня естественной рождаемости, получить которые можно с помощью модели гипотетического минимума естественной рождаемости В. А. Борисова. Способы расчета он излагает в монографии «Перспективы рождаемости» [32], и мы не будем полностью их воспроизводить. Подчеркнем лишь, что эта модель позволяет определить потенциал рождаемости на территории конкретного типа, степень его реализации, минимум намеренного ограничения рождаемости — при имеющейся отчетности или данных о числе абортов — степень эффективности контрацептивного поведения населения. Расчетный уровень потенциала рождаемости приводится в промилле, т. е. на 1000 человек, и сопоставляется с общим коэффициентом рождаемости (ОКР). Разница между ГМЕР и ОКР описывает минимум намеренного ограничения рождаемости, на размеры которого влияет эффективность абортивного и контрацептивного поведения; отношение ОКР к величине ГМЕР характеризует степень реализации потенциала рождаемости или степень реализации ГМЕР (табл. 1.13).

Уровень естественной рождаемости у замужних женщин, по замечанию В. А. Борисова [32, с. 56], может опуститься ниже

Таблица 1.13

Динамика показателей ГМЕР по Уралу, ‰

Годы	ОКР	ГМЕР	ГМЕР—ОКР	(ОКР/ГМЕР)×100%
1958—1959	25,9	48,0	22,1	54,0
1969—1970	15,2	47,4	32,2	32,1
1978—1979	16,9	48,3	31,4	35,0
1988—1989	15,0	49,3	34,3	30,4

Таблица 1.14

Динамика разводов на Урале в расчете на 1000 заключенных браков

Территория	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Регион	27	178	253	346	355
В том числе:					
город . . .	36	217	303	416	424
село	18	73	101	154	171

Примечание. За 1990—1991 гг. число заключаемых браков уменьшилось в регионе на 3,2 тыс., а разводов — возросло на 7,6 тыс. В результате на 1000 браков пришлось уже 405 разводов.

Таблица 1.15

Повозрастные показатели внебрачной рождаемости на Урале в 1989 г.

Возрастная группа	Доля внебрачных рождений, %	Частота рождений на 1000 незамужних
15—19	18,5/26,3	9,5/24,8
20—24	10,0/10,5	37,1/85,8
25—29	10,4/11,7	47,7/128,7
30—39	16,6/17,2	45,7/127,2
35—39	25,2/25,0	25,8/79,9
40—44	37,8/39,7	7,4/33,2
45—49	35,1/36,4	0,1/0,4

Примечание. В числителе — в городе, в знаменателе — в селе.

расчетной величины ГМЕР под влиянием недоучета числа родившихся, из-за высокой доли бесплодных или раздельно живущих супругов и, наконец, намеренного ограничения рождаемости в браке. В 1958—1959 гг. потенциал рождаемости составил 48, в 1969—1970 гг.— 47,4 ‰. Такие высокие уровни рождаемости наблюдались на Урале в 1930 г. В период между переписями 1959 и 1970 гг. в крае, как и в целом по стране, сокращался потенциал рождаемости и одновременно стремительно нарастало ограничение рождаемости в браке. Тенденции были самыми неблагоприятными, и в результате степень реализации ГМЕР на Урале стала ниже (32,1 %), чем в целом по стране (36,8), и вплотную приблизилась к среднереспубликанскому уровню (30,5 %). Намеренное ограничение рождаемости наблюдалось в областях и автономных республиках региона. Например, в 1958—1959 гг. относительная степень реализации ГМЕР в Удмуртской АССР доходила до 70,1 %, десятилетие спустя в Свердловской области она составила всего 29,3 %. Наиболее заметным снижение рождаемости было в крупных городах Урала. Если в 1923 г. в среднем на свердловчанку приходилось четыре ребенка, то в 1979 г.— только полтора. В 1979 г. ГМЕР в сельской местности Свердловской области составил 43,9, в городской — 50,8 ‰. Степень реализации ГМЕР составила соответственно 38,7; 32,2 и 29,2 % (к сожалению, данные модели ГМЕРа за 1978—1979 гг. несопоставимы с данными за предшествующие годы из-за изменения в бланке переписи 1979 г. вопроса о брачном состоянии, но расчет ГМЕР в этом случае важен для сравнения региональных различий). Относительно высокими показатели реализации ГМЕР в 1978—1979 гг. были в Удмуртии (39,4 %), Оренбуржье (37,7), Курганской области (36,6 %). Заметно уменьшилась степень реализации потенциала рождаемости в сельских районах и агропромышленной зоне Урала, а также в автономных республиках, где еще в 1958—1959 гг. потенциал рождаемости на селе реализовывался в фактическом числе рождений на 70—90 %. В 1978—1979 гг. ГМЕР в сельской местности региона был реализован только на 38,7—48,8, а в 1989 г.— на 38,3 %.

Повышение рождаемости на территории Урала наблюдалось начиная с 1980 г. вплоть до 1988 г., что сказалось на изменении структуры рождаемости по очередности детей у матери и на изменении величины суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Однако повышение уровня рождаемости не было значительным, а скачкообразное изменение СКР происходило в рамках двухдетности (и только на селе — трехдетности). Если в 1979 г. на 100 женщин условного поколения и всех брачных состояний приходилось всего 196 детей за весь репродуктивный период, то в 1982—1983 гг.— 220 детей. В 1983—1984 гг. произошел небольшой спад — 213 детей. Характерно, что при этом доля третьих-четвертых детей продолжала расти,

и колебания в рождаемости отразились лишь на изменениях в динамике доли вторых детей. Затем СКР вновь стал расти и в 1984—1985 гг. составил 216 детей, а в последующие два года — соответственно 218 и 226 детей. Заметим, что в 1986—1987 гг. уровень рождаемости в РСФСР составил 220 детей в расчете на 100 женщин, т. е. различия с Уралом незначительные. Наибольший рост рождаемости на Урале наблюдался в сельской местности (308 детей на 100 женщин условного поколения), тогда как в городах вплоть до 1985 г. СКР застыл на уровне 191 ребенка. Все это усилило внутрирегиональную дифференциацию СКР (183—406 детей в 1986—1987 гг.). При этом в Курганской области и в городе и на селе величина СКР снижалась, в Башкирии росла, особенно на селе — здесь она достигла уровня четырехдетности (406 детей на 100 женщин). Симптоматично, что уровень рождаемости на селе в целом по стране превысил показатели 1958—1959 гг., чего в регионе не наблюдалось. Все это говорит о том, что динамика рождаемости на Урале подчинялась тенденциям общесоюзного масштаба, а, согласно расчетам Отдела демографии НИИ Госкомстата, у женщин разных возрастов с завершенным репродуктивным циклом уровень рождаемости повышался [145]. Но повышение это было опять-таки незначительным. В частности, на 100 45-летних женщин, родившихся в период с 1940 по 1944 г., пришлось 217 детей, 45-летних 1941—1945 гг. рождения — 221, 35-летних 1947—1951 гг. рождения — 200, 1951—1955 гг. рождения — 205 детей. По-видимому, одними структурными причинами этот всплеск рождаемости объяснить нельзя. Свое влияние на него оказали изменения социально-экономической «конъюнктуры», и отчасти — демографической политики, а также чисто психологические причины.

На Урале, помимо всего прочего, повышению уровня рождаемости способствовали изменения брачно-возрастной структуры. И хотя в период между переписями 1979 и 1989 гг. группа женщин наиболее детородного возраста (20—29 лет) была немногочисленной, уровень рождаемости повысился за счет уменьшения доли первенцев и повышения частоты рождения вторых, а затем третьих и четвертых детей (особенно в сельской местности). Например, с 1980 по 1987 г. доля первенцев сократилась с 52,7 до 39,8 %, причем в городе — с 56,2 до 43,6, а в сельских районах — с 43,0 до 31,9 %. С точки зрения перспектив простого воспроизводства населения, желаемая для Урала доля первенцев составляет 38 %. Интересно, что доля первенцев, родившихся у женщин в возрасте 20—29 лет, уменьшалась, а повозрастная частота рождения первенцев оставалась неизменной либо увеличивалась.

За указанный период доля вторых детей в общем числе родившихся на Урале увеличилась не намного — с 35,3 до 39,8 %. В городской местности этот рост был ощутимым (с 36,1 до

41,5 %), тогда как на селе — незначительным (с 32,9 до 35,0 %). Это означает, что уровень рождаемости в городе повышался исключительно в пределах двухдетной установки. В результате увеличение доли третьих детей в городе не было столь заметным — с 5,5 до 11,8 % (на селе — с 12,5 до 20,4 %). Увеличение доли четвертых и т. д. детей на Урале было мизерным. Однако доля четвертой и более высокой очередности на селе превышала к концу периода роста таковую в городе в 3,6 раза, что отражалось на динамике СКР.

Заметим, что на Урале в середине 80-х годов в брак стали вступать раньше, значит, процесс изменения календаря рождений у более молодых женщин еще не закончился и мог оказать влияние через возрастную структуру и родившихся и матерей на динамику суммарной рождаемости. В частности, если в 1984—1986 гг. средний модальный возраст вступления в брак у мужчин не просто стабилизировался, но вновь «повзрослел» (с 21,5 до 22 лет), то у женщин он продолжал «молодеть» и снизился в городской местности с 20 до 19,9 лет, на селе — с 19,8 до 18,7 лет. Однако в целом процесс омоложения брачности на Урале завершился. Со второй половины 80-х годов фактор омоложения брачности перестал оказывать повышающее воздействие на динамику суммарной рождаемости.

В настоящее время тенденции развития брачности оказывают на рождаемость, скорее, отрицательное влияние. Об этом свидетельствует пропорция разводов и браков (табл. 1.14).

Следует согласиться с В. А. Борисовым и А. Б. Синельниковым в том, что сами по себе разводы несущественно влияют на спад рождаемости, поскольку больше разводов в малодетных регионах, а кроме того, среди разводившихся высока доля бездетных [32, 191, 192]. На уровне рождаемости сильнее сказывается нестабильность брака, напряженность внутрисемейных отношений, что влияет на репродуктивные ожидания (в 1989 г. в Свердловской области 44,7 % расторгнутых браков приходилось на женщин до 30 лет). Опора рождаемости в регионе — село. Между тем брачно-возрастная структура села деформирована из-за ощутимого оттока девушек в город, в результате чего снижен потенциал брачности и рождаемости. Так, в ряде районов Башкирии (Бураевском, Дюртюлинском, Ишимбаевском) в 1979 г. на 100 лиц женского пола в возрасте 18—29 лет приходилось 133 мужчины, в сельской местности Среднего Урала в группе 18—19-летних на 100 девушек приходилось 188 юношей. Этот двойной перевес неблагоприятно влияет на структурные и поведенческие факторы в целом (учтем хотя бы то, что треть всех мотивов сельской миграции — семейно-личностные).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Свердловской области демографических перемен к лучшему не произошло (для сравнения: в 1970 г. в группе лиц

15—19 лет в сельской местности на 100 девушек приходилось 120 юношей, в 1979 г.— 149, в 1989 г.— 174; в 1989 г. в Челябинской области на 100 лиц женского пола в возрасте 17 лет приходилось 157 мужчин). Ясно, что в таких условиях нормальное формирование и функционирование семьи затруднено. Кроме того, создается благоприятная среда для роста внебрачной рождаемости, причем в добрачном возрасте. В 1989 г. в Челябинской области доля внебрачных рождений в городе составила 12,9, в селе — 16,6 %. Высокий уровень внебрачной рождаемости на селе характерен для Среднего Урала. Подобное наблюдается с 60-х годов и представляет собой прямое следствие такого явления, которое социологи называют «дефицитом невест» на брачном рынке села. Зато на нем больше вдов и матерей-одиночек в возрасте, близком к 30 годам. Даже по далеко не полной статистике внебрачных рождений (неполной из-за того, что значительная их часть в результате поспешных свадеб переходит в разряд законно брачных) виден высокий уровень внебрачной рождаемости у женщин в возрасте до 20, а затем в интервале 40—44 лет (табл. 1.15).

Как число внебрачных рождений, так и их частота у незамужних женщин уральского села значительно больше, чем у горожанок. Особенно неблагополучна обстановка в селах Среднего Урала. Так, в Свердловской области доля внебрачных рождений в возрасте до 20 лет составила 26,9 %, частота рождаемости — 29,8 в расчете на 1000 незамужних женщин. Эти данные подрывают все традиционные представления о строгости нравов сельского населения. Перекосы численности в наиболее бракоспособных возрастных группах юношей и девушек побуждают к формированию брачности и ее омоложению, что полностью подменяет собой традицию ранних браков. Такое ненормальное омоложение брачности в селе продолжает отчасти завышать показатели воспроизводства сельского населения.

В целом же надо отметить, что с 1979 по 1989 г. масштабы вступления населения в брак не увеличились. Однако, по данным переписей этого периода, доля женщин, состоящих в браке, несколько увеличилась. В результате число не состоящих в браке, например в Свердловской области, в расчете на 1000 человек снизилось у женщин со 162 до 138, у мужчин — с 227 до 187. При этом относительная величина разведенных и разошедшихся, а также потерявших супруга(у) тоже стала больше. Заметим, что рост числа состоящих в браке происходил на фоне постарения населения в целом, особенно женской части популяции, кроме того, текущая статистика отметила спад волны заключаемых браков, как, впрочем, и разводов (производная от первого величина). Последнее объясняется сокращением численности наиболее способных к браку и разводу возрастных групп населения. Данные переписи 1989 г., свидетельствующие

о расширении масштабов вступления в брак, могли быть следствием более точного учета брачного состояния граждан. Поэтому остановимся на этом моменте подробнее в группе наиболее фертильного и бракоспособного возраста — 20—24 лет.

Доля замужних женщин в этой возрастной группе на территории Свердловской области в 1959 г. составила 49,3, в 1979 г.— 60,3, в 1989 г.— 61,5 %. Ясно, что ее возрастание должно было благотворно повлиять на потенциал рождаемости в данной возрастной группе, что, по-видимому, и имело место.

Если проследить в динамике «брачную судьбу» поколений достаточно простым методом возрастного «расщепления» всего населения, то можно убедиться, что доля находящихся в браке женщин после 30-летнего рубежа заметно сокращается. Приняв условно миграцию в этих возрастных группах равной нулю, получим следующую возрастную передвижку для женщин, родившихся в 1935—1939 гг.:

Год переписи	Возраст женщин	Доля не состоящих в браке, %
1959	20—24	50,7
1970	30—34	15,3
1979	40—44	20,6
1989	50—54	29,2

После 1970 г. в наблюдаемой группе женщин доля овдовевших и разошедшихся увеличилась почти вдвое, но это уже мало влияло на рождаемость, к тому же имели место и повторные браки.

На Среднем Урале динамика показателей ГМЕР также отразила снижение потенциала рождаемости в городе и подъема его на селе. Но степень его реализации в фактическом числе детей была меньше среднего по региону (табл. 1.16).

Хотя наиболее низкая рождаемость на Среднем Урале наблюдается в крупных городах, тем не менее степень реализации потенциала рождаемости их населения оказалась не ниже общегородских показателей, что косвенно свидетельствует о существовании городов с очень низкими и потенциалом рождаемости, и уровнем его реализации в фактическом числе детей. Гипотетически это малый город. В столице же Урала в 1978—1979 гг., судя по модели ГМЕР, могло бы родиться 49,3 детей в среднем на 1000 человек. Фактически родилось лишь 29,2 % от этого уровня. Спустя десятилетие потенциал рождаемости сократился до 47,2 ‰, а фактический уровень рождаемости упал до 13,5 ‰, т. е. ГМЕР был реализован только на 28,6 %. Показатели по Челябинску составили соответственно 49,5 ‰ и 28,3 %.

Особо стоит выделить вопрос о влиянии Башкирии на потенциал рождаемости в регионе. Суммарный коэффициент рождаемости в БАССР в 1988—1989 гг. составил в расчете на 100 женщин 238 и не намного уступал уровню рождаемости в селах региона [284]. В валовом выражении разница была еще меньше (17,8 и 18,1 ‰). В 1988—1989 гг. суммарная рождаемость в селах Башкирии даже в условиях спада оказалась не ниже трех детей в расчете на женщину. В селах Башкирии рождается почти треть малышей, появившихся на свет в сельской местности Урала, региональный вклад в рождаемость в городе со стороны БАССР значительно скромнее (19,5 ‰ в 1989 г.). Казалось бы, все эти факты свидетельствуют о высоком потенциале рождаемости в селах Башкирии. Однако на самом деле столь очевидное предположение не верно, поскольку речь идет о фактическом уровне рождаемости. Значит, во внимание принимается реализация потенциала рождаемости, но не сама его величина. А она оказалась не такой высокой, какая характерна для сельских и аграрно-промышленных зон Урала (табл. 1.17). Нетрудно заметить, что именно за счет села потенциал рождаемости в Башкирии в целом ниже регионального уровня. Причины, очевидно, следует искать в деформациях и «постарении» половозрастной и брачной структуры населения из-за миграционных и прочих процессов. В этом смысле города в БАССР объективно обладают большим потенциалом по сравнению с подобными региональными показателями. Уровень реализации башкирского потенциала рождаемости в фактическом числе детей самый высокий на Урале. Это явление, несомненно, имеет этнодемографические корни и связано с поведением башкирской семьи.

Анализ потенциала рождаемости в Башкирии помогает в конце концов решить вопрос о динамике данного показателя в це-

Таблица 1.16

Динамика показателей ГМЕР на Среднем Урале

Год	Свердловская область			Челябинская область		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
	ГМЕР, ‰					
1958—1959	54,5	45,6	52,3	54,1	48,2	52,7
1969—1970	50,9	39,9	48,8	51,5	44,1	49,8
1978—1979	50,8	43,9	49,8	50,6	46,5	49,9
1988—1989	47,8	44,5	47,3	48,5	50,5	48,9
	Степень реализации ГМЕР в ОКР, %					
1958—1959	42,0	58,1	45,5	43,3	69,1	48,0
1969—1970	28,7	32,8	29,3	29,7	35,8	30,9
1978—1979	32,3	38,7	33,1	31,6	39,1	33,1
1988—1989	28,0	35,7	29,0	28,7	35,6	30,3

Таблица 1.17

Показатели ГМЕР и его реализации в 1988—1989 гг.

Территория	ГМЕР, ‰			Реализация ГМЕР в ОКР, %		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Урал	49,3	49,9	47,3	31,4	29,3	38,3
Урал без Башкирии	49,3	49,5	48,8	30,4	28,9	36,3
Башкирская АССР	48,5	51,4	43,6	36,7	33,3	43,3

лом по региону. Так, за межпереписной период 1979—1989 гг. произошло увеличение потенциала рождаемости в сельской и уменьшение — в городской местности Урала (ГМЕР), ‰:

	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1988—1989 гг.
Город	53,5	51,2	50,5	49,5*
Село	44,2	39,1	42,1	48,8

* Урал без Башкирии.

Из данных переписей 1970 и 1979 гг. сделать такой вывод невозможно по причине изменения в переписном бланке вопроса о состоянии в браке. По переписи 1989 г. тенденция выявляется более четко. Кроме того, противоположность динамики потенциала рождаемости в городе и на селе подтверждается прямой корреляцией его величины с менее корректным показателем — динамикой доли женщин, находящихся в рассматриваемый период в возрасте 20—29 лет, %:

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Город	20,0	13,6	18,2	13,3
Село	15,2	8,2	13,6	12,1

Таким образом, приведенные данные позволяют прийти к заключению, что кризис рождаемости 1989—1991 гг. был заранее предопределен структурными сдвигами и затронул прежде всего городские территории. Если бы при этом повторилась ситуация 1970 г., то при нынешней социально-экономической конъюнктуре семьи, поднимающейся волне отсроченных рождений и уменьшенном из-за постарения населения «запасе» родителей кризис мог быть тотальным и более глубоким. Однако, как ни парадоксально, спад рождаемости временно облегчит дыхание и без того больной экономики и здравоохранения, а также снизит в ближайшее время уровень забот учебных учреждений.

Как уже отмечалось, рождаемость оказалась под двойным ударом: снижения наполняемости наиболее фертильных возрастов женщин и волны отсроченных, особенно в городах, рождений детей следующей очередности. Расчет методом прямой стандартизации показывает, например по Свердловской области, что при интенсивности рождений 1988—1989 гг. и при структуре детородных возрастов 1978—1979 гг. расчетный общий коэффициент рождаемости составил 16,3 ‰, тогда как фактическая его величина в это время составляла 13,6. Напомним, что в 1978—1979 гг. ОКР составлял величину, очень близкую к названной,— 16,5 ‰. Интенсивность рождаемости заметно снизилась не с 1979 г., а со времени начала перестроечных процессов — 1985—1986 гг. Поэтому повозрастные коэффициенты рождаемости на Среднем Урале в моменты двух последних переписей населения оказались одинаковыми, с небольшим преимуществом по сельской местности в 1989 г. Но следует учесть, что за межпереписной период (1979—1989 гг.) доля сельского населения в той же Свердловской области, лидирующей по урбанизационным процессам на Урале, несмотря на, казалось бы, полное истощение людских ресурсов села, снизилась с 15 до 12,9 %. В целом спад рождаемости на Урале в 1979—1991 гг. наполовину обусловлен действием исторических факторов. Вторая причина связана с отсрочками рождения вторых и третьих детей в уральской семье из-за неблагоприятной социально-экономической конъюнктуры и тревоги за судьбу детей.

На что же расходуется мощный потенциал рождаемости? Так, разница между ГМЕР и фактическим числом детей в расчете на 1000 населения, например в Свердловской области, в 1988—1989 гг. составила 33,6 детей (47,2—13,6). В то же время, только по данным официальной статистики, на 1000 населения пришлось 26,3 аборта, т. е. из-за контрацепции не рождалось 7,3 ‰ детей.

1.4. СЕМЕЙНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СРЕДА

Снижение рождаемости существенно изменило структуру семейных групп населения Урала. Высокая степень нуклеаризации семейной структуры и рост одиночества видны на примере Свердловской области. Данные последней переписи населения позволяют предположить, что ломка семейной структуры в этом направлении уже завершилась, так как ни средний размер семьи, ни доля одиноких и живущих в семьях практически не изменились, за исключением незначительного повышения уровня брачности в городах. Из общего числа семей наиболее часто встречаются семьи из двух человек — 36,5 %, из трех — 27,0, из четырех — каждая четвертая семья, из пяти — 7,9, из шести и более — всего 3,1 %. Интересно, что по сравнению с переписью 1979 г. в 1989 г. доля абсолютно одиноких людей в городской

местности повысилась с 7,2 до 7,4 % и в целом не изменилась (7,4 %). При этом обнаружились такие противоречивые тенденции. Если в городах доля одиноких росла, то в сельской местности проявилась обратная тенденция: удельный вес этой категории населения снизился, и причина этого — не в уменьшении доли одиноких мужчин (за межпереписной период она даже возросла с 3,3 до 4,7 %), а в существенном снижении доли одиноких женщин: в городах — с 9,5 до 9,1 %, на селе — с 12,3 до 10,8 %. Если в группе одиноких людей проявились тенденции уменьшения численности, то среди лиц, живущих отдельно от семьи, но не утративших с ней связи, количество мужчин в городах уменьшилось (с 8,5 до 6,2 %), а на селе — выросло (с 6,4 до 7,6 %). Все эти разнонаправленные колебания в рассматриваемой группе населения привели к тому, что фиксируемый уровень проживания в семьях в 1979—1989 гг. в целом вырос, причем за счет городского населения. В Екатеринбурге доля полностью одиноких людей снизилась с 8,8 до 7,2 %, а количество семейного населения выросло с 83,8 до 86,4 %. Поскольку Свердловская область являет собой «форпост» демографического перехода на территории Урала, то ее демографический образ можно положить в основу будущих изменений для УЭР в целом. Нас интересует прежде всего семейная структура населения, разобраться в которой подробнее позволяет перепись 1989 г. Однако выделяемые статистикой типы семей очень грубы и схематичны (табл. 1.18). Подобная классификация ограниченна, поскольку в ней не отражено распределение семей по числу детей и стажу брачной жизни или возрасту главы семьи. Однако и из имеющихся данных видно, что структура семьи сильно упрощена и раздроблена на простейшие звенья процессом урбанизации. Последнее касается и сельских территорий. В целом картина определяется структурой городских семей почти полностью, за небольшими статистическими отклонениями. Налицо полное господство нуклеарной организации семейной группы и нарастание семей неполного типа. Семьи сложного типа угасают — их не более 12,7 %, а в группе сельских семей, как ни странно, и того меньше — не более десятой части. Последнее лишний раз свидетельствует о мощной «эрозии» сельской семьи на Урале, а также высоком уровне разводов и прекращения браков из-за смерти супругов (в основном мужчин). Если в 1979 г. численность матерей-одиночек в области составляла 148,5 тыс., или 12,2 % всех семей, то в 1989 г. таковых насчитывалось 166,5 тыс., или 12,7 %.

Исчисление семей по признаку детности — не простая задача, поскольку в действительности все население состоит из детей своих родителей. В переписи этот вопрос отчасти решен выделением группы семей с детьми моложе 18 лет, что позволяет сделать вывод о том, что население на территории области предпочитает модель двухдетной семьи (табл. 1.19).

Таблица 1.18

Показатели семейной структуры населения Свердловской области (1989 г.)

Тип семьи	Доля семей данного типа на 1000 всех семей	Средний размер, чел.	В том числе сельские	
			На 1000 всех семей	Средний размер, чел.
Семья с одной брачной парой с детьми и без детей	687	3,1	758	3,2
Семья с одной брачной парой с детьми и без детей, с одним из родителей супругов	53	4,1	41	4,0
Семья с одной брачной парой с детьми или без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и другими родственниками	49	4,5	44	4,7
Семья с двумя и более брачными парами с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками (или без них)	25	5,5	11	5,5
Семья из матери с детьми	127	2,3	98	2,4
Семья из отца с детьми	10	2,2	9	2,3
Семья из матери с детьми, с одним из родителей матери (отца)	18	3,3	9	3,6
Семья из отца с детьми, с одним из родителей отца	2	3,2	2	3,3
Прочие типы семей*	29	2,7	28	2,6

* В основном семьи «осколочного» типа.

Городские семьи неполного типа характеризуются низким уровнем детности, приближающимся к однодетным почти повсеместно (в стационарном населении это означает сокращение его первоначальной численности наполовину уже через поколение). Несмотря на явные перспективы депопуляции такой группы семей в обозримом будущем, их число постоянно пополняется благодаря действию механизмов социально-демографического плана. Уровень детности в неполных семьях сельского типа почти не отличается от городского. Тем не менее наиболее низкодетный тип семьи — это семья во главе с отцом-одиночкой. Складывающаяся демографическая ситуация в отношении таких семей обусловлена, помимо всего прочего, типом законодательства, регулирующего внутрисемейные отношения, развод, опекунство. Права отцовства в этом смысле сильно ущемлены. Наибольшим уровнем детности отличаются сложнородственные и многопоколенные семейные группы, но и в них количество детей невелико и в лучшем случае едва больше двух. Учтем, что величина «бесполезной» рождаемости на данном этапе демоперехода практически ничтожна.

Таблица 1.19

Распределение семей с детьми моложе 18 лет по числу детей (в скобках — на селе) в Свердловской области в 1989 г., %

Тип семьи	Доля семей с детьми в расчете на 1000 семей данного типа	Число детей			
		Один	Двое	Трое и более	Среднее на 100 семей
С одной брачной парой с детьми и без детей	566 (540)	42,6 (33,5)	46,8 (44,4)	10,6 (22,1)	171 (199)
С одной брачной парой с детьми и с одним из родителей супругов	607 (506)	54,3 (46,7)	38,3 (33,6)	7,4 (19,4)	155 (183)
С одной брачной парой с детьми или без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками	686 (636)	51,0 (36,5)	38,2 (38,1)	10,7 (25,4)	164 (202)
С двумя и более брачными парами с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками	803 (740)	56,2 (53,6)	35,7 (31,9)	8,1 (14,5)	155 (169)
Состоящая из матери с детьми	538 (509)	69,0 (55,9)	25,7 (30,7)	5,3 (13,4)	138 (163)
Состоящая из отца с детьми	438 (503)	73,3 (67,1)	21,9 (24,4)	4,8 (8,5)	133 (145)
Состоящая из матери с детьми, с одним из родителей матери (отца)	835 (824)	76,1 (62,1)	20,2 (24,8)	3,7 (13,0)	129 (160)
Состоящая из отца с детьми, с одним из родителей отца	757 (766)	81,3 (77,2)	16,2 (17,4)	2,4 (5,5)	122 (132)
Прочие семьи (по преимуществу неполного типа)	467 (428)	71,7 (66,4)	22,4 (22,3)	6,6 (11,3)	138 (150)

Статистика переписи не раскрывает типы семейных групп и менее всего — внутрисемейную ситуацию. Воспользовавшись бланками данных всесоюзного 5 %-го выборочного обследования населения на территории Екатеринбурга, такого его типичного промышленного района, как Верх-Исетский, восстановим структуру семей (при этом выделив семьи одиночек в самостоятельные единицы):

Тип семьи	Кол-во	Средний размер, чел.
Брачная пара		
Без детей, родителей и других родственников	144	2,0
Без детей с одним из родителей	14	3,0
Без детей с другими родственниками	2	6,3
Без детей с родителями и другими родственниками	13	5,8
Без детей с родителями	6	4,2
Без детей с внуками	6	3,2
С детьми	369	3,6
С детьми и родителями	45	4,9
С детьми и внуками	17	4,4
С детьми и другими родственниками	10	4,5
С детьми и одним из родителей	52	4,6
С детьми, родителями и другими родственниками	13	5,8
Мать (отец) с детьми	127	2,2
Мать (отец) с детьми и родителями	8	4,6
Мать (отец) с детьми и внуками	25	3,4
Бабушка (дед) с внуками	8	2,4
Одинокие	258	1,0
Прочие типы семей	23	3,5

Можно заметить, что при такой системе записи одна и та же группа может попасть в разные типы семей, поскольку признак «родители» здесь решающий, но четко не определенный ни стажем брачной жизни, ни возрастом детей или супругов. Спасает то, что отсчет идет от брачной пары, в которой есть глава семьи,— признак, кстати, тоже достаточно формальный. Видно, что при таком подходе основные группы составляют классическая семья — брачная пара с ребенком (детьми), обособленная от других родственников, затем одиночки (четвертая часть), затем следует группа бездетных в момент обследования родителей (185 семей на 1000 населения), замыкают массив группа неполных, или так называемых «осколочных» семей, а также нераспознанные прочие — последних оказалось не более 3 %.

Особый интерес представляет единовременное обследование семейной структуры населения в однонациональных средах. Обратимся к популяциям, составлявшим некогда основной костяк населения Урала,— остякам и вогулам. В основу классификации положим отсчет от молодой брачной пары, в которой

Таблица 1.20

Типы семей в однонациональных средах, % в группе

Тип семьи	Группа по национальности			Среднее
	Коми	Ненцы	Русские	
Одинокие				
Мужчины	7,5	6,3	6,7	6,6
Женщины	6,6	6,3	8,1	7,0
Брачная пара				
Без детей	5,7	4,1	10,6	6,6
С одним ребенком	14,3	9,4	21,1	14,2
С двумя детьми	7,6	10,9	25,2	15,5
С тремя детьми	7,5	8,7	8,5	8,5
С четырьмя детьми	8,4	6,3	1,8	5,0
С пятью и более детьми	10,4	8,7	1,8	6,5
С ребенком и родителями	0,9	0,2	0,3	0,4
С двумя детьми и родителями	—	1,0	—	0,5
С тремя и более детьми и родителями	1,8	2,2	—	1,3
С детьми и без детей с родителями и другими родственниками	—	4,6	—	2,4
С детьми и внуками	0,9	2,4	—	1,4
Мать (отец) с одним ребенком	21,5	13,7	13,8	14,7
Мать (отец) с двумя детьми	4,8	6,3	0,7	4,1
Мать (отец) с тремя и более детьми	—	1,2	—	0,6
Прочие типы семей*	1,9	7,7	1,4	4,7
Число семей	106	413	282	801

* В основном представлены женщинами с детьми, проживающими с родителями и другими родственниками.

для простоты главой семьи будем считать мужа. Благодаря попавшим в наши руки записям книг похозяйственного учета 1990 г. трех поселений — Кутопьюгана, Ныды и Нори Надымского района Ямало-Ненецкого округа, рассмотрим типы семей у коми, ненцев и русских. В группы однонациональных отнесены семьи, в которых оба супруга или, по крайней мере, глава семьи имеют указанную национальность.

Распределение семей по однонациональным средам обнаружило у народов Севера (особенно у ненцев) более высокую долю «сложных» семей по сравнению с русскими. Речь идет о сложных родственных коллективах, нескольких брачных парах, сплоченных в семью по линии братьев и гораздо реже — сестер и живущих вместе с родителями (табл. 1.20). В обследованных семьях у русских преобладает нуклеарная семья малодетного типа (без родителей с одним-двумя детьми) — 47,1 %. Среди них очень заметны семьи двухдетного типа — четвертая часть. На втором месте по частоте — однодетная брачная пара,

на третьем — матери-одиночки — 14,5 %. Количество матерей-одиночек велико не только у русских, в среде ненцев и коми оно составляет 21,1 и 26,3 % соответственно. По сути — это самый распространенный тип семьи, несмотря на еще сохранившуюся многодетность (пятеро и более детей). Большая доля неполных семей — свидетельство серьезно деформированной семейной структуры села во всех однонациональных средах. К тому же матери, потеряв по тем или иным причинам детей, вынуждены иногда проживать с родителями, что вполне объяснимо экономическими причинами. В целом у ненцев неполные семьи, включая проживающих с родителями, составляют почти 30 %. По-видимому, это связано с высоким уровнем смертности мужчин, поскольку доля семей с двумя и более детьми велика.

В русских семьях, состоящих из матери (отца) с детьми, ребенок в основном один. У ненцев же наряду с многодетными и среднедетными вариантами семей высока доля одиноких и «осколочных» семей. Из похозяйственных книг отчетливо видно, что при потере кормильца значительное число детей начинают жить (а иногда и усыновляются) в семьях своих дядей (племянники). Известны случаи записи у мужа двух жен. Доля одиноких превышает десятую часть опрошенных, причем соотношение мужчин и женщин практически одинаковое. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди 800 записей не встретился такой тип семьи, как брачная пара без детей с родителями.

Несмотря на довольно высокий уровень младенческой смертности, а также смертности в старших детских группах, у ненцев и коми доля бездетных оказалась равна стандартному уровню — 5—6 %, и только у русских она превышала десятую часть семей.

Возможность сделать какие-либо обобщающие выводы на примере сводной таблицы ограничена в силу того, что русские, ненцы и коми, проживая совместно, обнаруживают различия в половозрастном составе. Последнее определяет этап формирования семьи. Для сопоставимости данные были обработаны по национальности и возрасту главы семьи (взяты мужья, так как они фактически возглавляют семью, по крайней мере, у коренных народностей Севера). Применение элементов когортного метода позволило выявить особенности формирования семьи в однонациональных средах. Изменение структуры семей с возрастом их главы показано в табл. 1.21.

Параметры семей значительно меняются с возрастом супругов или, точнее говоря, на разных этапах развития семей у русских, коми, ненцев. Средний размер семейной группы у ненцев составил 4,9 чел. (самый большой), у коми — 4,29, у русских — 3,55 чел.., что совпадает с усредненными данными для сельской территории Ямала. Выделяется несколько этапов формирования семьи: начальный (молодой), средний (расцвет и стабилиза-

Таблица 1.21

Изменение типов семей в однонациональных средах в зависимости от времени рождения супруга, % к группе семей

Тип семьи	Семьи, в которых глава семьи (муж) родился					
	до 1961 г.			с 1960 по 1951 г.		
	Ненцы	Коми*	Русские	Ненцы	Коми	Русские
Одиночки						
Мужчины	8,7	—	13,5	8,7	9,3	2,8
Женщины	8,7	—	3,8	2,4	3,1	2,8
Брачная пара						
Без детей	3,9	4,5	7,6	3,1	3,2	3,8
С одним ребенком	11,7	36,6	36,5	11,0	6,2	22,6
С двумя детьми	16,5	4,5	23,3	14,1	12,5	35,8
С тремя детьми	8,7	4,5	3,8	13,4	12,5	11,3
С четырьмя детьми	3,9	4,5	—	11,0	21,8	3,9
С пятью и более детьми	1,0	—	—	11,8	12,5	1,9
С родителями, одним-двумя детьми	1,9	—	—	—	3,1	—
С родителями, тремя-четырьмя детьми	—	4,5	—	0,8	—	—
С родителями, пятью и более детьми	—	—	—	—	3,1	—
С детьми, родителями и другими родственниками и их семьями	8,7	—	—	6,3	—	—
С детьми и внуками	—	—	—	—	—	—
Мать (отец) с одним-двумя детьми	17,5	40,9	11,5	7,2	12,5	11,3
Мать (отец) с тремя-четырьмя детьми	1,0	—	—	3,1	—	1,9
Мать (отец) с пятью и более детьми	—	—	—	—	—	—
Прочие типы семей	7,8	—	—	7,1	—	1,9
Число детей на 100 брачных пар (включая бездетных)	204	162	134	320	338	195
Число детей на 100 брачных пар, имеющих детей	223	175	150	335	352	205
Средний размер семейной группы (без одиночек), чел.	4,40	3,50	3,37	4,98	5,00	3,82

с 1950 по 1931 г.			с 1930 г. и ранее		
Ненцы	Коми	Русские	Ненцы	Коми*	Русские*
1,6	6,8	6,5	6,9	13,2	13,3
3,2	10,3	9,1	17,2	13,1	53,3
5,5	—	19,4	3,5	17,4	6,7
5,5	3,4	14,8	10,3	17,4	—
6,3	3,4	18,6	3,5	8,6	—
7,9	10,3	9,3	—	—	—
5,5	3,4	0,9	1,8	—	—
15,7	20,7	2,8	—	4,3	—
1,6	—	0,9	1,8	—	—
1,6	—	—	3,4	—	—
2,4	—	—	1,8	—	—
1,6	—	—	—	—	—
6,4	3,4	—	3,4	—	—
10,4	20,6	16,8	27,5	17,4	20,0
12,8	13,8	—	8,6	4,3	—
4,8	—	—	—	—	—
7,2	3,9	0,9	10,3	4,3	6,7
375	430	151	155	127	—
425	430	214	189	243	—
5,13	4,88	3,36	4,14	3,29	3,20

* Данные в этих группах статистически малозначимы.

ция по составу и функциям) и завершающий (инволюция и распад, когда дети обособляются, брак прекращается смертью супруга (чаще) или разводом). На последнем этапе часто появляется перспектива одинокого существования, в частности, у ненцев — примерно пятая часть, у коми — четвертая, а у русских — две трети людей в возрасте старше 60 лет являются одинокими. Несмотря на значительное изменение демографических параметров, особенно по признаку детности, во всех однонациональных средах молодые семьи еще могут найти приют у стариков. Это же можно сказать об «осколочных» семейных группах.

А вот старые «главы» семей все чаще остаются доживать свой век одни.

Поскольку процесс демоперехода у ненцев и коми еще не завершен, то они резко отличаются своими стартовыми репродуктивными возможностями от русских, полностью перешедших к малодетности. В этом смысле ненцы ближе к много-среднедетному этапу, коми в выборке представляют переходный к русскому тип демографического поведения (включая отношение к числу детей, характеру обособления членов семьи и специфику брачного поведения). Все это следует учитывать при проектировании жилой среды и типов жилища. Пока же тенденция такова, что уже через десятилетие ненецкие и коми семьи могут по форме стать нуклеарными малодетными группами с большой долей одиночек и «осколочных семей».

Интересно, что интенсивность развития семьи в ненецкой среде и русской малодетной ячейки не одинакова. У ненцев время наибольшей силы и полноты расцвета семьи приходится на сорокалетний возраст супругов (ориентировочно — после 15—20 лет пребывания в браке). У русских период взлета и стабилизации семьи наблюдается раньше. То же касается и инволюции, что объясняется более низкой рождаемостью в старших возрастных группах, дробной семейной структурой и резким увеличением доли бездетных в когорте глав семей старше тридцати. Кроме того, у русских почти совершенно отсутствуют сложные семьи. Число детей в расчете на 100 брачных пар не более 218 (вспомним, что для простого замещения поколений требуется 260 детей на 100 «эффективных» брачных пар, по терминологии Б. Ц. Урланиса). Невысокая детность у русских связана, помимо всего прочего, с большим количеством в их среде мигрантов, для которых характерны низкие репродуктивные установки, особенно для выходцев из малодетных районов и национальных сред. Число детей у ненцев и коми остается еще достаточно высоким для того, чтобы сдерживать неблагоприятный эффект младенческой смертности и прекращения брака.

Обращает на себя внимание, что фактическое число детей у коми не уступает таковому у ненцев, но в среднем размере се́мьи коми проигрывают более консолидированным на территории Ямала ненцам. Коми более подвержены влиянию ассимиляции, однонациональные браки в их среде крайне редки. Ослабление преемственности традиционных ценностей, норм культуры сказывается на демографических процессах, в том числе на полноте воспроизводства и замещения поколений.

Численный рост населения не раскрывает особенностей воспроизводства поколений. Однако косвенно рост и концентрация, например городского населения Тюменского Севера, на фоне Урала и России могут свидетельствовать об ускоренном снижении рождаемости у коренных народов Севера уже в ближайшем будущем. По данным 1989 г., доля сельского населения составила в Российской Федерации 26 %, в северных районах республики — 23, на Урале — 25, тогда как в Ханты-Мансийском округе — только 9, а на Ямале — 22%. И это при многократно меньшей плотности населения данных округов по сравнению с Уральским, Западно-Сибирским районами, РФ в целом. Такое положение сложилось в результате чрезвычайно высоких темпов роста численности населения в районах осваиваемого Севера. Демографический фактор в таком виде можно смело причислить к кругу явлений, ухудшающих экологию растений, животных и самого человека. При современном уровне прироста социальной инфраструктуры темп роста населения в осваиваемых районах севера Тюменской области вряд ли может составлять более 1,5—2 % в среднем за год, иначе демографический фактор начинает играть деструктивную роль.

Следует заметить, что новейшие положительные тенденции в изменении режима воспроизводства наиболее малочисленных этнопопуляций Севера (селькупов, эвенков, эвенов, хетов, нанайцев, нганасанов и т. д.) не в силах обеспечить в целом гарантированный рост на длительную историческую перспективу. Процессы стали необратимыми, а численность представителей той или иной народности в ареалах их обитания выражается нередко единицами. К тому же средняя продолжительность жизни часто не превышает 50 лет, особенно у мужчин.

В этнодемографическом аспекте коренное население Ямала относится к двум основным группам — финно-угорской (коми, ханты, манси) и самодийской (ненцы, селькупы), входящим в так называемую уральскую семью народов мира. Последнее дает больше поводов сравнивать происходящие в среде коренных народов Ямала демографические процессы с теми, которые отмечены на Урале в целом. При этом темпы роста населения малых народов в целом по республике в течение ряда лет весьма невысоки, тыс. чел:

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1985 г.	1989 г.	Считали родным язык этой же национальности в 1989 г., %
Коми	287,0	322,0	327,0	330,0	336,0	71,0
Ханты	19,0	21,0	21,0	21,0	22,3	60,8
Манси	6,4	7,7	7,6	7,6	8,3	36,7
Ненцы	23,0	29,0	30,0	30,0	34,2	77,7
Селькупы	3,8	4,3	3,6	3,6	3,6	47,7

В переписи 1989 г. отмечено возрастание темпов прироста, что было связано с всплеском рождаемости в середине 80-х годов. Так или иначе, пессимистически оценивать рост населения коренных народов Севера не следует, хотя бы на современном этапе. Бо́льшую тревогу вызывают процессы внутри популяций: уровень замещения поколений, ассимиляция, характер мигра-

ций, деформация традиционной культуры. В связи с последним стоит обратить внимание на долю лиц, признавших язык своей национальности родным языком. Чем меньше популяция, тем слабее приверженность к родному языку и более явственна угроза депопуляционных процессов, с которыми уже столкнулись и общество, и отдельные народы России. На разных территориях преемственность традиционной культуры в среде коренных народов Севера может быть более ослабленной, чем в целом. Так, ненцы Ханты-Мансийского автономного округа признали родным национальный язык только в 56,6 % случаев, ханты — в 55 % (1989 г.).

Население Ханты-Мансийского округа, по европейским меркам, еще очень молодое. Число людей дорабочего возраста в городской и сельской местностях составляет около трети, а пожилых (послерабочий возраст) очень мало — не более 6 %. Особенно «молоды» мужчины: доля их старше трудоспособного возраста в городах в 1989 г. составила 1,4 %, а средний возраст — 25,6 года. Этим объясняются не только большой размер семейной группы и традиции многодетности, но и упоминавшийся уже более короткий по сравнению с республиканским жизненный путь как живущих, так и умерших. Сильный омолаживающий эффект оказывает селективная функция миграции. Женщины села, как и повсюду,— самые «старые». Доля послерабочих возрастов в женском населении сельской местности округа превысила 10 %, что означает вступление женской части популяции в эру демографической старости. Но в целом основная часть населения находится в трудоспособном периоде жизни. Аналогичную возрастную структуру имеет и население Ямало-Ненецкого автономного округа. При этом коренное население Ямала по доле детей и рабочих поколений в нем резко отлично от приезжей части (детей больше, а людей трудоспособных возрастов меньше на треть, если не наполовину). К тому же коренное население имеет бóльшую долю пожилых, несмотря на меньшую продолжительность жизни. Все это вполне естественно, поскольку коренное население в возрастной структуре представляет стабильный, тогда как мигранты — мобильный, вновь формирующийся тип. Эффекты миграции, рождаемости, смертности в разных возрастных пропорциях оказывают влияние на воспроизводство и замещение поколений. Достаточно беглого взгляда на возрастную структуру по данным переписи 1989 г., чтобы с уверенностью предсказать спад вала рождаемости. Так, доля женщин 25—29 лет составила в Ханты-Мансийском автономном округе 13,3 %, 20—24 лет — 7,3 (на селе — 7,1), группы 15—19 лет — 5,1 %. Наполняемость возрастных групп увеличивается лишь в интервале 10—15 лет. В условиях 10-летнего прогнозируемого спада рождаемости вполне возможно резкое обострение депопуляционных процессов, причем в масштабах, ранее не известных.

Несмотря на пессимистические прогнозы, перепись 1989 г. не обнаружила роста доли одиноких. Мало того, она сократилась. Эта тенденция распространилась и на север Урала, причем количество одиноких мужчин здесь больше, чем женщин. Данное обстоятельство касается как абсолютно одиноких людей, так и одиночек из группы «не утративших связи с семьей». В результате доля проживающих в семьях увеличилась (например, по Ханты-Мансийскому округу за 1979—1989 гг. у мужчин в городе — с 80,2 до 86,2 %, у женщин — с 92,7 до 94,7 %; на селе показатели практически те же, с небольшим превышением). Обычно данные «охвата» семьями мужчин значительно больше, чем женщин. На Севере — наоборот, и это нельзя относить за счет большей склонности женщин Севера к семейной жизни. Сказывается довольно известный факт преобладания мужчин. Это касается прежде всего наиболее бракоспособных возрастов и оказывает сильное давление на «рынок невест». По статистике, в том же Ханты-Мансийском округе в 1989 г. на 100 женщин в возрасте 25—44 лет приходилось неизменно 113 мужчин, в группе 15—19 лет — 91, 70 лет и старше — всего 23 мужчины. Благоприятное соотношение численности по полу наблюдается лишь к 55 годам, затем оно нарушается вновь.

Судя по повозрастным коэффициентам брачности, процесс вступления женщин в брак интенсифицируется, достигая пика к 30 годам. У мужчин уровень брачности повышается медленнее, но достигает и более высокой степени. После 40 лет брачность мужчин резко снижается из-за роста разводов и смертности (повышения доли вдовых). Дефицит мужчин начинается лишь за пределами 50 лет. В целом уровень брачности все же высок. К 30 годам 80 чел. из 1000 не вступают в брак, к 70 — лишь четверо мужчин и трое в группе женщин.

Предельный уровень самовоспроизводящихся малых популяций, по оценкам А. Сови [195], не должен быть меньше 500—600 человек при нормальных возрастных пропорциях и состоянии брачности. На территории Ямала в последние годы мы становимся свидетелями того, что, чем меньше численность национальной популяции, тем более она обречена на сокращение и тем меньше возможность ее стабилизации и выживаемости:

Доля национальных групп в сельском населении Ямала, %

Год	Русские	Ненцы	Ханты	Селькупы	Манси
1985	37,8	23,3	8,1	2,1	0,7
1986	45,0	19,9	7,1	1,7	0,7
1987	45,3	17,5	6,1	1,4	0,6
1988	44,5	16,8	5,7	1,5	0,6
1989	36,9	16,9	5,4	1,3	0,7

В основе выживаемости этнических групп лежат репродуктивные возможности семьи. Перепись 1989 г. позволяет отметить небольшое увеличение среднего размера семьи. Так, в Ханты-

Мансийском автономном округе он составил в 1979 г. 3,3, а в 1989 г.— 3,4 человека. При этом доля семей, состоящих из четырех и более человек, в городской местности выросла с 39,3 до 47,6 %, в сельской — с 41,2 до 47,0 %. Численный же рост семей за межпереписной период был стремительным — в 2,3 раза. Естественно, жилищное строительство не могло угнаться за ним, рост числа семейных ячеек был обусловлен миграцией, воспроизводственный цикл семьи играл второстепенную роль. Но рано или поздно миграция ослабнет и долговременная тенденция воспроизводственной функции семьи проявит себя. Кроме того, репродуктивное поведение особенно важно для малых этнических популяций. Поэтому отметим, что, хотя за 1979—1989 гг. зафиксирован небольшой рост размера семьи, в частности на селе — с 3,4 до 3,5 чел. в среднем, доля больших (многодетных) семей все-таки сократилась. Доля семей, состоящих из шести и более человек, снизилась с 10,1 до 5,9 %. Таким образом, окончательный уровень безбрачия низок. Прогрессирующий рост разводов, особенно у женщин, может снизить «охват» населения браками, несмотря на компенсаторное влияние повторных браков. Данные текущей статистики отмечают в северных районах пики разводимости именно во вновь созданных поселениях и городах с деформированной миграцией возрастной структурой (на три заключенных брака два расторгнутых либо два к одному). Разводимость на сельских территориях и в районах проживания коренного населения на несколько порядков меньше. Например, в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа в конце 80-х годов на один развод приходилось пять свадеб. Однако частота разводов в сельской местности с годами возрастает.

Результаты переписи 1989 г. по Ямало-Ненецкому автономному округу позволяют определить населенность не только семейных групп, но и домохозяйств. Границы домохозяйств и семьи не всегда совпадают. В целом населенность одного домохозяйства выше, чем семьи (табл. 1.22). Периферийные поселения (Кутопьюган) имеют больший размер домохозяйств. Это связано с насыщенностью территории Севера семьями коренных народностей. Так, в Кутопьюгане их две трети, в Нори — более половины, в Ныде — лишь пятая часть. Как уже упоминалось, в отношении выделенных территорий имеется не только статистика наличного состава сельских населенных пунктов за 1989 г., но и данные похозяйственных книг, что позволило разработать массивы однонациональных семейных групп, а также выделить смешанные браки по возрасту главы семьи.

Чаще всего с перспективами депопуляции малых народностей связывают не столько проблему малодетности семьи, сколько распространение смешанных браков (ассимиляции). На Урале и прилежащих территориях это явление изучено недостаточно. В этом смысле и Север, и Западная Сибирь привле-

Таблица 1.22

Средняя численность проживающих в домохозяйствах у коренных народностей и представителей других национальностей, чел.

Район	Всего	Домохозяйства	
		народностей Севера	других национальностей
Ямало-Ненецкий округ	3,3	4,1	2,4
Надымский район	2,7	3,6	2,6
С. Ныда	2,6	3,3	2,2
С. Нори	2,9	3,2	2,7
С. Кутопьюган	4,1	4,4	3,2

кали внимание большего числа исследователей. Во многом недостаток информации восполняется вышедшей недавно монографией «Семейный быт народов СССР» [189], обширный материал по межнациональным бракам содержится в статье А. Г. Волкова «Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав» [60].

В работе этнодемографа В. И. Козлова приводятся данные 1968 г. по крупным поселкам Ненецкого автономного округа. Судя по ним, национально смешанные семьи здесь составляли около трети всех семей, в Ямало-Ненецком округе — около четверти. Отмечено уменьшение числа межнациональных браков на удаленных от центра территориях и в периферийных селах. Это вполне естественно, поскольку социальная среда на периферии теснее связана с традиционным укладом жизни и хозяйства.

В Ханты-Мансийском автономном округе доля национально смешанных браков высока прежде всего в крупных поселениях. Интересно отметить, что ханты и манси вступают в браки с представителями других национальностей реже, чем коми и ненцы [99]. Данное обстоятельство связано с историей. У самодийских народов уральской языковой группы, в частности у ненцев, а также обских угров, была сильно развита фратриальная экзогамия. Сегодня она почти полностью исчезла у хантов и манси (угорская группа). У ненцев, энцев, нганасанов, селькупов молодые люди уже с детства знали круг возможных женихов и невест. Широко практиковался брак путем обмена двух семей девушками, имели место браки за отработку (как и у русских в крестьянских семьях). Если родителям жениха нужна была работница, они могли женить маленького сына на взрослой девушке. Как и у русских, браки были очень ранними. В XVIII — XIX вв., по данным метрических книг и ревизских сказок, в возрасте до 16 лет выходило замуж от 40 до 87 % девушек и от 20 до 50 % юношей. Запреты на заключение бра-

ков внутри рода на Севере были как полными (у энцев, нганасанов, селькупов, кетов, нивхов и других тунгусоязычных народов), так и частичными. У большинства народов Севера были распространены левиратные браки (право на жену умершего старшего брата принадлежало младшему, но не наоборот) *. Это страховало семью от бедствий и голода в случае потери кормильца. Современная жизнь резко трансформировала мир семьи, нормы поведения и культуры.

До сих пор тенденция нуклеаризации семей у народов Севера не изучена полностью. Происходит повышение возраста вступления в первый брак (до 20—23 лет у юношей и 18—22 лет у девушек). Изменились мотивы и ценности брачности. Образовательный уровень невесты (жены) превысил таковой жениха (мужа).

Специалисты, однако, не могут ответить на вопрос, когда стала доминировать малая нуклеарная семья. По данным З. П. Соколовой, в XVIII — XIX вв. в среднем по разным уездам и волостям соотношение малых и больших семей было неодинаковым. У хантов и манси большие семьи в конце XVIII в. составляли более половины, а в конце XIX в.— только четверть. Таким образом, нуклеаризация началась задолго до трансформации многодетности в средне- и малодетные структуры. А это означает, что отношение к детям менялось уже в последнюю очередь, т. е. было самым устойчивым в системе отношений, норм и ценностей семьи. Это, в свою очередь, позволяет предположить окончательное изменение репродуктивной установки и потребности в детях уже в недрах перестроившейся, модернизированной семьи. Но везде ли это было так, неясно.

Среди сложных семей в XVIII в. у народов Севера преобладала братская семья (65—75 %), остальные были типично «отцовского» вида. В последние годы (70—80-е) у манси (Сосьвинский и Сарапульский сельсоветы) 65—75 % и у тундровых ненцев — до 80 % составляют малые семьи, по данным различных обследований [189, с. 307—335].

В советский период отмечается рост числа межнациональных браков. По данным похозяйственных книг конца 70 — начала 80-х годов, в Корякском автономном округе в отдаленных районах, населенных коряками, чукчами, эвенами, этнически смешанных браков было заключено 63,6 %, в том числе с русскими — 66 %. По мере углубления в отдаленные районы распространенность смешанных браков снижается до 2—7 %. Особенно интенсивно заключаются браки малочисленными народами.

По данным А. В. Смольчака [189], в 50-е годы доля смешанных браков с русскими среди народов Нижнего Амура

* Это не относится к правилу сорората, обязывавшего вдовца жениться на младшей сестре умершей жены.

у нанайцев составляла 5,6, ульчей — 12 %. В 60-е годы цифры подскочили соответственно до 8,5 и 24 %, а через десятилетие составили 18 и 28 %. Судя по полевым материалам Ю. Б. Симченко, в 1973 г. у гыданских ненцев Тазовского района Ямала из 307 семей лишь одна была этнически смешанной (ненец — коми) [189]. Из 297 семей антипаютинской группы того же округа однонациональных оказалось 228, а этнически смешанных — всего четыре: русско-ненецких — три и мари-ненецких — одна (неполные ненецкие семьи не учитывались). У ненцев Канинской тундры однонациональных семей было 56, а этнически смешанных — четыре (коми-ненецких). Различия в степенях смешанности браков существенны в малых популяциях разных территорий. Потому у ненцев других районов картина иная. Доля этнически смешанных браков достигала, по данным 1971—1984 гг., от четверти до трети всего количества — в зависимости от удаленности от крупных городов и наличия контактов населения с другими национальностями. При учащении контактов, например между ненцами и хантами, взаимные браки достигают 53—66 %, селькупо-ненецкие в Пуровском районе Ямала в 70-е годы — 75 %, а в районе р. Таз ненцы с селькупами в браки практически не вступали. В результате постоянных брачных связей небольшие народы Севера и их группы постепенно ассимилировались. Так произошло с энцами и нганасанами, очень близкими по языку и культуре.

Следует отметить сложность и неразработанность методических подходов в изучении смешанных браков. Очень часты даже терминологические ошибки: смешанные по этническому признаку браки называются семьями и классифицируются различным способом, как правило, выбираемым в зависимости от учета представителей той или иной национальности в браке, а также их добрачного состояния и других факторов. С использованием материала похозяйственных книг нами просчитано распределение доли смешанных браков по возрасту главы семьи (табл. 1.23). Поскольку коми в Ныде, Нори и Кутопьюгане мало консолидированы, они представлены в основном смешанными браками, а не однонациональным массивом. Общая тенденция заключается в нарастании доли смешанных браков при переходе от старших групп к младшим, за исключением 30-летних и младше. В самой молодой группе глав семей процесс формирования браков еще не завершен, к тому же группы эти малочисленны.

Для коми на сельских территориях Надымского района характерна высокая степень ассимиляции, в первую очередь — с русскими. В этом нет ничего удивительного, поскольку русскими представлено большинство населения. Затем следуют браки коми с ненцами, в данном случае — представителями консолидированной коренной национальности. Если русские проникли в Сибирь и составляли там до 80 % уже в XIX в., то

Таблица 1.23

Распределение доли смешанных браков по возрасту мужа в брачных парах, проживающих в 1989 г. в Надымском р-не, %

Брачная когорта	Возраст мужа (главы семьи), лет				Всего по когорте
	До 30	30—39	40—59	60 и старше	
Ненцы	31,1	26,5	22,8	10,5*	25,5
Браки с русскими	6,8	9,7	9,8	5,2*	8,7
Браки с северными народностями	18,9	14,2	10,9	5,2*	13,7
Коми	83,3*	92,3	83,3	9,1*	79,1
Браки с русскими	29,2*	51,2	44,4	—	39,1
Браки с северными народностями	50,0*	33,3	30,5	9,1	33,6
Русские	38,6	52,9	46,2	—	48,3
Браки с северными народностями	27,3	36,5	29,0	—	32,4

* Данные статистически малозначимы.

на Севере в сельских районах в среднем они составляли около половины населения. Коми в этом ареале проживания подвергаются воздействию двух крупных национальных массивов, а следовательно, их ценностей и культурных норм. В результате коми здесь почти все состоят в смешанных браках. Доля однонациональных браков в группе 30-летних составляет десятую часть. Однако это, конечно, не означает, что данный уровень характерен вообще для всех коми.

У русских каждый второй брак — смешанный (см. табл. 1.12). Партнеры (партнерши) по браку — в основном ненцы и коми. В целом у русских в смешанных браках с северными народностями состоит каждая третья брачная пара. У русских здесь достаточно высокая степень ассимиляции. Как это ни парадоксально, но коренная популяция — ненцы — отличаются меньшей степенью ассимиляции. Ненцы на территории Надымского района хорошо консолидированы, что стабилизирует их демографическое поведение в русле традиционализма. Традиционный образ жизни пока помогает поддерживать воспроизводство этноса. Однако, по замечанию В. Шарова, собственно коренного населения остается очень мало (до 3 % в Ханты-Мансийском округе), «имеющие кровь наполовину, на четверть, осьмушку и менее национальности малых народов все равно регистрируются как национальные меньшинства» [232, с. 507] — регистрация дает право на льготы, получаемые от государства. Может быть, именно это обстоятельство объясняет отмеченный статистикой рост популяций коренных народностей Севера после 70-х годов. Автор приводит также пугающие цифры низкой продолжительности жизни коренного населения Севера (45 лет у мужчин и 55 — у женщин), данные о высокой частоте случаев самоубийств (в два, а у нивхов — в пять раз больше, чем на неблагополучном Урале), фиксирует тенденцию снижения рождаемости, но, к сожалению, все это дается без ссылок на источники и критериев доказательности. (По нашим данным, наибольшая частота смертности мужчин коренных национальностей Тюменского Севера приходится на 30—40-летний возраст.)

Полученные данные также подтверждают определенное замедление ассимиляции в самых младших возрастных группах, но в этом еще предстоит разобраться более основательно. В целом же и для ненцев характерна тенденция длительного роста доли смешанных браков. Так, из табл. 1.17 видно, что в семьях, где мужья родились до 1930 г., доля смешанных браков составляет около одной десятой части, в группе 30—40-летних достигает 20—25 %, а в группе самых молодых семей приближается к 33 %. При этом ненцы всех возрастов более склонны заключать браки с представителями других северных народностей, нежели с русскими. В последнем случае количество браков в среднем возрасте составляет десятую часть. В целом доля этнически смешанных браков в среде ненцев и коми выше, чем в среднем по Уралу.

А. А. Сусоколов, обращая внимание на рост доли смешанных браков в СССР в 1959—1979 гг. (в городах с 15,1 до 18,1 %, на селе — с 5,8 до 9,2 %) [202], относит территории Литвы и РСФСР условно к среднему уровню распространения национально смешанных браков. К группе с высокой (более 15 %) долей межнациональных браков им отнесены Украина, Белоруссия, Молдавия, Латвия, Эстония. Средняя Азия, территория Казахстана, Закавказье отличались в тот период низкой долей этнически смешанных браков, причем при малом или отрицательном приросте числа таковых.

По данным переписей населения, доля разнонациональных семей в России составляла в 1959 г. 10,2 %, в 1970 — 13,5, 1979 — 14,9, в 1989 — 16,2 %. Адекватно эти процессы протекали и на территории Среднего Урала. Здесь в основном можно говорить об однонациональном массиве, потому проблема национально смешанных браков не приобретает политического аспекта и не выходит за рамки демографической, чего нельзя сказать уже о близко расположенных Башкирии, Татарии, севере Тюменской области и т. д. Во многом уровень этнически смешанных браков задается состоянием национальной среды, динамикой этнической миграции. В этом смысле Урал довольно стабилен (национальный состав за период 1897—1989 гг. почти не изменился), хотя последствия межнациональных конфликтов сказываются и здесь [138]. Особенно стабилен центр Урала. Так, в Свердловской области подавляющее большинство населения составляют русские — их почти 9/10 всего количества

проживающих. На втором месте по численности — татары, которых к 1989 г. было около 4 %. Тюменские татары — древние жители Зауралья, но основная часть татарского населения области сформировалась из выходцев Среднего Поволжья. В основном татары расселились и проживают в южных и юго-западных районах области.

Немало в области и украинцев (около 2 %). В период сплошной коллективизации и массовых раскулачиваний они переселились на Урал и в область. Во время войны с эвакуацией прибыла следующая волна украинцев и белорусов. Многие из них осели на Урале.

Следующие по численности национальности — башкиры — не более 1 %, марийцы и удмурты — 0,7 и 0,5 % соответственно. Все три группы за 1979—1989 гг. обнаружили заметный рост численности (в пределах 10—20 %). Высокие темпы роста отмечены у грузин и армян (23—25 %), почти в два раза выросла численность киргизов, туркмен, азербайджан. Меньше стала численность евреев, немцев, мордвы. Все это не могло не повлиять на состав межэтнических браков. Следует учесть, что наиболее «рураризированные» национальности области — марийцы (49 % из них — сельские жители), удмурты (26,4), башкиры (14,9); наиболее урбанизированные — украинцы, немцы и особенно евреи (99 % сосредоточено в городах). В 1979—1989 гг. наблюдался рост числа семей, в которых их члены принадлежат к разным национальностям. Этнически разнородные семьи в 1989 г. составили 14,2 % всех семей (в 1979 г.— 12,3 %).

На момент переписи 1989 г. в области 1,1 млн, или 85,8 %, составляли семейные однонациональные группы (в 1979 г.— 87,7 %). В городах доля этнически смешанных семей достигает 16,3 %, на селе она ниже — 12,3 %. В числе однонациональных семей 94,6 % составляют семьи русских, татар — 2,7, марийцев — 0,5, башкир — 0,4, украинцев и немцев — всего по 0,3 %.

Интересно проследить, как изменяется доля национально смешанных семей по мере роста числа членов семейной группы. Если среди семей, состоящих из двух человек (как правило, это брачная пара), национально смешанные семейные группы составляют чуть больше десятой части, а на селе — всего 9,4 %, то в группе семей из трех человек как самой массовой превалируют средние по массиву показатели, в следующей группе — семьях из четырех-пяти человек доля национально смешанных растет и среди семей из шести человек составляет пятую часть. В малочисленной группе семей из десяти и более членов национально смешанные составляют уже четвертую часть. Это косвенно свидетельствует о том, что группа многодетных семей все более пополняется выходцами из регионов с высокой рождаемостью и в ней становится все меньше семей с русскими, белорусами, евреями, украинцами, прибалтами. Коренные

уральские национальности (башкиры, удмурты, татары, коми, ненцы) занимают в этой ситуации промежуточное положение между мало- и многодетными браками, следуя, однако, все более линии малодетной ориентации и утрачивая среднедетный тип семьи. Отсюда становится понятным сокращение смешанных браков у этих национальностей при демографическом переходе. Пока что наиболее экспансивный тип смешанного брака сохраняют, за исключением выходцев из Средней Азии и Закавказья, татары. На пути этой экспансии стоит установка на отказ заключать брак с лицами иной национальности (как правило, с иным образом жизни, верованиями, типом демоповедения). Так, по расчетам Ю. А. Русиновой, в период с 1960 по 1985 г. в Свердловской области русские, вступая в смешанный брак, предпочитали не татар, а лиц другой национальности. Данный вывод обосновывается расчетом индексов «притяжения — отталкивания» по методике М. В. Птухи, примененной Л. В. Чуйко в материалах о брачности за 1969 г. по Украинской ССР [230]. В том случае, когда гипотетическое число браков больше фактического, измеряется вариант «притяжения». Как правило, это однородные (гомогамные) браки; если же фактическое положение вещей отстает от расчетного потенциала брачности, фиксируется «отталкивание». Эта чисто статистическая модель, разработанная киевской школой демографов, помогла выявить на Среднем Урале те же закономерности, что и на Украине. Наиболее высокие индексы «притяжения» получили однонациональные браки, межнациональные, наоборот, как правило, имеют отрицательную величину. В межнациональных комбинациях браков русские наиболее предпочитают белорусов и украинцев. Выборочно индексы брачности таковы: «русский — русская» +23,5; «русский — татарка» —35,7; «русский — другая национальность» —15,7; «татарин — русская» —48,5; «другая национальность — русская» —6,5; «татарин — татарка» +32,5; «татарин — другая национальность» —32,9; «другая национальность — татарка» —32,0 (расчеты Ю. А. Русиной [90]). В целом этнодемографический состав населения Среднего и Южного Урала более стабилен, чем, например, динамично изменяющийся национальный состав Приуралья, Башкирии или севера Тюменской области.

Статистика загсов фиксирует национальность молодоженов начиная с 1970 г. При этом принимаются во внимание как возраст, так и добрачное состояние супругов, но, к сожалению, обрабатываются группировки всего восьми-десяти наиболее численно презентативных этнических групп и национальностей. Последнее ограничивает расчетные комбинации партнеров и партнерш по национальному признаку из-за того, что значительная их часть попадает в графу «прочие». В. С. Гельфандом предложен метод анализа межнациональных браков (с учетом добрачных состояний мужа и жены) в виде построения 16-кле-

точной матрицы — решетки. В результате построения каждая из 128 решеток может быть объектом анализа содержательной информации. На основе этого метода в 1977 г. в г. Перми установлено, что партнерши русских женихов распределяются по 24 национальностям, а партнеры русских невест — по 33. По первым наиболее многочисленным сочетаниям (примерно шесть групп браков) становится ясно, что женщины на национальность партнера обращают меньше внимания, нежели мужчины. В общем же браки мужчин 36 национальностей и браки женщин 27 национальностей образуют 128 групп. О монолитности массива говорит тот факт, что при разнообразии комбинаций признаков в решетках В. С. Гельфанда в 11 из 128 из них содержится 93,7 % браков, зарегистрированных в Перми. Наиболее часто встречающиеся комбинации браков «русский — русская» (79,7 %), тогда как в общей численности вступивших в брак русские составляют 87,9 %. Затем следуют сочетания «русский — татарка» (2,6 %), «татарин — русская» (2,3), «татарин — татарка» (1,6), «украинец — русская» (1,8), «русский — коми-пермячка» (1,5), «русский — украинка» (1,3), «коми-пермяк — русская» (1,0), «русский — удмуртка» (0,8), «белорус — русская» (0,6) и «удмурт — русская» (0,5 %) [67]. Однонациональных «русских» браков в этой массе было восемь из десяти. Однако это обстоятельство не отрицает склонности русских к межнациональным бракам. Каждый одиннадцатый русский жених вступил в таковой, при этом он выбирал из 23 национальностей, брачный выбор русской невесты (9,5 % от общего числа женщин, вступивших в брак) был значительно богаче — 32 варианта национальных браков. В. С. Гельфанд также отмечает склонность разведенных и вдовых к однонациональному брачному союзу, что связано, конечно же, с трудностями новой адаптации, тем более в возрасте, приближающемся у женщин к полувековому рубежу, а у мужчин — после него.

С проблемой классификации межнациональных браков по большому числу комбинаций столкнулся при разработке данных всесоюзного социально-демографического обследования 1985 г. А. Г. Волков. В своей статье об этом [60] автор указывает, что 95,8% национально смешанных браков в СССР приходится на 35 комбинаций по национальности партнера у мужей и столько же — у жен. Из этого числа браков русских с другими национальностями на украинцев пришлось 54,0 %, белорусов — 12,6, татар — 6,5, немцев — 5,2, мордву — 3,1, евреев — 2,9, чувашей — 2,4 %. Картина, как видим, резко отличается от «среднеуральской» ситуации. У коми количество комбинаций по национальности партнерши для мужей — 12, а для жен — 18 (98,2 % всех смешанных браков). В этих комбинациях на русских пришлось 76,6 %, украинцев — 12,7, белорусов — 3,8, немцев — 1,4, татар — 1,3 %. А. Г. Волков обращает внимание на высокий индекс патронимии русских отцов — степени предпочтения национальности отца при определении (наследовании) национальности ребенком. Таковой достигал 53,1 %, тогда как этнонимии — всего 13,9 %. Немногим больше индекс патронимии русского отца в браках с коми-пермяками, мордвой [60]. Этнодемографическая ситуация с брачностью на Среднем Урале резко отлична от таковой на территориях Приуралья, Башкирии, Удмуртии. На это есть свои исторические причины, значение которых в национальной политике проявляется сегодня в острой форме.

В. И. Козлов описывает процесс бурного роста во второй половине 20-х годов доли межнациональных браков не только у белорусского населения России, но и у башкир (за 1925—1927 гг. в пять раз!). При этом межнациональные браки татар росли значительно медленнее, так же как чувашей, уступая даже мордве и марийцам, %:

РСФСР	Мужчины		Женщины	
	1925 г.	1927 г.	1925 г.	1927г.
Русские	0,9	1,6	1,5	2,5
Татары	2,1	4,8	0,2	2,2
Чуваши	2,7	4,2	0,1	1,7
Башкиры	2,1	12,6	1,8	11,7
Мордва	5,3	7,2	2,0	4,5
Марийцы	2,5	8,0	0,0	2,4
Удмурты	4,4	8,8	1,8	2,2
Коми	2,5	3,2	5,6	4,5
Коми-пермяки	6,1	5,6	0,2	5,2
Украинцы	10,1	14,3	6,8	12,7
Белорусы	13,8	48,8	6,6	34,5
Армяне	32,9	39,6	37,5	17,1
Немцы	15,3	14,1	7,5	11,4
Евреи	18,8	27,2	11,4	19,8
Латыши	70,8	73,8	44,0	55,6

И все-таки социально-территориальная подвижность в то время не нарушила монолитность национального брака. В городах в 1926 г. национальность супруги совпадала с национальностью мужа у татаро-башкирского населения (в основном у мусульман-суннитов) в 84, а на селе — в 99 случаях из 100 [98, 99]. Если на селе однонациональные браки господствовали, то в городе их доля у чувашей доходила до 39,6 %, мордвы — 40,7, марийцев — 10, а у удмуртов была немногим более 30 %. Подавляющая часть этнически смешанных браков приходилась на браки с русскими, но у татар и башкир таковых было в городах всего 12,2, а на селе — 1,0 %.

Спустя сорок лет уровень ассимиляции брачных структур возрастает. Смешанные браки в Чебоксарах, Уфе, Саранске составляют чуть ли не треть, в Казани — восьмую часть всех брачных союзов. В сельской местности Карельской и Коми АССР среди рабочих этнически смешанный брак встречается

в каждом втором случае, а у колхозников — в каждом четвертом. Наибольшее распространение имеют смешанные браки с русскими, за исключением Башкирии, где преобладают союзы башкир с татарами. В. И. Козлов вслед за Л. Н. Терентьевой отмечает склонность татар заключать браки с башкирами, родственными им и по языку, и по вероисповеданию, и по формам демографического поведения в браке. Брачное поведение регулировалось жесткими нормами мусульманства. В 20-х годах в Татарии еще действовал запрет на браки с иноверцами. В первую очередь это распространялось на женщин. В 60-е годы запрет стал анахронизмом и в национально смешанные браки вступало примерно равное число мужчин и женщин [99]. Интересно, что этносоциологические исследования, проведенные в 1967 и 1980 гг., обнаружили в целом положительное отношение татарского населения к межнациональным бракам [189]. Доля национально смешанных семей даже в сельской местности Татарии увеличилась с 3,2 в 1940 г. до 11,5 % в 1978 г. Однако эти цифры говорят еще и о другом: уровень ассимиляции брака и семьи в Татарии значительно меньше по сравнению с соседними территориями. В то же время доля национально смешанных браков в Башкирии приблизилась (1979 г.) к 33 %, а в таких городах, как Салават и Уфа, еще в 60-х годах национально смешанные браки стали преобладающими [189].

Результатом того, что башкиры в своей республике чаще вступают в браки смешанного типа, нежели русские и татары (с учетом миграционного фактора и динамики воспроизводства населения коренной национальности), явилось сокращение доли башкир на своей собственной территории. В 1989 г. она составила немногим более пятой части, тогда как татар здесь было 28,4, русских — 39,3 %.

Большинство национально смешанных семей у удмуртов, в отличие от татар и башкир, являются удмуртско-русскими. Браку удмуртов с татарами и башкирами (за исключением крещеных татар) раньше препятствовало различие вероисповеданий. До сих пор количество удмуртско-татарских семей невелико. Доля межнациональных браков в разных городах и селах Удмуртии колеблется от 1,5 до 20 % в сельских районах и от 30 до 76 % в городских поселениях. По данным Э. К. Васильевой (1968 г.), в национально смешанные браки вступают в основном молодые люди. По данным 1979—1980 гг., в молодых группах населения в межнациональные браки вступает больше половины удмуртов горожан (на селе — пятая часть). (Интересная деталь: в браке с другими национальностями в городах состоит 61 % женщин (1979—1980 гг.), мужчин — в два раза меньше [99].)

Проводя сарапульское обследование, А. А. Петраков писал, что чистые однонациональные семьи составили в выборке 70,5 %, а смешанные — 27,5 %. В свою очередь, среди последних доля

брачных пар, где один из субъектов удмуртской национальности, составила 57 %, остальная часть — чисто русские семьи. Это означает, что в целом среди семей с участием удмуртов доля национально смешанных составила в обследуемом массиве из 520 семей 39,9 %. В ижевском обследовании 1977 г. 426 семей смешанные союзы удмуртов составили 70 % [162].

Как уже отмечено, очень высок уровень ассимиляции браков у коми, быстрый рост этого процесса в 1939—1979 гг. увеличил долю смешанных браков с 12,2 до 43,2 % [162]. У городских женщин коми доля межнациональных браков поднимается до 67,3 %, у мужчин на селе она составляет немногим более 20 % [189]. И здесь среди инонациональных партнеров преобладают русские. В целом на этот тип межнационального брака приходится две трети союзов.

По материалам этносоциальных обследований, проведенных в 70-е годы в Удмуртии и Мордовии, видно, что абсолютное большинство опрошенных полагает, что национальность в браке не имеет никакого значения. В начале 80-х годов доля межнациональных браков у мордвы колебалась в пределах трети, дифференцируясь по характеру расселения, людности городов и районов, национальному типу среды. Обследование 1973—1974 гг. показало, что в городской местности на внутриэрзянский брак пришлось 20,8 % всех браков, столько же — на внутримокшанский. Внутримордовские союзы между эрзей и мокшей, как ни странно, не популярны — всего 4,6 %. На эрзяно-русский союз указало 28,3 % опрошенных, мокшано-русский — 21,4 и мордовско-русский — 3,8 %. В сельской местности мордовские браки составили в совокупности абсолютное большинство — 93,4 % [189].

Определяющим при рассмотрении роли межнациональных браков в демографическом процессе региона является владение родным языком. Так, в 1989 г. лишь 58,7 % башкир указали в качестве родного язык своей национальности. Утрата связи с родным языком — не только национальная, но и демографическая проблема, когда происходит сближение норм и установок демографического поведения. Наряду с этим вопрос этнически смешанных браков приобретает в условиях борьбы за суверенитеты политическое, иногда искусственно раздутое, значение. В целом острота этнически смешанных браков как социально-демографической проблемы характерна не столько для центра Уральского района, сколько для его периферии и прилегающих территорий Поволжья, Приуралья и Севера, включая север Тюменской области.

Глава 2

МОТИВЫ МАЛОДЕТНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СЕМЬИ

2.1. ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ И МОТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ В МАЛОДЕТНОЙ СЕМЬЕ

Процесс воспроизводства населения в регионе приходит во все бóльшую зависимость от репродуктивных планов молодой семьи. В то же время молодая семья, в том числе и рабочая, начинает все более придерживаться норм малодетности, что не отвечает интересам общества в расширенном воспроизводстве поколений. Результаты выборочных обследований помогли установить ряд фактов, значение которых отчетливо проявляется только в контексте исторического развития семьи.

В Златоусте было опрошено 207 мужчин и 363 женщины (опрашивался лишь один из супругов), в Магнитогорске — 227 мужчин и 468 женщин. Выборочную совокупность составили молодые супруги в возрасте 20—29 лет: в Златоусте — 91,2, в Магнитогорске — 91,0 %. Обследовались только семьи, имеющие первенца. По социальному положению обследуемые распределились так: оба супруга рабочие — соответственно 49,1 и 58,7 %; семьи со смешанным социальным составом — 32,6 и 31,0 %; семьи, где оба супруга служащие — 18,3 и 10,3 %.

Опрос показал, что межпоколенный поток материальных ценностей движется сегодня в семьях в основном не от детей к родителям, а наоборот — от старшего поколения к младшему. Данное обстоятельство проявляется в характере материальной взаимопомощи родительской и молодой семьи. На момент обследования (1982 г.) 56,6 и 56,9 % обследуемых семей Златоуста и Магнитогорска оказывали материальную помощь родителям, а молодым супругам постоянно помогали 88,6 и 89,3 % родительских пар со стороны мужа или жены. В группе молодых специалистов НИИ метрологии (81 человек), опрошенных в Свердловске в 1985 г., на вопрос «Помогают ли Вам материально родители в настоящее время?» утвердительно ответили 73,4 % опрошенных (69,1 % мужчин и 75,5 % женщин), в свою очередь, помогают родителям только 37,4 % опрошенных молодых специалистов. Естественно, что такая система материальных взаимоотношений между родителями и детьми накладывает свой отпечаток на психологию родителей и поколение за поколением формирует диспозицию репродуктивного поведения.

Необходимо также учесть, что сегодня в процесс передачи социального опыта от старших поколений к младшим активно вмешиваются внесемейные институты, что значительно сокращает возможности родителей в деле воспитания детей сообразно своим вкусам и наклонностям. Так, 43,2 и 40,4 % опрошенных молодых семей считают, что их собственные представления о семье в основном сформировались не под влиянием родителей, родственников или друзей, а складывались под воздействием средств массовой информации, чтения специальной и художественной литературы.

Мнение родителей не является в настоящее время решающим для молодых людей при выборе брачного партнера или при определении намерения иметь еще детей. В четырех случаях из пяти данные вопросы решаются молодыми людьми самостоятельно. В отличие от прошлого низкой оказалась степень контроля родителей за добрачным поведением молодежи. В обследуемых семьях Златоуста и Магнитогорска доля родившихся до заключения брака составила 5,3 и 5,2 % от общего числа первенцев, а родившихся в первые восемь месяцев брака — соответственно 30,2 и 35,2 %.

Существующая структура взаимоотношений между поколениями в семье определяется отношением молодых родителей к нормам демографического поведения старшего поколения. В результате, если примеру родителей в отношении к труду собирается последовать 83,0 и 86,6 % молодых супругов, а в организации ведения домашнего хозяйства — 56,2 и 62,3 %, то в рождении такого же количества детей (троих в среднем на родительскую пару) — всего 32,0 и 39,1 % опрошенных в двух городах.

Преемственность норм репродуктивного поведения остается одним из значимых факторов, определяющих величину ожидаемого и желаемого числа детей в молодой семье. Заметное влияние на репродуктивные планы молодых оказывает число детей в семье родителей мужа (коэффициент линейной корреляции r с ожидаемым числом детей составил 0,847). Влияние преемственности норм детности по линии жены на величину репродуктивных ожиданий супругов еще более сильное ($r=0{,}982$). Чем больше детей было в семьях родителей, тем больше доля вторых и третьих ожидаемых детей. Так, среднее ожидаемое число детей у молодых матерей, которые были в родительской семье единственным ребенком, составило в расчете на 100 респондентов 192 ребенка (доля ожидаемых двух и более детей — 76 %), при наличии двух детей — 195 (82,0), трех — 201 (88,4), четырех — 204 (83,7), пятерых и более — 212 (89,3 % ожидаемых детей второй и последующей очередности в данной группе молодых матерей). Дифференциация среднего желаемого числа детей в молодых семьях в зависимости от количества детей в родительской семье по линии молодой супруги была выражена

лучше. Чем больше тяготела родительская семья к малодетности, тем более определенно проявляется в молодой семье потребность в двух детях. Доля трех и более детей, названных желаемыми, увеличивается в этом случае с 31,1 до 65,7 %. Однако наблюдаемая прямая связь в основном варьирует в рамках малодетной установки семьи.

Потребность в детях невелика. Опросы показали, что значимость ценности детей в молодых семьях по сравнению с другими жизненными ценностями супругов мала. В иерархии основных жизненных ценностей (целей) на первых местах у молодых супругов оказались: взаимопонимание и доверие в супружеских отношениях — 80,0 % от числа опрошенных; собственное здоровье — 60,2 (Златоуст) и 57,0 % (Магнитогорск); обоюдная супружеская любовь — 44,4 и 46,4 %. Сильную конкуренцию ценности детей составила ценность материального благополучия — 31,7 и 45,0 %, а в среде молодых специалистов, опрошенных в Свердловске в 1985 г., еще и потребность в интересной и творческой работе, на что указало 84,6 % мужчин и 52,0 % женщин. В Златоусте и Магнитогорске на значимость первенца как основной жизненной ценности указало всего 2,2 %, в Свердловске — 5,0 % молодых специалистов (ИТР), а при проведении опроса молодых совхозных рабочих в Свердловской области в 1985 г. на ценность однодетности не указал никто. Во всех случаях предпочтительной оказалась ценность двухдетности: в Магнитогорске на нее сослалось 24,9 % мужчин и 37,6 % женщин, в Свердловске соответственно 26,9 и 26,0, а в сельской местности области — 15,0 и 16,7 %. На ценность трех детей указало значительно меньше мужчин и женщин: в Магнитогорске — 10,1 и 7,1 %, в Свердловске — 11,5 и 4,0, а на селе — 12,5 и 6,7 %. Обращает на себя внимание, что для мужчин более значимой ценностью является трехдетность, что проявляется и в величине репродуктивных установок.

В иерархии ценностей счастливого и прочного брака значимость детей оказалась еще меньшей, а это настораживает, поскольку для современной семьи основной функцией остается воспроизводство поколений. Тем более противоречивыми выступают в этом свете идеалы «счастливого» брака без детей или с детьми как формальным дополнением к таким необходимым условиям счастливого и успешного брака, как взаимоуважение и согласие в семье (68,1 % опрошенных в Магнитогорске), взаимная любовь (66,1), верность супругов друг другу (51,0), хорошие жилищно-бытовые условия (43,3), материальное благополучие (31,0), сексуальная гармония в супружеских отношениях (24,3 %). На ценность детей при этом сослалось всего 15,2 % молодых супругов (на значимость первенца — 4,5, двух детей — 8,7 и трех детей — 2,0 %).

Сводные данные по Магнитогорску и Златоусту убедительно свидетельствуют, что значимых различий в репродуктивных ожи-

даниях в семьях рабочих и служащих нет. В семьях, где оба супруга — рабочие, на 100 респондентов ожидается 195, в семьях смешанного по социальному составу типа — 197 и в семьях служащих — 193 ребенка. Рабочая семья, так же как и служащие, завершила переход к малодетности, что наглядно проявляется в ее стремлении иметь в среднем менее двух детей на семью, хотя основная масса супругов (72,1 и 74,4 %) предпочитает в настоящих условиях двухдетный вариант развития. Величина желаемого числа детей была несколько выше, чем ожидаемого, и составила в семьях, где оба супруга рабочие,— 253, один из супругов рабочий или служащий — 253, оба супруга служащие — 250 детей. Величина желаемого числа детей, по-видимому, была завышена, так как часть респондентов при ответе на вопрос «Сколько бы Вам хотелось иметь детей, если бы для этого были все условия?» имели в виду идеальную ситуацию.

В обследовании в 1981 г. на заводе УЭТМ (Свердловск) опрашивались рабочие и служащие разного возраста, т. е. разных поколений, и поэтому различия в репродуктивных ожиданиях проступили более выразительно. Доля мужчин и женщин в возрасте до 18 лет составила соответственно 0,9 и 2,5 %, 19 лет — 0,7 и 1,9, 20—24 года — 9,3 и 15,0, 25—29 лет — 14,0 и 13,6, 30—34 года — 11,3 и 12,5, 35—39 лет — 9,1 и 6,9, 40—44 года — 18,9 и 16,7, 45—49 лет — 12,7 и 13,5, и наконец, в возрасте 50 и более лет — соответственно 23,1 и 17,4 %. Средний возраст опрошенных составил 38,3 года, в том числе у мужчин — 39,4 и у женщин — 37,0 года. Различия в представлениях об идеальном, ожидаемом и разница в фактическом числе представлены в табл. 2.1.

Важно отметить, что ориентация на нормы детности в семьях с различным социальным статусом одинакова, тогда как ожидаемое и фактическое число детей больше в группе рабочих. На примере коллектива отдельного предприятия видно, что фактор социальной дифференциации репродуктивных планов и рождаемости становится все менее значимым по сравнению с региональным (местом рождения, проживания). Это обстоятельство наглядно проявилось при обследовании молодых семей совхозных рабочих (совхоз «Челябинскплодоовощхоз» — 450 респондентов, 1983 г.). В ходе обследования установлено, что в среднем на 100 супружеских пар ожидается рождение всего лишь 214 детей, что, конечно, превышает данный показатель в молодых городских семьях Урала (195 детей), но значительно меньше уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения на перспективу (260 детей на 100 «эффективных» супружеских пар). Среди опрошенных супругов удовлетворились однодетностью 17,3 %, согласились с вариантом двухдетности 55,1 %, ожидают появления в своей семье третьего ребенка 25 %, остальные ждут появления четырех и более детей. Среднее фактическое число детей у молодых рабочих совхоза составило 147

Таблица 2.1

Показатели репродуктивного поведения рабочих и служащих УЭТМ, 1981 г.

Группа опрошенных	Число детей на 100 женщин		
	Идеальное	Ожидаемое	Фактическое
Рабочие	240	185	167
Служащие	234	170	150
ИТР	241	177	156
В том числе родившиеся			
в Екатеринбурге	227	184	149
в сельской местности Свердловской области	243	186	168
в других районах РФ	250	183	172
в других союзных республиках	242	196	174

(на 100 респондентов), а у старшего поколения — 238. На какой же срок рассчитывают реализацию своих репродуктивных планов молодые совхозные рабочие? Поскольку при обследовании были учтены молодые семьи с различным числом детей, то мы получили следующую картину изменений сроков репродуктивных ожиданий в зависимости от очередности фактического и ожидаемого ребенка в семье (табл. 2.2).

Таким образом, молодая уральская рабочая семья, проживающая в сельской местности, в отличие от своей далекой предшественницы уже полностью ориентирована (на 80,8 %) на малодетность, что определенным образом влияет на ожидаемые сроки появления очередного ребенка.

Интересно, что в группе супругов, не имеющих ни одного ребенка, никто не отказывается от рождения первенца, а основная часть намерена иметь его в течение года с момента опроса. Иная ситуация в однодетных семьях: треть из них намерена иметь второго ребенка, причем в последующие два-три года (в Магнитогорске таковых 46,2, в Златоусте — 48,4 %). С увеличением фактического числа детей, с одной стороны, растягиваются сроки реализации репродуктивных планов, с другой — нарастает доля отказывающихся от рождения следующего ребенка. Последняя составила в группе однодетных молодых семей совхозных рабочих 18,9 % (в Магнитогорске — 9,5, Златоусте — 9,6, Кировграде — 9,7 %), в семьях, имеющих двух детей,— больше половины, в трехдетных — 77,8 %. В среднем каждая третья семья отказывается в своих репродуктивных планах от рождения очередного ребенка, но каков средний порядковый номер этого ребенка? Зная распределение семей, отказывающихся от рождения очередного ребенка, по фактическому числу детей можно вывести средний порядковый номер ребенка, от которого отка-

Таблица 2.2

Ожидаемые сроки рождения очередного ребенка в молодых семьях совхозных рабочих в зависимости от фактического числа детей в семье, % к группе опрошенных

Наличие в семье детей	Планируют рождение ребенка в течение лет:				В ближайшие 5 лет рождение ребенка не планируют	Иметь детей больше не собираются	Число опрошенных
	1	2—3	4—5	5—6			
Нет	77,7	7,5	7,5	—	7,5	—	27
Один	23,6	33,0	11,3	2,8	10,4	18,9	106
Двое	8,4	9,6	9,6	4,8	14,6	53,0	83
Трое и более	11,1	5,5	—	5,6	—	77,8	18
Все дети	24,1	19,8	9,3	3,4	10,5	32,9	234
Среднее планируемое число детей на 100 семей	184	220	227	281	240	301	214

Таблица 2.3

Мотивы рождения второго ребенка в молодых однодетных семьях, % опрошенных

Индикатор мотивов	Территория					
	Магнитогорск-82	Златоуст-82	Киров-град-82	Саранск-Рузаевка-86	Совхозы Мордовии-86	Челябинская обл.-88
Желание иметь ребенка другого пола	56	65	60	54	58	52
С детьми интереснее жить, они обогащают духовный мир нашей семьи	48	Нет свед.	Нет свед.	23	54	22
Любовь к детям	27	26	28	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Желание иметь малыша	16	21	34	7	7	21
Укрепляет семью	26	15	27	24	22	29
Желание избежать одиночества в старости	16	9	5	20	12	19
Надежда на улучшение жилищных условий	15	6	2	7	2	11
Ради продолжения рода, фамилии	13	5	4	10	13	12

Окончание табл. 2.3

Индикатор мотивов	Территория					
	Магнитогорск-82	Златоуст-82	Кировград-82	Саранск-Рузаевка-86	Совхозы Мордовии-86	Челябинская обл.-88
Дети помогут в домашнем хозяйстве . .	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	7	9	16
Повышает авторитет, вызывает уважение	3	1	Нет свед.	2	1	2
Для материальной обеспеченности в старости . .	2	1	»	2	2	9

зывается каждая третья семья, попавшая в выборку. В данном случае это третий ребенок (в расчете на 100 супружеских пар — 301).

Почему же высокая ценность детей, повышенное внимание к ним, забота и любовь сопровождаются усиливающейся ориентацией на малодетность?

В ходе обследования в Златоусте респонденты пытались воспроизвести мотивы рождения первенца. Молодые супруги выделили следующие причины, повлиявшие, по их мнению, на рождение первенца: 68,3 % сослались на то, что в семье «должен быть ребенок»; 60,8 % указали на то, что «с детьми интереснее жить и общаться»; 47,1 % сослались на мотив «желание быть отцом (матерью)»; 44,1 % — первый ребенок «укрепляет семью, сближает супругов»; 14,8 % — «позволяет избежать одиночества в старости»; 13,1 % — «обеспечивает продолжение рода (фамилии)»; 6,0 % опрошенных выделили такой мотив, как «необходимость рождения первенца для улучшения здоровья и благоприятного развития женщины». Результаты анамнеза, однако, нельзя признать убедительными из-за произошедшего в памяти респондентов наложения мотивов рождения первого и второго ребенка. Только один из них не вызывает сомнения — желание реализовать себя в новом социальном качестве отца или матери. При наличии одного ребенка на этот мотив сослалась почти половина респондентов, припоминавших мотивы его рождения, а при ориентации на рождение второго ребенка доля приведших этот аргумент составила всего 9,4 %.

При проведении обследования в Свердловске молодые специалисты, не имеющие детей, но высказывающиеся за рождение первенца в недалеком будущем, обосновывали свое желание стремлением быть отцом (матерью) в 66,7 % случаев, 66,0 % указали еще и на такой мотив, как «с детьми интереснее жить, общаться», четверть опрошенных сослалась на желание иметь

малыша, а также на потребность избежать одиночества в старости. Таким образом, помимо стремления реализовать с рождением первенца свои родительские роли, остальные рациональные мотивы деторождения выражены недостаточно. Кроме того, налицо преобладание эмоционально-психологических причин рождения первенца. Социально-психологические мотивы рождения второго и третьего ребенка выражены четко и преобладают над социально-экономическими. Так, мотивами рождения второго ребенка в среде молодых специалистов Екатеринбурга были: желание общаться с детьми — 71,4 %; стремление укрепить семью, близость супругов — 47,6 %; желание иметь ребенка другого пола — 38,0 %; желание избежать одиночества в старости — 28,5 %.

Немногочисленная группа желающих иметь трех детей указала на следующие мотивы: с детьми интересно жить (общаться) — 77,7 %; желание иметь ребенка другого пола — 55,6; стремление избежать одиночества в старости — 44,4; желание иметь малыша, любовь к детям — 33,3 %.

Выборочное обследование, проведенное А. И. Антоновым и В. И. Баршисом в Вильнюсе в 1976 г., в качестве психологических учитывало девять, социальных — семь, экономических — шесть типов рождения ребенка следующей очередности в семье. Подсчет средней величины показал, что для вильнюсской семьи, имеющей в среднем 1,6 ребенка, характерна ослабленная структура мотивации: на первом месте психологические мотивы (85,0 %), на втором — социальные (70 %), на третьем — экономические (54,0 %). Дальнейшая разработка мотивации рождения в выборочных обследованиях «Москва-76» и «Москва-78», а также аналогичные обследования, проведенные в Ленинграде в 1973—1974 и 1977 гг., показали, что подобная структура мотивации присуща семьям, ориентированным на малодетность [10].

Поскольку репродуктивный выбор молодых родителей в основном падает на вариант двухдетности, рассмотрим его мотивацию (данные округлены) (табл. 2.3). Потребность в детях связана с важнейшими функциями современной семьи. Наблюдается явное преобладание мотивов социально-психологического содержания. Хотя социально-экономические причины не играют решающей роли, их значение нельзя недооценивать. Например, там, где вопросам жилищной обеспеченности молодых семей уделяется должное внимание, значимость рождения второго ребенка для получения жилья или улучшения имеющихся жилищных условий выше (в Магнитогорске — 15,2, Кировграде — 2,2 %). Велико значение психологических мотивов и в сельских семьях, но здесь значимость маленьких детей меньше и заметнее роль помощи детей родителям по дому и в подсобном хозяйстве; совершенно ничтожна значимость детей с точки зрения материальной обеспеченности родителей в старости.

Дифференциация мотивов рождаемости в Златоусте и Магнитогорске по социальному составу супружеских пар позволила установить ряд особенностей в репродуктивной мотивации рабочей семьи. Ведущим мотивом рождения второго ребенка повсеместно выступило стремление иметь ребенка другого пола, но в брачных парах, состоящих из рабочих, на него сослались 51,0 %, в семьях смешанного по составу типа — 44,4, служащих — 46,4 % опрошенных. В семьях служащих эмоционально-психологическая окраска мотивов деторождения выражена ярче, чем в семьях рабочих. Например, считают, что с детьми интереснее жить, поскольку они обогащают эмоциональный мир семьи, в рабочих семьях — 31,4 % опрошенных, супружеские пары, состоящие из рабочих и служащих — 39,5 % и в семьях служащих — 50,7 %. В результате данных мотив оказывается в семьях служащих (ИТР) на первом месте по значимости. У рабочих ведущий мотив — желание иметь ребенка другого пола. Этот мотив имеет не только психологическое значение, но и социально-экономическое содержание, поскольку по законодательству дети разного пола 9 лет и старше должны проживать в отдельных комнатах. Вариант „мальчик-девочка" в целом объясняется тем, что наличие детей разного пола обогащает взаимоотношения детей и родителей, вносит гармонию в супружеские отношения и в отношения детского коллектива в семье, удовлетворяет разнообразным эмоциональным запросам и потребностям родителей.

На мотивы социально-экономического характера рабочие ссылаются чаще, чем семьи служащих и ИТР. Это проявляется и в причинах отказа от рождения следующего ребенка: на неудовлетворенность жилищными условиями указали 30,1 % от числа опрошенных в группе, трудности с устройством ребенка в ясли и детский сад — 12,2 %. Заметно чаще в семьях рабочих ссылки на неурядицы и конфликты. Служащие отличаются частотой ссылок на увеличение домашних дел с рождением ребенка, дефицит свободного времени, занятость, болезненность детей, риск рождения неполноценного ребенка. Таким образом, в силу исторической инерции рабочая семья обладает более сильным типом репродуктивной мотивации, нежели семьи служащих или интеллигенции. В целом структура мотивов рождения и отказа от рождения второго ребенка в различных социальных группах семей обследованных одинакова.

Репродуктивное поведение, как и всякая другая форма социального поведения, отличается борьбой потребностей и полимотивированностью решений. Для более ясного понимания процесса интериоризации [123] репродуктивного поведения необходимо учитывать, что, во-первых, может происходить несовпадение мотивов и целей поведения (предмета потребности), в результате чего различают смысловую и побудительную функции мотивов. Во-вторых, мотив не всегда точно отражает фактор, который повлиял на возникновение деятельности. Это означает, что мотив может быть неадекватным цели деятельности и в особых ситуациях — намеренно ложным, т. е. защитного типа [150]. Внешне немотивированная деятельность оказывается деятельностью со скрытыми либо недостаточно ясно осознанными мотивами. В-третьих, следует учитывать, что неоднородность установок может значительно затруднить процесс обоснования решения, в результате чего возникают ситуации, отличающиеся разнонаправленностью, известной противоречивостью мотивов. В связи с этим И. С. Кон замечает: «Мотив обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направленную и обусловливающую поведение... Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными» [105, с. 27].

В отличие от проблемы измерения силы мотивации, аксиологический подход связан с рассмотрением смысла мотива, т. е. образов, которые служат для ориентировки в окружающем мире. В образах-ценностях запечатлены порой самые противоположные стороны окружающей действительности, самые противоречивые оценки и значения тех или иных процессов, которые наблюдает и с которыми на практике сталкивается человек.

В иерархии ценностей деторождения у мужчин и женщин наблюдается явный перевес психологических (эмоциональных) мотивов над социальными и экономическими. В то же время основные трудности двухдетной семьи в условиях городского образа жизни связаны, по мнению молодых родителей, с социально-экономическими факторами. Таким образом, экономические мотивы рождения второго ребенка в молодой семье находятся в явном диссонансе с психологическими (см. табл. 2.3).

Среди последних наибольшую значимость имеют такие, как желание иметь ребенка другого пола либо вообще иметь больше одного ребенка в семье. Собственно мотивы чадолюбия оказались на третьем и четвертом месте. Мужья большее значение придают таким мотивам, как любовь к детям, стремление иметь в семье больше одного ребенка или ребенка другого пола, желание укрепить узы брака, они возлагают больше надежд на своих детей как наследников, продолжателей рода и фамилии. Вместе с тем молодые отцы в большей степени, чем матери, озабочены тем, что рождение второго ребенка помешает учебе и работе.

Женщины более высоко оценивают роль таких мотивов, как желание иметь малыша и избежать в старости одиночества. Более характерно для них также недовольство состоянием своего здоровья, опасение того, что рождение второго ребенка обострит напряженность в отношениях с супругом, повлечет за

собой возникновение различного рода неурядиц и конфликтов. Они чаще жалуются на болезненность первенца, чаще высказывают опасения по поводу рождения неполноценного ребенка. В результате женщины более склонны отказаться от рождения второго ребенка или отложить время его рождения на довольно неопределенный срок. Так, 15,2 % опрошенных мужей и 14,4 % жен планируют рождение второго ребенка в течение года с момента опроса, 47,0 и 49,0 % — через два-три года, 20,4 и 14,5 % — в течение четырех-пяти лет, 3,7 и 4,1 % — через пять-шесть лет и 5,8 и 7,7 % мужей и жен рождение детей в ближайшие пять лет не планируют. Вообще отказались от рождения следующего ребенка 7,9 % мужей и 10,3 % жен.

По представлению молодых отцов, лучше всего иметь в среднем на 100 семей 248, а по мнению жен — 222 ребенка, среднее желаемое число детей составило соответственно 279 и 251, среднее ожидаемое — 215 и 190 детей. Видно, что жены заметно занижают размеры репродуктивных ожиданий и норм детности по сравнению с мужьями:

	Среднее желаемое число детей
Мужчины	280
Женщины	251
Брак заключен	
1970—1974 гг.	262
1975—1979 гг.	254
1980—1981 гг.	280
Образование респондента	
10—11 классов	256
Среднее техническое	258
Высшее и незаконченное высшее	255

С ростом числа лет обучения доля психологических мотивов рождения второго ребенка в молодой семье не увеличивается. Но значимость отдельных мотивов, например «желание иметь малыша», «любовь к детям», уменьшается, а других — возрастает («стремление иметь ребенка другого пола»). Видно, что роль экономических мотивов (обеспеченная старость и надежды на улучшение жилищных условий) с ростом уровня образования практически сходят на нет, тогда как социальных — несколько повышается в результате роста значимости такого мотива, как желание укрепить за счет рождения ребенка узы брака. Во всех группах респондентов обоего пола со средним общим, специальным, высшим и незаконченным высшим образованием доля психологических мотивов изменяется незначительно — в пределах 86—88 %.

Повышенный уровень репродуктивных ожиданий в молодых семьях со стажем брачной жизни около двух лет объясняется более сильной мотивацией к рождению второго ребенка и меньшей долей мотивов психологического характера (79,6 %), прежде всего в результате меньшей значимости таких мотивов, как «желание иметь малыша» и «уменьшает степень риска остаться бездетным». Вместе с тем в данной группе брачных пар желание иметь ребенка другого пола или иметь больше одного ребенка выражено ярче, чем в группах с большей продолжительностью стажа совместной жизни в браке. Обращает на себя внимание стабильное снижение роли социальных мотивов по мере возрастания стажа брачной жизни. Это прежде всего вызвано большей значимостью для молодоженов таких мотивов, как «укрепление семьи и сближение супругов», «продолжение рода и фамилии». Наиболее радикально изменяется мотивация с ростом уровня жилищной обеспеченности и уменьшением среднего желаемого числа детей. Доля мотивов психологического характера при этом возрастает с 81,6 до 90,7 % (из-за увеличения желания иметь малыша и роста значимости такого мотива, как «опасение остаться бездетными»). В результате величина среднего ожидаемого числа детей падает с 270 до 229 в расчете на 100 пар.

Поскольку большинство социально-экономических факторов рождаемости в современной семье городского типа воспринимается в виде помех к деторождению, то рассмотрим их подробнее.

Выборочное обследование в Златоусте показало (табл. 2.4), что основная часть молодых родителей при отказе от рождения второго ребенка ссылается на неудовлетворенность жилищными условиями (57,1 % опрошенных), размерами денежного дохода семьи (27,8 %), на трудности с устройством ребенка в детский сад и ясли (20,5 %). Остальные факторы ограничения деторождения по значимости распределились в таком порядке: семейные неурядицы и конфликты, отсутствие помощи родителей и родственников, дефицит свободного времени, увеличение домашней нагрузки, проблемы с детскими дошкольными учреждениями.

Для анализа состояния семьи и демографического поведения родителей были использованы данные анкетного опроса 1992 г. жителей Каменского района Свердловской области. Опрос охватил 225 мужчин и 262 женщины, в том числе: 8,7 % пенсионного возраста, 77,4 % — трудоспособного. Для получения статистически достоверных результатов данные опроса были сгруппированы по двум категориям поселений: «загрязненным» и «чистым», а также с разбивкой по массиву лиц мужского и женского пола. Как и предполагалось, выраженных различий в демографическом поведении жителей данных территорий (за исключением мужского и женского контингентов) не выявлено. Доля состоящих в браке оказалась на редкость устойчивой (73—75 %), причем у мужчин она достигла 82—83 %, а у женщин в «чистых» поселениях оказалась выше (69 %), чем в «загрязненных» (64 %). Последнее, впрочем, вероятнее всего, результат лишь исключительно территориальной специфики, а не последствия экологического неблагополучия территории.

Таблица 2.4

Основные мотивы рождения и отказа от рождения второго ребенка, % к общему числу опрошенных

Мотив	Мнение	
	мужей	жен
Рождения		
Желание иметь ребенка другого пола	82,7	66,2
Стремление иметь больше одного ребенка	45,3	30,4
Сильная любовь к детям	36,7	23,8
Желание иметь малыша	13,7	26,5
Укрепляет семью, сближает супругов	23,7	11,3
Желание избежать одиночества в старости	7,9	10,6
Уменьшает степень риска остаться бездетным (ой)	5,8	9,6
Дает надежду на улучшение жилищных условий	7,2	5,6
Обеспечивает продолжение рода	10,8	3,3
Повышает авторитет, вызывает уважение	—	1,7
Рекомендовано врачами для улучшения здоровья женщины	0,7	1,3
Для материальной обеспеченности в старости	2,2	0,3
Отказа от рождения		
Неудовлетворительные жилищные условия	63,8	60,4
Недостаточный денежный доход	32,8	30,6
Трудности с устройством в ясли, садик	25,9	20,1
Опасение семейных неурядиц (конфликтов)	10,4	14,2
Отсутствие помощи родителей в уходе за ребенком	10,3	14,2
Уменьшение свободного времени	10.3	13,4
Резкое увеличение домашних дел	10.3	10,4
Не позволяет состояние здоровья мужа	6,9	—
жены	1,7	9,0
Связано с учебой супругов	15,5	6,0
Болезнь первого ребенка	1,7	10,4
Боязнь трудностей воспитания малыша	6,9	7,5
Большая занятость на работе	10,3	3,7
Боязнь рождения неполноценного ребенка	—	2,2

Структура семей сопоставляемых территорий не имеет существенных различий, но интересна сама по себе (табл. 2.5). В целом для Каменского района характерно сохранение остатков патриархальной семьи: значительную долю составляют семейные коллективы, включающие самих супругов, их детей, родителей и других родственников. Преобладает двухдетный тип семьи, что характерно именно для сельской местности (по данным обследования, в г. Каменске-Уральском в 1991 г. чаще встречается однодетная семья). В районе 17,4 % всех семей имеют трех и более детей; 2,8 % — неполные семьи, это чаще всего матери с детьми.

«Чистые» поселения имеют более благоприятную семейную структуру: она богаче по типам; здесь меньше доля одиноких

Таблица 2.5

Основные типы семей населения Каменского района в 1992 г., % к общему числу семей

Тип семьи	Поселения	
	«чистые»	«загрязненные»
Одинокие		
Мужчины	2,1	2,5
Женщины	1,7	3,8
Брачные пары		
Без детей	4,6	2,5
С одним ребенком	15,6	13,1
С двумя детьми	17,7	19,9
С тремя и более детьми	8,4	10,2
Без детей с одним или двумя родителями	0,4	1,3
С ребенком и родителями	5,4	1,7
С двумя детьми и родителями	7,2	6,4
С тремя и более детьми и родителями	1,7	2,5
Без детей с родителями и другими родственниками	0,8	0,4
С ребенком, родителями и другими родственниками	3,4	—
С двумя детьми, родителями и другими родственниками	6,9	3,4
С тремя и более детьми, родителями и другими родственниками	1,7	0,4
Две брачные пары с родителями	4,2	3,8
Одинокие с детьми	3,4	7,2
Одинокие с родителями и детьми	1,7	3,0
Одинокие с родителями	13,5	17,8

женщин, что свидетельствует о большей продолжительности жизни мужской части населения; семьи здесь более многодетны, имеют в два раза меньшую долю матерей-одиночек с детьми (вообще фактор одиночества в «чистых» поселениях выражен гораздо слабее). Исходя из понимания семьи как опорного элемента всех демографических структур, можно сделать вывод, что территории, чистые в радиационном отношении, обладают заметно лучшим демографическим здоровьем. И наоборот, на «загрязненных» территориях стойкость семьи ослаблена.

Наибольший удельный вес многодетных семей наблюдается на территории Бродовского совета (50,7 % семей), особенно в поселке Мартюш (54,2 %). В малонаселенных деревнях Ключик и Щербаково детей нет вообще, а трудоспособное население составляет 25—31 % всех жителей, остальные — люди пенсионного возраста, треть из которых одиноки. Многодетны около половины семей в Позарихинском, Черемховском, Бродовском, Горноисетском. Сложившееся на территориях распределение различных типов семей следует учитывать при формировании

социальной инфраструктуры, в частности при проектировании жилищной застройки.

Какой будет сельская семья в ближайшей перспективе, как соотносится желанное и фактическое число детей? Среднее число желанных детей в расчете на 100 опрошенных мужчин и женщин составило в «загрязненных» поселениях 260 и 259, тогда как в «чистых» — соответственно 279 и 242 (табл. 2.6). Следует отметить, что женщины во втором случае особенно занизили желаемое число детей, мужчины здесь оказались оптимистичнее. В «загрязненных» поселениях проявилось удивительное «согласие» репродуктивных планов мужчин и женщин.

Заметим, что в составе опрошенных среди мужчин «чистых» поселений есть группа малодетных отцов, имеющих ориентацию на пять и более детей (особенно эта группа выделяется в Горном, Покровском и Мартюше).

Реально ожидаемое число детей оказалось, как всегда, меньше, чем желаемое, но и оно превышает данный показатель в городах Урала. В среднем на 100 опрошенных мужчин ожидаемое число детей (с учетом родившихся) в «чистых» поселениях чуть меньше, чем в «загрязненных» (соответственно 198 и 200) (табл. 2.7). Женщины мало чем отличаются от мужчин в своих ожиданиях (198 и 203 ребенка в расчете на 100 женщин в указанных поселениях).

Распределение ответов по ожидаемому числу детей выявило устойчивую долю тех, кто вообще не собирается иметь детей. Это объяснимо, поскольку среди опрошенных высока доля разведенных, вдовых и никогда не состоявших в браке людей (вдовы среди женщин «чистых» поселений Каменского района составили 5,2, а в «загрязненных» — 9,4 %).

Данные показывают, что доля ожидающих третьего и более ребенка в полтора раза меньше желающих его иметь. Потребность сельской семьи в детях все еще высока, но она не может быть реализована в сложившихся условиях.

Очень важно отметить, что рождение и воспитание желаемого числа детей в реальности обеспечило бы воспроизводство и полное замещение поколений как на селе, так и в целом по стране — с учетом компенсации низкой рождаемости в городах. Но уровень рождаемости в пределах ожидаемого числа детей, зафиксированного при опросе населения Каменского района, не обеспечивает простого замещения поколений даже на селе, не говоря уже о городе. Суммарный коэффициент рождаемости в Каменске-Уральском в 1991 г. составил всего 1,407, или 141 ребенок на 100 женщин всех брачных состояний, что в полтора раза ниже необходимого уровня естественного замещения поколений.

Мотивы отказа от рождения детей находят объяснение прежде всего в сложности социально-экономических проблем, сопряженных с рождением и воспитанием ребенка (табл. 2.8). Харак-

Таблица 2.6

Распределение респондентов по желаемому числу детей, %

Желаемое число детей	Группы респондентов в поселениях					
	«чистых»			«загрязненных»		
	Мужчины	Женщины	В целом	Мужчины	Женщины	В целом
Ни одного	—	—	—	1,0	0,9	0,8
Один ребенок	5,0	4,4	4,8	4,0	6,8	5,0
Двое	48,4	70,0	64,3	55,5	50,4	54,2
Трое	29,7	20,5	22,8	25,2	27,4	26,9
Четверо	3,0	3,1	3,0	6,1	6,8	5,9
Пятеро и более	13,9	2,0	5,1	8,2	7,7	7,1
Среднее число желаемых детей на 100 респондентов	279	245	257	260	259	260

Таблица 2.7

Распределение респондентов по ожидаемому числу детей, включая родившихся, %

Ожидаемое число детей, включая родившихся	Группы респондентов в поселениях			
	«чистых»		«загрязненных»	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Ни одного	2,3	1,0	5,3	2,8
Один	20,5	24.3	21,3	27,1
Двое	58,0	56,3	50.0	43,9
Трое	17,0	14,6	18,1	19,6
Четверо	1,1	2,8	3,2	4,6
Пятеро и более	1,1	1,0	2,1	2,0
Среднее ожидаемое число детей на 100 респондентов	198	198	200	203

терно, что мотивация отказа от рождения детей и мотивация решения основных жизненных проблем в основном совпадают: это низкие доходы, стесненные жилищные условия, проблемы занятости.

Среди типичных причин отказа от рождения детей в Каменском районе все чаще называются новые — экологическое неблагополучие региона и в связи с этим — тревога за здоровье и полноценное будущее детей.

Данные обследования показывают, насколько индифферентно респондентами оценен фактор влияния на потомство послед-

Таблица 2.8

Основные мотивы отказа иметь желаемое число детей, %

Мотив отказа	Группы респондентов в поселениях					
	«чистых»			«загрязненных»		
	Мужчины	Женщины	В целом	Мужчины	Женщины	В целом
Тревога за судьбу детей	29,8	26,7	28,1	34,2	28,3	31,1
Недостаток средств на содержание ребенка	30,7	15,6	22,5	26,2	29,9	28,2
Стесненные жилищные условия	24,6	19,3	21,7	35,1	20,4	27,3
Личные или семейные обстоятельства	9,6	17,0	13,3	13,5	18,1	16,0
Опасность последствий радиационного загрязнения	5,3	8,2	6,8	7,2	9,4	8,4
Препятствия для рождения ребенка отсутствуют	12,3	20,7	16,9	15,3	12,6	13,9

ствий радиационного заражения территории. При ранжировании мотивов отказа он оказывается последним по значимости как в «чистых», так и в «загрязненных» поселениях: разница в 1,6 % в этом случае не меняет общего отношения к его оценке. Достаточно наглядно проявляется, что более серьезно обеспокоены радиационным заражением женщины, чем мужчины. «Личные и семейные обстоятельства» как причина отказа от ребенка более характерны для «загрязненных» территорий, что, безусловно, объясняется большим числом вдов в этих поселениях.

В иерархии мотивов отказа на первое место выходят факторы тревоги за судьбу своих детей, что, по сути, порождено неопределенностью нынешней общей социально-экономической ситуации. Результатом такой мотивировки является отказ родителей от рождения желаемого ребенка (обычно это второй ребенок в семье).

Мотив неуверенности в будущем и страха за детей проявился и в Екатеринбурге при опросе в 1992 г. женщин, решивших прервать беременность и ответивших на анкеты городского диспансера «Здоровье». Четверть опрошенных ссылаются также на ограниченные финансовые возможности, 23 % — на плохие жилищные условия и только 3 % — на отсутствие возможности устроить детей в детские учреждения. Вопреки такой реальной оценке ценностей деторождения, 31 % опрошенных женщин заявили, что никогда не пользовались контрацептивами *.

* Вечерний Екатеринбург. 1992 г. 27 июня.

Полученные социологические данные не расходятся с результатами аналогичных обследований в других регионах. Центр изучения Б. Грушина опубликовал сведения о том, что 14 % россиян при ответах на вопрос об удовлетворенности жизнью использовали оценки «плохо» и «очень плохо», при этом 38 % опрошенных согласны с мнением, что «когда будущее так тревожно и неясно, заводить детей безответственно» [237].

2.2. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Обращение к этнодемографическому аспекту рождаемости и репродуктивного поведения — вполне закономерный итог исследования рождаемости. Вместе с этим сравнение репродуктивных намерений по национальному признаку необходимо как внутри отдельного региона (республики), так и в межрегиональном аспекте. Такого рода сравнительные исследования возможно провести с помощью всесоюзных обследований. К таковым относится, например, обследование мнений о числе детей у замужних женщин, проведенное в 1972 г. в союзных республиках НИИ ЦСУ СССР и охватившее территорию Уральского региона. Результаты свидетельствуют о снижении ожидаемого числа детей в брачных группах различных национальностей. Если в целом по РСФСР ожидаемое число детей в расчете на 100 опрошенных замужних женщин составило в городских поселениях 186, а в сельских — 269, то на территории УЭР соответственно — 194 и 286, т. е. немногим больше. В то же время у татар показатели были заметно выше (248 и 368 детей), а величина репродуктивных ожиданий замужних женщин из сельских местностей у узбечек составила 676, таджичек — 622, туркменок — 627. К сожалению, ни желаемое число детей, ни тем более мотивационная сторона этого явления не изучены. Вне рассмотрения этих вопросов оказалось и всесоюзное выборочное социально-демографическое исследование 1985 г., охватившее 5 % населения и включившее в свою программу только вопрос об ожидаемом числе детей для женщин в возрасте 18—44 лет. Подобные задачи были выполнены в локальных обследованиях с помощью порой не сопоставимых индикаторов мотивации и ценности детей в семье.

Так, С. И. Исломов [88, 89] установил, что в «сложных» семьях, где не принята практика ограничения рождаемости, преобладают экономические мотивы, в частности в семьях таджиков, проживающих в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Ими являются: «дети необходимы для ухода за родителями в старости», «дети как помощники в домашнем или общественном труде», «дети необходимы для продолжения рода» (социальный мотив) [88, с. 167]. В другой работе С. И. Исло-

мов приводит мотивы многодетности таджикских женщин различных возрастных групп (обследование 1981—1983 гг., охватившее 4000 человек, из них на селе — 2600, женщин 50 %). По данным автора, мотивация многодетности в группах 1931—1960 гг. рождения коренным образом у многодетных таджикских женщин не изменилась. Однако, судя по результатам, значимость экономических ценностей оказалась не столь высокой. Даже на селе в самой старшей группе женщин 1931—1940 гг. рождения на мотив «желание получить помощь и поддержку в старости» указало 28,7 % опрошенных, на влияние религии — только 1,6, на требования обычая — всего 6,4, желание мужа и родственников также немного — 8,5, даже на невозможность предотвратить рождение — всего 3,7 %. Основная часть объясняет мотивацию опять-таки чадолюбием («люблю, когда много детей»), причем остается непонятным, что, собственно, является предметом любви — дети или их большое число в семье. В целом мотивация раскрыта слабо [89, с. 141]. Аналогичным образом она выглядит в удмуртской сельской семье, исследованной А. А. Петраковым,— используемые обобщенные индикаторы не выявили достаточных различий в мотивации репродуктивного поведения городской и сельской семьи. Кроме того, не показана зависимость мотивации от числа детей. В частности, основной мотив желания иметь детей в группе супругов 30—35 лет, живущих в селах, состоит в том, что «рождение детей, их воспитание на благо общества — одна из главных ценностей в жизнедеятельности семьи» (32,1 %), затем следуют ссылки на то, что «большие семьи полезны для общества», поскольку «обеспечивают развитие населения» (22,6), на эффективность воспитания детей в детском коллективе (14,3), успешность брака в больших семьях (19,1 %). Заметим, что основную часть семей составили двухдетные пары в городе и двух-трехдетные (один к одному) — на селе [168, с. 127—128]. Изучение мотивов рождаемости в больших семьях, тем более на селе, дает ценный научный материал. В нашей стране такие обследования единичны, а при проведении их ранее мотивация как бы теоретически конструировалась [28] либо данные о ней отсутствовали; иногда мотивация сводилась к выяснению обычного набора причин отказа от рождения следующего ребенка в семье. Даже если удавалось получить важную информацию, то выяснялось, что в семьях с пятью и более детьми основной причиной ограничения рождаемости является мотив удовлетворенности имеющимся числом детей.

Более досконального и тщательное изучение мотивации, включая психологические методики, выяснение «профилей» и семантического дифференциала, фиксацию ценностей и реакций на образы детей, как правило, ограничивается этапом двух-трехдетности. В связи с этим следует отметить работы А. И. Антонова [10], В. И. Медкова [11, 12], В. В. Бойко [24, 26], Г. Е. Цуладзе [227, 228], Т. Нижарадзе [146], В. Н. Архангельского [14, 15]. Попытки проанализировать мотивацию в сельской семье предпринимались также автором по материалам обследования в сельской местности Свердловской области [115, 138] и Мордовии [114]. В последних была отмечена тенденция к повышению экономических ценностей деторождения в семьях с двумя детьми, желающих иметь третьего, по сравнению с молодыми семьями, имеющими первенца. В целом структура мотивации одно- и двухдетных молодых семей как в городской, так и в сельской местности оказалась одинаковой, что позволяет говорить о валидности и надежности выбранных индикаторов. Однако семьи, ориентированные на среднедетность, выказали большее предпочтение не только помощи детей по дому и хозяйству, но и рождению сыновей. Значимость надежд на материально обеспеченную старость оказалась ничтожной.

В продолжение темы исследования семьи на Урале Б. С. Павловым в 1988 г. предпринято обследование одно- двухдетной молодой семьи, «зрелых» семей с детьми в подростковом возрасте до 17 лет и небольшой группы специально отобранных семей с тремя и более детьми. Опрос охватил также экспертную группу и проводился в городской и сельской местности Челябинской области. В малодетных семьях были опрошены 208 мужчин и 371 женщина. В возрасте до 20 лет оказалось всего 0,2 % опрошенных, основная масса респондентов — люди в возрасте 20—29 лет — 69,8, старше 30 лет — 30 %. Однодетные семьи составили 44,6 %. Опрос охватил территорию Магнитогорска (23,9 % одно- и 15,5 % двухдетных семей), Златоуста (12,5 и 9,5), Кыштыма (9 и 10,1), Челябинска (21,9 и 20,6), Троицка (6,7 и 15,2), Аргаповского района (9,8 и 8,2) и Аргаушского района (16,1 и 20,2 %).

На традиционный вопрос об идеальном числе детей («Сколько всего детей лучше иметь в семье?») 60,3 % опрошенных признали наиболее приемлемой норму двухдетности, треть в качестве идеальной видит семью с тремя детьми. Нормы многодетности одобряют только 4,3 % супругов. В то же время 14 человек из 579 высказались за однодетный стандарт. В целом среднее идеальное число детей оказалось на удивление небольшим (241 ребенок на 100 семей) и заниженным по сравнению с уровнем ожидаемого и желаемого числа (у однодетной категории соответственно 246 и 248, у двухдетной — одинаковая величина — 298 детей в расчете на 100 пар). Заметно, что желаемое и ожидаемое число детей практически совпали. Это связано с тем, что в анкете вопросы были поставлены в пару и респонденты плохо их различали.

Двухдетность как норма сказывается и на ценностной ориентации молодых супругов. Установлено, что структура ценности первого, второго и третьего ребенка в малодетных семьях практически не изменилась с 1982 г. и остается довольно устойчи-

вой. Частота ссылок на ценность детей как основной жизненной цели среди опрошенных такова, %:

Число детей в семье	Территория опроса: Магнитогорск, 1982 г.	Свердловск, 1986 г.	Челябинская обл., 1988 г.	
			Малодетные семьи	«Зрелые» семьи
Один	2,0	3,0	5,6	5,1
Двое	31,5	28,0	35,8	37,7
Трое	8,4	8,0	15,5	16,7

Некоторое превышение частоты ссылок на третьего ребенка — результат присутствия в последней выборке семей сельского типа. Сумма ссылок на детей как на основную жизненную ценность составила 56,9 % среди опрошенных в Челябинской области. И тем не менее эта величина оказалась меньше частоты ссылок на значимость здоровья и хороших семейных отношений, а конкурирующим этому мотиву фактором выступило материальное благополучие.

Выяснение мотивации рождаемости в малодетных семьях в 1988 г. не обнаружило ничего нового, хотя из-за включения в опрос сельских семей участились ссылки на социально-экономические мотивы. Пожалуй, больший интерес представляют данные по мотивам рождения и воспитания детей в зрелых семьях, имеющих в числе детей-подростков. Среднее фактическое число детей в этих семьях составило на селе 290, в городе — 190 на 100 пар, доля семей на селе с тремя и более детьми — 37,1 %, тогда как в городах трех и более детей имела только каждая десятая семья с ребенком в подростковом возрасте. Средний возраст супругов в семьях, имеющих детей-подростков, 39,5 лет. Судя по полученным данным, только 0,6 % опрошенных в группе семей с подростками состояли в браке менее года, 1 % — два-три года, 2,7 % семей имели стаж брачной жизни около четырех-пяти лет, 4,8 % — в пределах шести-десяти лет. Стаж брачной жизни 11—15 лет — у 21,4 % опрошенных, 15—20 лет — у 47,6, а более 20 лет — у 21,8%. Возраст старшего ребенка 14—17 лет. Как же сложилась жизнь в семьях с подростками? Затруднялись ответить на вопрос относительно успешности своего брака 7,4 %; признали, что семейная жизнь не удалась, 3,6 %; считали брак не совсем удачным 18,7 %. Две трети опрошенных оценили брак как успешный. Данные обследования показали, что в молодых семьях в той или иной степени не удовлетворены браком лишь 6—10 % супругов (женщины в большей степени, чем мужчины). В семьях с солидным стажем совместной жизни таковых уже треть, и именно она образует потенциал разводимости.

Рассмотрим социально-профессиональную дифференциацию показателей репродуктивного поведения зрелой семьи. Для этого

Таблица 2.9

Среднее число детей на 100 семей, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам

Социально-профессиональная группа	Число детей: Фактическое	Желаемое
Город		
Рабочие	197	262
ИТР	192	241
Служащие	188	239
Село		
Рабочие	233	289
Колхозники	252	274
Специалисты	246	300
Служащие	230	259

сравним среднее фактическое и желаемое число детей у опрошенных, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам (табл. 2.9).

Фактическое число детей в семьях, представленных всеми социально-профессиональными группами, меньше, чем это необходимо для простого воспроизводства. Это относится и к сельской местности. Четко видна разница в степени удовлетворенности потребности в детях, особенно в условиях городской среды проживания. Детность сельских семей более близка к желаемой. Это косвенно подтверждает вывод о том, что в принципе при благоприятных условиях семья имеет столько детей, сколько желает. Дифференциация детности в зависимости от профессионального и социального статуса семьи для города и для села весьма незначительна. Гораздо большую роль играет этнический фактор. На территориях, где проживала значительная доля лиц татарской и башкирской национальностей, желаемое число детей оказалось наиболее высоким, например у опрошенных из Агаповского и Аргаушского районов. Средним желаемое число детей было среди семей, проживающих в Кыштыме (266), Троицке и Златоусте (260), Челябинске (245). Среди национальных групп наиболее высоким среднее желаемое число детей было у башкир — 341 и татар — 272, у русских оно составило 252, а у украинцев — 238.

В группе семей, имеющих детей-подростков, репродуктивная мотивация как таковая не исследована. Однако респондентам задавался вопрос: «Как Вы считаете, сколько детей должно быть в семье, чтобы их воспитание шло более успешно»? По ответам на него можно косвенно судить о мотивах рождения желаемого числа детей. Результаты опроса показали, что 22 %

ответивших не связывали успешность воспитания с числом детей. Считали предпочтительнее однодетную семью 3,5 %, двухдетный вариант — 36,8, трехдетный — 30,7; 6,8 % опрошенных предпочли семью с четырьмя и более детьми. Интересно отметить, что количество ответов о желаемом числе детей для создания условий их лучшего воспитания, было небольшим. Это характерно для вопросов открытого типа, когда респондент должен сам придумать ответ, а не выбрать готовый из предложенного перечня подсказок. Но в открытых ответах проявилось одно важное качество: мотивы выбора имели как положительную, так и отрицательную окраску (следует вспомнить эмоционально контрастную оценку детей в семье по пословицам).

В однодетной «подростковой» семье, где супруги стремятся к рождению второго ребенка (малыша), как правило, указывалось, что старший ребенок получит возможность общения с младшим, проявится их взаимная забота. Дети будут менее эгоистичны и более прилежны в учебе и труде. Однако при этом обращалось внимание на высокие цены на продукты питания и одежду, низкую заработную плату, что удерживает от рождения большего числа детей.

В семьях, которые условно можно отнести к «переходному» типу, т. е. стремящихся к рождению дополнительного числа детей, чаще звучали положительные оценки более высокой детности, а в семьях «застойного» типа (не стремящихся к рождению следующего ребенка) преобладали отрицательные оценки деторождения, сквозили мотивы затруднительного, ограничительного характера.

В семьях с двумя детьми без перспективы дальнейшего роста норма двухдетности отстаивалась из тех соображений, что «один ребенок, конечно же, плохо». Подчеркивалось, что он растет эгоистом, тогда как в семье необходимо общение детей (детский коллектив). Двоих детей связывают между собой отношения взаимопомощи. В семье создается атмосфера заботы членов семьи друг о друге, и в этих условиях легче распределять трудовую нагрузку. Вместе с тем стабилизация семьи на уровне двухдетности объяснялась ссылкой на материальные тяготы многодетности, высокие цены на продукты, дефицит товаров детского ассортимента. Высказывались также суждения типа «чем меньше детей, тем больше будет уделено внимания каждому».

Несколько иным образом выглядит объяснение выбора варианта репродуктивного поведения тогда, когда в двухдетной семье есть установка на рождение третьего и четвертого ребенка. Семья такого переходного типа свой репродуктивный выбор мотивирует тем, что ее члены должны стать дружнее, что в большой семье детей воспитывать легче. Усиливается внимание к разнообразию социальных отношений в семье. В детском коллективе появляются особые связи — взаимопонимание,

дружба и забота, равноправие. Младшие стремятся образовать подгруппу младших детей и подражать старшим (старшему). У последних более полно формируется чувство ответственности за маленьких детей, лучше усваивается опыт взаимопомощи старших в семье, создаются более благоприятные условия для вовлечения детей в трудовой процесс и трудовое воспитание. Родители отмечают, что дети вырастут и станут опорой друг для друга. Заметно, что наряду с психологическими все большее значение приобретают и социальные ценности детей. Среди ограничительных мотивов в ответах на открытые вопросы опять-таки фигурируют материальные трудности многодетной семьи в современном обществе. Изменение баланса «за» и «против» в случае перехода семьи на «трехдетную» ступень наглядно выражается в таком мнении супругов, что воспитывать трех-четырех детей столь же легко, как и трудно. Интересно, что в этой группе семей ссылки на экономическую ценность детей для семьи не получили широкого распространения. В ответах супругов в основном подчеркивается высокая ценность детского коллектива, взаимопомощи и заботы детей друг о друге, звучит отрицательное отношение к однодетности и двухдетности. В ограничительной мотивации преобладают ссылки на материальные и экономические обстоятельства. Другая подгруппа семей с тремя-четырьмя детьми была представлена супругами, тяжело переживающими нежеланную средне- и многодетность или разочаровавшимися в ней. В их ответах содержатся исключительно ссылки на всякого рода жизненные затруднения, возникающие из-за детей (нехватка доходов, увеличение материальной и физической нагрузки на родителей, указания на то, что «одного прокормить и обуть легче, чем двух-трех, трудно с продуктами, одеждой»). Итак, ограничительные мотивы в семьях с различным числом детей одинаковы, по-видимому, лишь степень их проявления разная.

Таким образом, обследование выявило, что существует среднедетность (три-четыре ребенка) одобряемая, желаемая и нежеланная. Дополнительный вопрос позволил установить, что ориентация на пол ребенка, по мнению родителей, не имеет значения для успешного воспитания детей в 54 случаях из 100. На мальчиков и девочек одновременно ориентировано 39,1 %, только на девочку — 5,8, исключительно на сына — менее 1 % опрошенных.

В группе многодетных семей опрошено 107 человек. Процентное отношение по числу детей здесь следующее: трое детей — 7 % семей, четверо — 9,5, пятеро — 52,4, шестеро — 15,5, семеро детей — 8,3 %, остальные семьи имели восемь и более детей. Применение при записи ответов карты семьи (анамнеза) позволило вычислить интервалы между рождением детей в этой группе. Они составили в среднем: между первым и вторым ребенком — 2,5 года, вторым и третьим — 2,9, третьим и четвер-

тым — 3,4, четвертым и пятым — 3,3, пятым и шестым — 2,6, шестым и седьмым — 2,5, седьмым и восьмым — 1,8, восьмым и девятым — 2,2, девятым и десятым ребенком — 1,3 года. С возрастанием порядкового номера проявилась тенденция к сокращению среднего интервала между рождениями детей. (Для сравнения: в группе молодых двухдетных семей наиболее распространенными оказались два интервала — 2,5 года и около семи лет.)

При обследовании косвенным путем была выявлена достаточно сильная установка многодетных родителей на возможность использовать труд подростков в общественном производстве. В городе на желательность занятости подростков оплачиваемым трудом сослались 27 % многодетных родителей, а на селе — 36 %. Для сравнения скажем, что учащиеся из многодетных семей прирабатывают зимой в каждой четвертой городской и каждой третьей сельской семье. Работающие сыновья и дочери есть в каждой второй многодетной семье.

В группе многодетных мотивы отказа от рождения следующего ребенка оказались четко выраженными. Они практически те же, что и в семьях, имеющих детей-подростков. Структура мотивации в принципе одинакова, в то же время ранг отдельных мотивов обнаруживал заметные различия. На негативное отношение руководства учреждений и организаций к матери с ребенком указано в каждой девятой молодой семье (11,7 %), в группе с детьми-подростками таких семей 14,5 %. Характерно, что в обследованиях, проведенных в Челябинской области, в последнее время отмечается повышение в отказной мотивации значимости ссылок на недостаток денежных доходов. Очевидно, это связано не столько с рождением ребенка, сколько с повышением цен. Открытые ссылки на этот фактор в обследованиях 1982 г. встречались довольно редко. По-прежнему в мотивации отказов от рождения ребенка велика роль жилищного фактора — 49,3 %. Именно в молодых семьях ссылки на жилье и недостаточные доходы оказались равными по частоте (на последний мотив ссылалось опрошенных только на 0,6 % больше). В группе семей с подростками супруги ссылались на финансовые трудности на 8,7 % чаще.

Сравнение результатов обследований разных лет показывает, что потребность в детях в молодых семьях и в семьях, имеющих длительный стаж брачной жизни, не изменилась. Об этом свидетельствует не столько динамика ожидаемого и желаемого числа детей, сколько структура репродуктивной мотивации и ценностной ориентации респондентов. Однако некоторые изменения произошли. Они проявились в определенном усилении социально-экономической ценности детей. Ответы на открытые вопросы выявили высокую значимость для семьи детского «микроколлектива», причем в малодетных семьях с ребенком-подростком ссылки такого рода составили половину всех ответов, в многодетных — треть. По-видимому, в последние годы все сильнее проявляет себя негативная реакция на однодетность тех, кто сам был когда-то единственным ребенком в родительской семье. В этих условиях наиболее предпочтительной остается ориентация на двух детей. Разумеется, это не панацея от малодетности, однако увеличивает вероятность рождения в семье третьего ребенка.

Процесс снижения потребности в детях обусловлен сменой норм детности, происходящей под влиянием всей гаммы социально-экономических, психологических и культурно-идеологических факторов жизнедеятельности населения, различных социальных групп, семьи и личности. Нормы многодетности отмирают. Судя по ответам на вопрос, посоветовали ли бы вы своим детям воспроизвести многодетность, лишь чуть более четверти многодетных родителей ответили утвердительно, причем в городе — только пятая часть (19 %), а на селе, где тип репродуктивного поведения более консервативен, — 39 %. Это означает, что в следующем поколении шансы воспроизвести многодетность сократятся в четыре раза.

Наиболее настойчиво не советовали своим детям повторять их жизненный путь в отношении размера семьи родители в малообеспеченной группе опрошенных (менее 50 руб. на человека в месяц в 1982 г.). В этой группе за многодетность для своих детей высказался лишь каждый десятый. Это очень серьезный аргумент в пользу проведения политики материального поощрения рождаемости. Кроме того, можно надеяться, что повышение благосостояния увеличит благополучную многодетность и среднедетность и сократит многодетность нежеланную. Меры повышения благосостояния семей, имеющих детей, могут помочь закрепить установку на среднедетность в тех группах населения, где она одобряется и пока еще воспринимается как потребность.

Насколько неодобрительно отношение окружающих к многодетным семьям, можно было определить с помощью специального вопроса, обращенного к многодетным матерям. Женщины ответили, что недоброжелательное отношение к ним проявляется прежде всего в магазинах — 68 %, и особенно городских — 80; затем — со стороны соседей по дому — 19 (в городской среде — 24); в своем коллективе — 12 % и столько же — со стороны администрации предприятия, где работают родители. Меньше всего неодобрительное отношение к многодетности проявляется со стороны родственников — 6 %. Наиболее доброжелательное отношение к многодетным матерям исходит от родных и близких — 65 %, особенно на селе — 80 %, а также от супруга.

Итак, во всех типах семей ограничительная мотивация по отношению к рождаемости имеет большое сходство. Преимущественно ссылаются на одни и те же проблемы, которые в значительной степени отражают жизненную ситуацию семьи. Эти

же проблемы указываются в качестве мотивов миграции и в качестве причин текучести кадров, что свидетельствует о их значимости и устойчивости восприятия опрошенными. По-видимому, иерархия мотивов по ограничению или поощрению рождаемости должна приниматься во внимание при разработке мер демографической политики в отношении семьи, а также при проведении социальной политики вообще.

Обследование еще раз подтвердило, что наряду с феноменом ограничительной, или «защитной» мотивации существует парадокс «обратной связи», т. е. снижение уровня детности и желания иметь детей с ростом благосостояния, улучшением жилищных условий. Так, желаемое число детей в группе семей с ребенком-подростком (т. е. при довольно длительном и примерно одинаковом стаже брачной жизни) составило в расчете на 100 опрошенных в семьях, имеющих до 6 кв. метров, 255, а в семьях с более высоким уровнем жилищной обеспеченности — 235.

Великолепной иллюстрацией действия факторов перехода семей от многодетности к малому числу детей является сопоставление репродуктивной мотивации супругов в странах с различным уровнем социально-экономического и культурного развития. В этих целях воспользуемся данными выборочного обследования по единой программе мнений мужей и жен о ценностях и антиценностях деторождения и стремления к увеличению размеров семьи в таких странах, как Филиппины, Южная Корея и США. Обследование было проведено под руководством Ф. Арнольда, Л. Гофмана, Дж. Фосетта (США), Р. Булатао (Филиппины), С. Ли (Южная Корея) [241]. Абстрагируясь от некоторых локально-этнических особенностей в развитии этих стран, можно представить данные табл. 2.10 как своеобразную модель эволюции репродуктивных намерений семьи (приведена по [241]).

Значимость таких мотивов деторождения, как «помощь детей по дому», «поддержка в старости», «для экономической помощи родителям», «дети — стимул для работы», столь высокая в обществе традиционного типа, заметно сокращается в развитом индустриальном обществе. Наряду с этим увеличивается ценность детей как объекта родительской любви, заботы, опеки, потребность в совместных играх и забавах, общении. Устойчивыми оказались мотивы, связанные с желанием укрепить рождением следующего ребенка узы брака. Ярко выраженное в традиционном обществе предпочтение мальчиков в обществе с современным укладом семьи сменяется желанием иметь детей обоего пола с небольшим перевесом в сторону девочек.

Характерно, что материальные и финансовые затруднения выступают важнейшими мотивами ограничения рождаемости во всех трех странах. Если на Филиппинах экономическая и хозяйственная ценность детей еще превосходит по значимости эко-

Таблица 2.10

Наиболее важные ценности и антиценности, ассоциирующиеся с намерением иметь детей, в зависимости от страны и пола респондентов (1975—1976 гг.), %

Мотивы-ценности	Филиппины		Южная Корея		США	
	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены
Ценность детей						
Помощь по дому	2	4	1	1	2	1
Помощь в старости	29	31	6	6	1	1
Экономическая помощь	17	12	3	3	0	0
Для продолжения фамилии	6	3	17	18	1	1
Для любви и заботы	12	11	3	5	42	43
Для домашней забавы	2	4	5	5	5	4
Для компании	2	2	11	12	9	10
Хотят мальчика	10	7	25	25	5	4
Хотят девочку	5	5	10	12	7	6
Для укрепления брака	6	11	3	2	11	9
Стимул для работы	5	7	3	4	1	0
Удовольствие наблюдать за ростом детей	3	3	13	8	16	21
Итого	99	100	100	101	100	100
Антиценность детей						
Финансовые трудности	38	32	54	55	43	44
Лишняя работа и обуза	2	4	4	8	1	1
Мы уже старые	2	2	0	0	7	9
Требуют дисциплины	9	9	1	3	1	1
Дети часто болеют	19	20	0	0	4	4
Меньше внимания к себе	7	11	17	19	11	11
Меньше личной свободы	2	4	2	5	8	9
Препятствие для занятости	8	6	1	2	3	6
Меньше времени для супруга	3	3	4	1	7	5
Перенаселение	9	8	17	8	14	11
Итого	99	99	100	101	99	101

номические недостатки многодетности, то уже в Южной Корее и тем более в США картина прямо противоположная — экономическая ценность детей невелика, явно преобладает экономическая антиценность деторождения. Движение к современному типу общества сопровождается нарастающим нежеланием супругов поступиться из-за детей своей личной свободой, време-

нем для интимной жизни. Усиливается ощущение неспособности к деторождению из-за возраста (хотя всем опрошенным было от 20 до 40 лет). Устойчивыми и сильными оказались мотивы ревности к детям, нежелание нести дополнительные заботы; в детях видят обузу и существенное препятствие для работы и профессиональной занятости все опрошенные.

Специальная разработка и типологизация мотивов по числу детей в семье обнаружила, что одно- и двухдетным семьям более всего соответствуют такие ценности, как «стремление укрепить рождением ребенка брак», «любовь к детям, забота о них», «эмоциональное удовлетворение от общения с детьми», «желание продолжить свой род». На этапе, условно названном «этапом балансирования» семьи (три-четыре ребенка), ведущими оказались такие социально-психологические мотивы, как «желание видеть в детях соучастников своей деятельности и времяпрепровождения», «получать удовольствие от наблюдения за их играми, ростом и развитием». И только для многодетных семей (пять-шесть детей) было характерно безусловное преобладание экономических мотивов деторождения, что, однако, сопровождалось и большой частотой ссылок на опасения по поводу младенческой смертности. Последнее подтверждается обследованиями мотивации рождаемости в семьях жителей сельских районов Ганы, Нигерии, Кении, Сенегала, проведенными австралийским ученым Дж. Колдуэллом в 60-х годах нашего века [242]. Позднее в своей монографии «Теория снижения рождаемости» Дж. Колдуэлл обобщает материал по «ценностям высокой рождаемости», полученный в результате эмпирических исследований [243]. Своеобразную трактовку проблемы низкой рождаемости в примитивных сообществах дает К. Дэвис [249]. Однако наиболее обширные сведения для анализа этнодемографического аспекта репродуктивной мотивации содержатся в материалах исследований ценности детей, проведенных в 70-х годах в Японии, Южной Корее, Индонезии, на Филиппинах, Тайване, в Таиланде, Турции, Сингапуре и США. Подробнейший обзор работ по проекту этих исследований и анализ полученных данных приводится А. Б. Воробьевой [62].

Для понимания этнодемографических аспектов рождаемости важное значение имеют работы по социологии семьи Л. В. Чуйко [230, 331], М. С. Мацковского [131], этнодемографические исследования Г. А. Бондарской [27, 28], Ю. И. Семенова [188], В. И. Козлова [98, 99], Т. Ф. Сиверцевой [190], Е. В. Фотеевой [214], разработки А. Г. Волкова [63] по смешанным бракам, обширная переводная литература по репродуктивному поведению в ближнем зарубежье, а также в Индии и особенно Китае, появившаяся в последнее время в отечественной печати [219, 153, 174, 244].

Не углубляясь в изучение мотивации рождаемости в различных этнических группах по зарубежным источникам, отметим тот факт, что для многодетной семьи на территории России и Урала мотивация оказалась изученной слабо, что побудило автора к дальнейшим поискам в исследовании ценностей детей с помощью сопоставимых индикаторов.

По данным всесоюзного выборочного социально-демографического обследования 1985 г., было опрошено 13 млн человек по состоянию на 1 января 1985 г. «Микроперепись» обнаружила некоторое повышение доли семей из четырех и пяти человек, но в целом динамика снижения рождаемости в перспективе была полностью предсказуема. Несмотря на ощутимую этнодемографическую дифференциацию числа детей в молодых семьях, уровень детности был невысок [69], % к итогу:

Территория	Молодые семьи с числом детей				Семьи без детей
	Всего	Один	Двое	Трое и более	
СССР	80,0	48,8	26,1	5,1	20,0
РСФСР	80,9	53,5	25,1	2,3	19,1
Туркмения . . .	79,8	32,8	25,7	21,3	20,2

Доля детей третьей и более высокой очередности была минимальной в РСФСР, максимальной — в Туркменистане. Экономико-демографическая судьба поколения 1950 г. рождения, к 1985 г. достигшего 35 лет и вышедшего за пределы молодых семей, описана А. С. Миловидовым по материалам данного обследования. Четверть супругов этого возраста имели одного ребенка, около половины (48,0 %) — двух детей и немногим менее четверти — трех и более [134]. На каждую 1000 женщин этого поколения ожидалось еще 401 дополнительное рождение, а в целом ожидаемое число детей составило в расчете на 100 женщин (опрошенных) 246, в том числе в городской местности — 209, а на селе — 317 [134].

Но, пожалуй, самое важное обстоятельство отмечает В. А. Борисов: обследование вновь подтвердило, что молодые замужние женщины планируют иметь в среднем меньше детей, чем женщины более старшего возраста [32, 29]. Всего 15,6 % женщин русской национальности в возрасте от 18 до 45 лет планируют иметь в жизни трех и более детей. Ясно, что на практике это число полностью не будет реализовано из-за проблем жизнедеятельности семьи. В. А. Борисов показывает, что для простого замещения поколений доля семей с детьми четвертой очередности должна составлять не менее 14 %, а семей с большей очередностью — не менее 2 %. При этом имеется в виду, что бездетность составляет 4 %. В случае слегка расширенного режима воспроизводства (нетто-коэффициент=1,15, или 298 детей на 100 «эффективных» семей) доля четырех детей должна составлять около 23 %, а пяти и более детей — 7 % [134]. Оче-

видно, что при выдвинутых критериях величина репродуктивных ожиданий у женщин из русских и украинских семей обусловливает в перспективе, пусть и достаточно длительной, не что иное, как депопуляцию, если не произойдет каких-либо качественных прогрессивных сдвигов в уровне смертности населения, в том числе младенческой. Но последнее пока маловероятно.

Использование показателя ожидаемого числа детей в бюджетной государственной статистике продолжается. В частности, в обследовании бюджетов семей СССР в 1989 г. применялось две модификации этого вопроса [152].

При сопоставлении данных всесоюзных выборочных обследований 1972 и 1985 гг. вопрос об ожидаемом числе детей был обращен ко всем женщинам 18—59 лет и, в частности, к замужним в возрасте 18—44 лет. Однако во втором случае формулировка вопроса подверглась, казалось бы, незначительному изменению. Если в обследовании 1972 г. вопрос стоял так: «Сколько детей всего собираетесь иметь?», то в 1985 г. он был сформулирован чуть иначе: «Сколько всего детей собираетесь иметь»? Эта незначительная перестановка слов смысла не меняет, но она могла повлиять на сопоставимость результатов обследований. Сравнивая величины среднего (в расчете на 100 опрошенных) ожидаемого числа детей, легко заметить общую тенденцию сокращения репродуктивных ожиданий у женщин разных национальностей, причем наиболее высокие темпы снижения в целом присущи сельской территории (табл. 2.11).

Однако были и исключения. Среди малодетных групп городских женщин ожидания несколько возросли у эстонок, латышек и молдаванок; в группах женщин малодетного типа из сельских районов повысились репродуктивные ожидания у тех же национальностей и еще у литовок. В среднедетной группе отклонений от спада репродуктивных намерений не обнаружено по вполне понятным причинам — снижение рождаемости и изменение ее норм в этой среде происходит наиболее быстрыми темпами. Снижение рождаемости завершается стабилизацией репродуктивных ожиданий на уровне двух и менее детей в среднем. Тенденцию к стабилизации обнаружили репродуктивные намерения у русских. В прибалтийской группе женщин обнаружены флюктуации показателей относительно тренда двухдетности. А в многодетной категории женщин выявлены две группы, чьи репродуктивные ожидания оказались выше в целом, чем тринадцать лет назад,— это туркменки и таджички. Объяснить это явление исключительно перекосами в возрастной структуре сравниваемого контингента нельзя, так как даже в возрастах с минимальными размерами ожидаемого числа детей, например у туркменок, репродуктивные ожидания оказались выше (особенно на селе): 633 ребенка в расчете на 100 женщин возраста 20—24 лет в 1985 г. против 627 в среднем по всему контингенту сельских женщин в 1972 г. Скорее

Таблица 2.11

Репродуктивные ожидания у женщин в зависимости от национальной принадлежности

Национальность женщин	Территория		
	Город и село	Город	Село
Русские	200/195	186/186	249/227
Украинки	208/206	190/190	240/233
Белоруски	231/213	203/197	282/256
Узбечки	626/556	500/445	676/605
Казашки	501/421	409/339	536/470
Грузинки	283/267	256/237	312/301
Азербайджанки	489/392	372/332	572/474
Литовки	223/213	203/197	258/253
Молдаванки	262/267	209/218	286/287
Латышки	199/207	180/192	227/238
Киргизки	604/556	486/413	630/604
Таджички	597/615	558/487	622/664
Армянки	342/295	306/276	419/345
Туркменки	593/636	543/517	627/678
Эстонки	218/221	198/204	244/249

Примечание. Составлено по [144]. В числителе — данные 1972 г., в знаменателе — 1985 г.

Таблица 2.12

Частота общения супругов на родном языке в зависимости от типа семьи, % в группе

Тип семьи*	Разговаривают в семье на языке		
	родном	русском	том и другом
Бездетная	3,2	1,4	—
Малодетная	38,7	53,8	58,0
Среднедетная	19,4	36,6	32,0
Многодетная	38,7	8,2	10,0
Среднее фактическое число детей на 100 семей	394	252	282

* К малодетным отнесены семьи, имеющие одного-двоих детей, среднедетным — троих-четверых, многодетным — пятерых и более детей.

всего, фактор возрастных перекосов объясним в применении к таджичкам. Характерно также, что у туркменок, таджичек, казашек и узбечек в возрастных группах сельских женщин 18—19 лет репродуктивные ожидания по величине оказались выше, чем в группах 20—24 лет, а у туркменок — и по сравнению с женщинами 25—29 лет. Однако распределение по возрасту в целом выявило лишь одну тенденцию — убывание величины репродуктивных ожиданий от старших групп женщин к младшим. Исключение опять-таки составили женщины прибалтийской группы и, как ни странно, грузинки, причем и в сельской и в городской местностях. В целом за 1972—1985 гг. по темпам снижения ожидаемого числа детей первенствуют азербайджанки, казашки, армянки, узбечки живущие на селе.

Обратимся к анализу особенностей репродуктивного поведения семей нерусских национальностей на территории Урала и прилегающих районов, прежде всего — представителей коренных национальностей, т. е. этнических общностей, чьи предки когда-то (до колонизации Урала русскими) составляли основу его населения.

Уже был отмечен высокий уровень рождаемости в сельской местности Удмуртии (280 детей в расчете на 100 женщин в 1988—1989 гг.) и Башкирии (302). В целом за период с 1979 по 1989 г. рождаемость снизилась. То же явление отмечено и на прилегающих к Уралу территориях, например в Казахстане. В этом регионе за указанный отрезок времени рождаемость снизилась с 416 до 362 детей в среднем на 100 женщин за всю их жизнь [75].

Проводя на Урале исследование репродуктивного поведения в удмуртских сельских семьях, А. А. Петраков (1972 г.) обратил внимание на то, что в чисто удмуртских семьях мотив «внутреннего желания иметь детей» встречается по сравнению с русскими брачными парами почти в пять раз чаще (38,0 % против 7,5 %) [161, 162]. В уточняющем вопросе о силе такого желания удмуртские пары связали его с рождением второго и третьего ребенка (29,2 % против 12,0 % у русских). В то же время каждая пятая русская брачная пара решительно не желала такого количества детей. В удмуртской среде число отказывающихся от двух-трехдетной модели семьи не превышало 2 %. Среднедетная ориентация удмуртской сельской семьи долгие годы поддерживала феномен повышенной „удмуртской" рождаемости. В то же время рождаемость в городской местности была одна из самых низких в регионе. Сейчас, по-видимому, можно уже говорить о закате „удмуртской" рождаемости. Напомним, что в 1985 г. среднее число детей, рожденных в сельской местности Удмуртии, превышало таковое даже по Башкирии (339 против 337 детей в расчете на 100 женщин).

А. А. Петраковым [162] подчеркивается, что в удмуртских семьях с детьми как особой ценностью для семьи ассоциируется

в два раза больше ответов, чем в русских семьях (35,8 и 17,0 %); в свою очередь, для русских брачных пар более характерны страх и боязнь остаться вообще без детей (26,0 % против 4,0 % у удмуртов). Наблюдалась также четкая дифференциация идеального (3,4 и 2,5 ребенка), желаемого (3,1 и 2,0), ожидаемого (2,5 и 1,5) числа детей в среднем на брачную пару у удмуртов и русских. Напомним, что, по нашим данным, в сельской местности Челябинской области среднее желаемое число детей у башкир составило на семью 3,4, у татар — 2,7, у русских — 2,5 ребенка.

Рассмотрение репродуктивных намерений в семьях коренных народностей Ямала и Приуралья обнаруживает практически исчезнувший на территории Урала феномен многодетной семьи, переходящей к этапу среднедетности. Как показано ранее, высокими репродуктивными ожиданиями и уровнем детности отличается башкирское село. В целом сельская семья на Урале в подавляющем большинстве завершает переход от норм среднедетности к малодетному образу жизни.

Социологическое исследование проблем коренных народностей, предпринятое в 1988 г. научно-реализационным объединением «Полярная экспедиция газеты «Советская Россия» Института проблем освоения Севера СО АН СССР (Полярэкс), включало блок социально-демографических вопросов. В ходе обследования опрошено 373 человека, из них 38,6 % мужчин. Основная масса опрошенных была представлена ненцами — 74,3 %, ханты составили 4,9, манси — 6,7, коми — 9,4, русские — 3,5 %. По возрастным интервалам совокупность респондентов распределилась достаточно ровно: в группу до 20 лет вошли 9,8 %, 20—24 года — 19,7, 25—29 лет — немногим менее 25, 30—34 лет — 17,4, 35—39 лет — 10, 40—49 лет — 8,7, старше 50 лет — 9,3 % опрошенных.

Цели обследования были связаны с получением материала для коррекции политики освоения богатств и природных ресурсов Севера, экологическими вопросами, проблемами алкоголизации коренного населения, разобщенности семей, последствиями вахтового метода и другими острыми моментами, в частности стагнацией и сокращением численности ряда малых народностей. Обследование охватило территорию Ямало-Ненецкого округа, в том числе Приуральский район.

По данным выборочного обследования, величина коэффициента младенческой смертности достигает 30, а по ряду районов — 37 ‰. Наряду с этими показателями в 1988 г. на территории Ямало-Ненецкого округа, так же как и в Уральском регионе, отмечалось повышение вала рождаемости, что временно приостановило неблагоприятное соотношение общего вала смертности и рождаемости. Негативным фактором явился рост младенческой смертности на фоне растущей рождаемости. В результате с 1985 по 1987 г., например, коэффициент младенче-

ской смертности вырос: в Приуральском районе — с 30,7 до 66,7 ‰, Ямальском — с 19,9 до 42,7, Шурышкарском — с 17,5 до 19,5, Тазовском — с 13,3 до 17,7 ‰. Вместе с тем снизилась младенческая смертность в Лабытнанге, Надыме, Новом Уренгое.

Специалисты отмечают сильное распространение межэтнических браков среди народностей Севера, в частности на территории Ямало-Ненецкого округа — до 25 %. В большинстве это ненецко-русские, коми-ненецкие и коми-русские семьи. К сожалению, по обследованию Полярэкс 1988 г. трудно определить долю межнациональных браков, но характерно следующее: на родном языке в семье говорит только 14 % опрошенных, тогда как на русском — 64 %. Остальные пользуются и тем, и другим.

На момент обследования в четверти семей дети не проживали вместе с родителями. Из них 28,3 % детей уехали на работу в город или поселок, на учебе оказалось 16,7, призваны в ряды армии 18,8, отделились от семьи 27,1, умерли 9,4 %. Тем не менее средний размер семьи опрошенных оказался высоким — 4,5—5,0 человек. Основной тип семьи — малая нуклеарная семья, но многодетная, еще не подверженная малодетности и синдрому одиночества. Семьи из четырех-пяти человек составили 43 %, шести-девяти — более четверти (29,5 %). Доля одиноких в выборке оказалась равной 2 %. По уровню детности и среднему фактическому числу детей отличаются прежде всего семьи, в которых сохранились традиции общения на языке народностей Севера (табл. 2.12).

Переход на русский язык для коренного населения означает утрату норм многодетности, но не гарантирует снижения потерь от младенческой смертности. На момент обследования в ситуации многодетности оказалось столько же семей, сколько было малодетных. Это говорит о разнородности представленных в выборке групп семей. Судя по всему, среднедетность — лишь этап, «проводы» утраченной многодетной культуры, особого уклада жизни. Для того чтобы этот переход не разрушил популяции хантов, манси, селькупов, эвенков, необходимо, чтобы он сопровождался развитием национальной социальной инфраструктуры, укреплением домохозяйства, сохранением норм национальной культуры, а среднедетность считалась бы необходимой и массово стимулируемой. Характерно, что среди приверженцев распространения знаний собственной истории и культуры доля многодетных оказалась в два раза большей, чем у тех, кто склоняется к ассимиляции. У первых среднее число детей составило в расчете на 100 семей 334, во второй группе — 242. По уровню детности и с учетом существующей тенденции младенческой смертности вторая группа семей явно относится к суженному режиму замещения поколений. При «обратном прочтении» — по числу детей — доля выступивших за сохранение

и преемственность норм национальной культуры составила среди однодетных немногим более четверти, тогда как в двухдетной категории — треть, а в семьях с четырьмя-пятью детьми таковых было более половины.

Конечно, к показателю числа детей в семье на момент обследования необходимо относиться осторожно, так как семьи, имеющие, например, одного-двух детей, еще не закончили своего формирования. В этом случае «работает» возрастная функция и важно знать репродуктивную ориентацию опрошенных. Что же касается возраста, то в младших возрастных группах (первой и третьей) среднее число детей в расчете на 100 опрошенных составило 212, увеличиваясь к 25 годам до 265, к 30 — до 309, к 45 достигая 425 и к 50 — 570.

Этап формирования семьи отражается на важности проблем ее жизнедеятельности. Так, в группе однодетных жилищная проблема воспринимается наиболее остро — 96,4 % опрошенных отметили ее значение как основной, у двухдетных семей картина почти такая же (89,6 %), в трехдетной группе острота восприятия снижается, но не слишком (82,4 %). При переходе к многодетному варианту наступает перелом — жилищная проблема в иерархии остальных остается основной, но на ее значение указывают уже только 60,7 % четырехдетных и 58,6 % имеющих пять и более детей. Точно так же изменяется восприятие остроты проблем бытового обслуживания (убывая по группам с 60 до 37,9 %), отдыха (с 63,6 до 27,5 %), культуры и образования (с 64,5 до 25 %). Такое последовательное снижение значимости проблем с нарастанием уровня детности — показатель того, что много- и среднедетная семья лучше адаптирована и вписана в условия Ямала и Северного Урала, нежели культивируемая извне малодетная.

На примере ямальской семьи отчетливо видно, что проблема поддержания или удержания среднедетности в основе своей есть проблема сохранения либо модернизации национального типа домохозяйства. Это проявилось в отношении опрошенных к желаемому типу жилища. Основная часть ориентирована на традиционном жилье, которое можно построить самому и не зависеть от очередности на государственное жилье. Однако на чум ориентировано только 7,1 % опрошенных, тогда как на современное жилище национальной формы — 92,5 %. Нужна новая концепция национального жилища с учетом демографических и региональных особенностей.

Характерно, что среднее число детей в группе предпочитающих чум как тип жилья достигло 456 на 100 семей, у ратующих за передвижной дом — только 300, за несколько домов на маршруте — 322. Среди семей, проживающих в настоящее время в чуме, малодетных оказалось лишь 14,8 %, тогда как среди не проживающих — 57,3 %. В свою очередь, многодетными были в первой группе 40,7 %, в другой — 9 %, причем бездетными

оказались в выборке исключительно те, кто не жил в чуме. В целом среднее число детей в группе семей, живущих в чуме, составило 489 в расчете на 100 опрошенных, у проживающих в «коммуналках» — 172, у не имеющих своего жилья — 194, проживающих в квартирах и своем доме — 275. Среди малодетной группы семей доля проживающих на момент обследования в чуме ничтожна — 3,4 %, тогда как в среднедетной группе таковых уже 15,8, а среди многодетных — 37,9 %.

Традиции многодетности лежат и в основе потребности в жилище. Этот, казалось бы, очевидный факт на самом деле давно нуждается в детальной разработке. При рассмотрении в шкале мало- многодетности он приобретает интересный аспект. Так, среднее желаемое количество комнат в группах одно-, двух- и трехдетных семей, к удивлению, оказалось одинаковым и составило всего 3,5, тогда как у четырехдетных и более — 4,3. Видно также, насколько приучен к аскетичности в отношении жилья наш потребитель.

Повышенным уровнем детности и репродуктивных ожиданий отличаются занятые традиционными видами деятельности (художественными промыслами, оленеводством) — 390—398 детей в расчете на 100 семей при уровне ожидаемого 420. Показательно, что именно данная категория опрошенных оказалась наиболее удовлетворенной тем, как она реализует свое свободное время.

Желание иметь много детей в конце концов сильнее и как мотив, и как норма жизни по сравнению с трудностями жилищно-бытового плана и даже при ухудшающемся здоровье. Так, в группе считающих себя практически здоровыми среднее число детей в расчете на 100 опрошенных составило всего 242 ребенка, среди иногда болеющих таковых уже 278, у имеющих хроническое заболевания — 353, имеющих инвалидность — 433. Понятно, что здесь за самооценками здоровья кроется функция возраста.

Статистика показывает, что доля кочующего населения в численности коренных народностей Севера достигает трети, при этом женщин среди кочующих — 57,2 %, а доля трудоспособного возраста ниже обычной, но не намного — 52 %.

В стационарных жилищах коренных народностей средний размер семьи — один из самых высоких в выборке. Дело в том, что на семьи кочующего населения влияет практика отчуждения детей — их обособленного обучения в интернатах. В целом в каждой четвертой семье дети (либо один из детей) не живут по тем или иным причинам с родителями. В однодетной группе таких семей — 40 %, в двухдетной — 29,8, в трехдетной — 16,4, в четырехдетной — 7,5, среди тех, кто имеет пять и более детей,— 1,5 %. Именно поэтому средний порядковый номер ребенка, не живущего в семье,— «второй», это малая величина. Интернаты посещают 45,8 % из однодетных семей, 30,5 — из

двухдетных, 16,9 % — из трехдетных. В собственно многодетной семье это явление редкое, поскольку такая семья — самообучающая и воспитывающая ячейка, способная эффективно сохранять и воспроизводить элементы национальной культуры. Проще говоря, многодетная семья — сама себе интернат.

В ходе обследования сделано весьма неприятное «открытие», значение которого следует осмыслить всесторонне. Оказалось, что психологии алкоголизации на сегодня более всего подвержено именно многодетное население коренных народностей Севера. Сам этот факт выразился в «питейных» установках групп опрошенных с различными числом детей в семье и уровнем репродуктивных ожиданий. Произошла поляризация мало- и многодетных по установкам на употребление алкоголя и на отказ от него вообще, при этом среднедетные заняли подобающее им промежуточное место. Так, малодетные считают допустимым употребление алкоголя каждый день только в трех случаях из ста, среди среднедетных таких уже 13,5 %, а среди многодетных — каждый пятый. Одинакового мнения и согласия все группы семей достигли в том, чтобы употреблять алкоголь один-два раза в месяц. В установках на трезвость первенствовали малодетные семьи, из них 38,5 % сочли употребление алкоголя недопустимым. В группе среднедетных таковых 24,7 %, многодетных — 24 %. В группе «каждодневного пития» среднее фактическое и ожидаемое число детей оказалось максимальным и составило соответственно в расчете на 100 опрошенных 410 и 655. Фактически реализовано от намеченных репродуктивных планов 62,6 %. Это значит, что в каждой пятой многодетной семье у родителей с психологией законченных алкоголиков должно появиться еще двое детей.

Вместе с тем полученные данные опровергают суждение о том, что «все многодетные семьи — семьи алкоголиков», тезис, особенно распространенный в городской среде, к которому нередко добавляют упрек в криминогенности многодетных семей. На наш взгляд, на ситуацию необходимо смотреть с другой стороны. В данном случае у коренных народностей Севера многодетная культура как явление нежелательное и не вписываемое в структуру современного общества выступает объектом изживания и спаивания, хотя в принципе «алкогольный фон» достаточно высок во всех типах семей. Чудовищен сам факт совмещения максималистских установок на многодетность с каждодневным употреблением спиртного.

Обратимся к репродуктивным намерениям и желаемому числу детей.

В ходе обследования установлен факт высокой потребности семьи в детях. Проявилась редкая для Урала возможность соотнести ожидаемое и желаемое число детей высоких очередностей рождения. При намерении семей иметь, например, одного ребенка желаемое число достигало в расчете на 100 семей 200,

при ориентации на двух детей — 258, в группе семей, ожидающих третьего ребенка, желаемое число детей находилось в пределах 350 в расчете на 100 опрошенных, при ориентации на четырех — 415, на пять — 535, в небольшой группе ожидающих, что в их семье будет шесть детей, их желаемое число достигало 700 в расчете на 100 опрошенных. Как видно, определенная часть потребности в детях остается в силу жизненных обстоятельств нереализованной. В данном случае речь идет не только о стесненных жилищно-бытовых условиях семьи, но и о высокой доле разлук.

Что касается ссылок на нехватку мест в детских дошкольных учреждениях, то по статистике на начало 1988 г. в Ямало-Ненецком автономном округе доля детей дошкольного возраста в численности народностей Севера, ведущих кочевой образ жизни, составила 21,1 %. Доля этих детей в детских дошкольных учреждениях составила всего 3,0 % от общего числа находящихся там детей. Всего детей коренных народностей среди дошкольников оказалось только 10,4 %.

Обработка полученных данных на ЭВМ позволила провести кластерный анализ. В один кластер вместе с дисперсией желаемого числа детей в семье вошли следующие факторы: уровень образования опрошенных, число членов семьи, национальность матери, численность живущих в жилище, занятия выделкой шкур и пушнины и экологический фактор. В отличие от желаемого ожидаемое число детей вошло в один кластер с такими признаками, как национальная принадлежность опрошенных, ориентация на традиционное жилье и установку чума. Кластер фактического числа детей рационально подобранных признаков не показал.

Не удивительно, что ожидаемое и желаемое число детей заметно изменялось в зависимости от признака национальной принадлежности. В расчете на 100 семей ожидаемое и желаемое число детей составило: у ненцев соответственно 351 и 443, хантов — 363 и 370, манси — 289 и 311, коми 262 и 300, русских — 213 и 256 детей. Обращают на себя внимание низкие репродуктивные ожидания манси и коми. Похоже, что существует некая психологическая предрасположенность этих групп к депопуляции. Ожидаемое число детей у русских оказалось обычным для сельской местности и влияния этносов с высокими репродуктивными нормами и установками. Демографическая проблема манси и коми, по-видимому, в том, что их «заставили» перейти к малодетности раньше исторического срока, т. е. смертность не подстроилась еще к снижению рождаемости. Собственно, высокой остается детность только у ненцев и хантов. Эти группы и формируют общую для выборки картину репродуктивных притязаний. В результате «модой» в ряду ожидаемых детей являются третьи дети. «Мода» на третьего превалирует в группе однодетных — 34,3 % всех семей, имеющих одного ребенка, намерены иметь троих. Точно такое же положение в группе семей с двумя детьми. Естественно, что «мода» на третьего ребенка доминирует в трехдетной группе. Даже в семьях с четырьмя детьми, несмотря на некоторое смещение ожидаемого числа детей на четвертого ребенка, ярко выражено предпочтение третьему. Эта устойчивая «мода» на третьего говорит о том, что основная масса семей в выборке ориентирована на среднедетность. В целом по выборке среднее ожидаемое число детей в расчете на 100 опрошенных составило 359 при фактическом 280 и желаемом 425 на 100 пар. Но в дисперсии желаемого числа детей предпочтительным вновь оказался вариант трехдетности — 32,6 %.

Характерно, что чем выше уровни достигнутой детности, тем ближе друг к другу желаемое и ожидаемое число детей — потребность в детях насыщается:

Тип семьи	Число детей в расчете на 100 семей	
	Ожидаемое	Желаемое
Однодетные	317	428
Двухдетные	321	379
Трехдетные	375	424
Четырехдетные	450	580

Заметное влияние на ожидаемое число детей оказывает уровень образования, однако не настолько, чтобы оно было решающим. Следует также учесть, что образовательный ценз многодетной семьи, особенно живущей в условиях традиционного уклада, качественно отличается от городского варианта. В группе респондентов, не имеющих образования либо имеющих его в пределах шестилетки, среднее ожидаемое число детей на 100 опрошенных составило 485, в группе с неполным средним образованием — 353, закончивших систему ПТУ и ТУ — 338, в группе со средним общим образованием — 377 и, наконец, у тех, кто достиг уровня незаконченного и законченного высшего образования,— 300. Видно, что норма детности доминирует над образовательным фактором, но связь репродуктивных ожиданий с уровнем образования — обратная. Обратную зависимость с репродуктивными намерениями обнаружил также и желаемый образовательный уровень детского поколения.

Среднее фактическое и ожидаемое число детей составило в группе родителей, считающих необходимым для своих сыновей и дочерей образование не выше восьми классов, 455 и 438 в расчете на 100 опрошенных, в случае, когда родители были ориентированы на десять классов,— 357 и 360 соответственно, ТУ и ПТУ — 255 и 382 и у считавших необходимым для детей высшее образование — 206 и 323. В этом факте отчетливо видна трансляция родителями норм своего либо престижного уровня образования на своих детей. Но ожидаемое их число тем мень-

ше, чем более высокий образовательный статус им предназначается. Кстати, заметно, что наиболее образованная группа опрошенных сильнее затрудняется в реализации своих планов. Это связано с ростом внесемейной ориентации родителей и трудностями в реализации традиционно высоких репродуктивных намерений в изменившихся под влиянием урбанизации условиях жизни. Ориентируют своих детей на получение высшего образования 48,2 % однодетных семей, двухдетных — 44,5, трехдетных — 36,7, в семьях с четырьмя детьми — 10, с пятью и более детьми — 7,1 %. Естественно, что мало кто из родителей всерьез намерен обеспечить высшее образование всем трем или более того — пяти детям. Многодетные в основном ориентируют своих детей на привычный сегодня стандарт — 10—11 классов и профтехобразование — 78,6 %. Ограничиться начальным образованием согласны лишь 14,3 % родителей.

Судя по полученным данным, для модернизации традиционного уклада жизни ненцев, хантов, манси и селькупов лучше всего ориентироваться на норму среднедетности. Она вполне коррелирует с получением профессионально-технического образования, реконструкцией традиционного образа жилища и домохозяйства, с политикой консолидации семьи, решением экологической проблемы, сохранением и воспроизводством численности коренных народов Севера.

После опроса в 1988 г. жителей районного центра Яр-Сале и поселков Панаевского и Белоярского Ямальского и Приуральского районов проведено обследование северных народностей в Ямало-Ненецкой автономии в поселках Ныда, Нора и Кутопьюгане в 1990 г. Были расширены эмпирические источники обследования и получены новые важные результаты. В частности, удалось установить вновь после «алтайского» обследования характер зависимости между степенью удовлетворенности жизнью и размерами репродуктивных ожиданий. С помощью книг похозяйственного учета был установлен семейный состав опрошенных по возрасту главы семьи и однонациональным средам.

На величину фактического числа детей в национальных группах семей, несомненно, повлиял возраст опрошенных. Если у русских молодежная группа не превысила и трети (29,4 %), то у ненцев и коми составила больше половины (58,8 и 54,4 % соответственно). В традиционные виды деятельности у коми был вовлечен лишь каждый седьмой из опрошенных, у ненцев — каждая третья семья. Средний размер семьи опрошенных составил у хантов 6,3 человека, коми — 5, ненцев — 4,6, у русских — 4 человека.

Среднее число детей, проживающих в семьях, составило у ненцев в расчете на 100 опрошенных 285, коми — 282, русских — 232. Сама по себе эта информация недостаточна, важнее было выявить репродуктивную ориентацию. В этих целях

заданы вопросы: «Если Вы достаточны молоды, то сколько всего детей собираетесь иметь?» и «Сколько детей Вы хотели бы иметь, если бы для этого у Вас были все необходимые условия?» И хотя больших расхождений с полученным ранее материалом не оказалось, в целом обследованный массив имел меньший уровень желаемого и ожидаемого числа детей по сравнению с 1988 г. Кроме того, ожидаемое число детей в молодых семьях ненцев и коми оказалось меньше среднего фактического. Это наводит на мысль о желании ограничить число детей, но этому, видимо, мешает невозможность эффективно планировать процесс формирования семьи. Кроме того, довольно большое число ненцев и коми (от четверти до 14,5 % опрошенных) не смогли ответить на вопрос о числе детей, которых они собираются иметь. Очевидно, что в этой группе «спрятались» также те, кто считает, что иметь детей они будут столько, сколько возможно. Среднее ожидаемое число детей в целом по выборке за счет русской группы оказалось невысоким — 193 ребенка на 100 пар. Причина занижения репродуктивных ожиданий в этом случае — возраст. Так, 22,2 % русских считают себя старыми для рождения детей, тогда как у ненцев таковых не более 6 %. Имеет место также разное отношение к репродуктивному возрасту: для русских 30 лет — это уже ощутимый предел в рождении желаемого числа детей, тогда как у ненцев и коми — нет. Бросается в глаза и установка на бездетность. У русских 37,4 % не намерены иметь детей (ни одного ребенка), у сильно ассимилированных в данной выборке коми таковых уже 23,6 %, у «консолидированных» ненцев — 13,6 %.

Коми ближе других оказались к русским семьям по размеру репродуктивных ожиданий и демографическому поведению. Это подтверждается второй серией обследований, а также динамикой суммарных коэффициентов, о чем говорилось ранее. Сопоставим ожидаемое (*А*) и желаемое (*Б*) число детей с национальностью респондента (расчет на 100 брачных пар):

	А		Б	
	1988 г.	1990 г.	1988 г.	1990 г.
Ненцы . .	351	248	443	396
Ханты . . .	363	286	370	383
Манси . . .	289	Нет свед.	311	Нет свед.
Коми . . .	262	228	300	300
Русские . .	213	133	256	242

Если желаемое число детей мало изменилось, то спад ожидаемого налицо, хотя локальность обследования не позволяет сделать больших выводов, например, о волне отсроченных рождений в связи со срывом перестроечных процессов. Ожидания находились в данном случае под влиянием психологического эффекта неоправданных надежд и разочарований в жизненных

планах. Но все это не в одинаковой степени отразилось на репродуктивных ожиданиях в различных однонациональных средах. Так, у русских намерена иметь еще детей восьмая часть опрошенных, у коми — четвертая, у ненцев — третья. Неудовлетворенность жизнью, рост младенческой смертности, неослабевающая алкоголизация населения могут ударить прежде всего по тем малым популяциям коренного населения, которые при относительно высоком общем уровне смертности и низкой продолжительности жизни заметно снизили репродуктивные ориентации, адаптируя их к русскоязычному большинству. В этом случае возникает реальная угроза депопуляции, резко увеличивается разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей, усиливаются дискомфортные переживания личности. Характерно, что в отличие от планируемой бездетности нежелание иметь детей вообще наиболее высоким оказалось не у русских (9,2 % опрошенных), а у коми и хантов (13 и 15 %), в то время как у консолидированного ненецкого населения доля таковых была минимальной — 5,6 %.

Выскажем некоторые соображения о механизме воздействия неблагоприятных внешних условий на репродуктивное поведение семьи и личности. В обстановке экономического и социально-политического кризиса репродуктивное поведение малодетных семей зависит от возможности реализации желаемого числа детей. Последнее прежде всего находится под влиянием социально-психологического тонуса населения, что выражается в мнениях и оценках удовлетворенности не какой-то отдельной стороной бытия человека, а жизненными условиями в целом. На Севере удовлетворенность жизнью приобретает сугубо региональный характер, зависящий от локальной среды и ее составляющих. В нашем случае понижающий эффект неудовлетворенности своим существованием распространился и на массив среднедетных семей ненцев и коми. Чем глубже чувство неудовлетворенности, тем больше это скажется на изменении календаря рождений в семьях, тем большее число рождений будет отсрочено.

Эмпирический материал обнаруживает в целом обычный для демографии набор парадоксов, когда оценки материального благосостояния и удовлетворенности жизнью оказывают прямо противоположное влияние на изменение репродуктивных ожиданий и желаемое число детей в семьях (табл. 2.13).

В программу социологического обследования алтайской семьи в районе р. Катунь, проведенного под руководством Т. И. Светловой (НРО Полярэкс) в 1989 г. по инициативе автора были включены индикаторы репродуктивной мотивации. В ходе обследования опрошено 359 мужчин и 662 женщины. В возрастном разрезе опрошенные распределились так: в группе до 20 лет — 6,4 %, 20—24 лет — 11,3, 25—29 лет — 18,5, 30—40 лет — 28,5, 40—50 лет — 12,6 %, остальные лица были

Таблица 2.13

Динамика ожидаемого и желаемого числа детей в зависимости от оценок материального благополучия семьи и удовлетворенности жизнью, % в группе

Ожидаемое число детей	Оценка материального положения			Удовлетворенность жизнью		
	Неудовлетворительное	Не вполне удовлетворительное	Хорошее	Не удовлетворен	И да, и нет	Удовлетворен
Ни одного	18	28	30	25	28	26
Один	7	9	—	6	9	7
Двое	28	18	34	34	21	11
Трое	18	17	13	10	18	26
Четверо	1	9	10	5	6	7
Пятеро и более	11	7	2	6	10	7
Не знаю	17	12	11	15	8	17
В среднем на 100 опрошенных	227	196	181	185	202	208
Среднее желаемое число детей на 100 опрошенных	302	290	283	269	293	301
Число опрошенных	72	130	47	87	96	46

Таблица 2.14

Показатели уровня среднедушевого дохода (в числителе, руб.) и обеспеченности жилой площадью (в знаменателе, кв. метры) на человека в семье, 1989 г.

Тип семьи	Тип поселения		
	Крупные урбанизированные села		Национальные села (алтайцы)
	Русские	Алтайцы	
Одиночки	146/20	95/15	93/31
Брачная пара без детей	136/13	86/13	90/14
Малодетная	81/10	61/7	49/11
Среднедетная	61/7	47/8	67/9
Многодетная	38/6,5	24/4,7	46/7

Таблица 2.15

Изменение величины репродуктивных ожиданий в зависимости от степени удовлетворенности жизнью

Удовлетворенность жизнью	Ожидаемое число детей						Среднее число детей на 100 семей
	Ни одного	Один	Двое	Трое	Четверо	Пятеро и более	
Безусловно да . . .	5,1	5,1	28,8	37,3	10,2	13,5	295
И да, и нет	10,0	6,7	39,4	28,6	8,6	6,7	242
Безусловно нет . . .	6,6	14,5	46,1	19,7	5,3	7,8	230

в возрасте старше 50 лет. Из характеристики выборочной совокупности следует отметить, что основная масса опрошенных (94,6 %) проживала в семьях нуклеарного типа. В больших семьях — родственных коллективах — проживал лишь каждый четвертый из опрошенных, доля неполных семей крайне мала — не более 3 %.

Среди брачных пар бездетной на момент обследования была каждая восьмая семья (к детям отнесено население до трудоспособного возраста), более половины семей — малодетные, среднедетных брачных пар (имеющих трех-четырех детей) оказалось 23,0 %, имеющих пять и более детей — только десятая часть. В рассмотренной популяции среднее число детей на 100 брачных пар составило 230, а в расчете на «детных» — 261, что обеспечивает только простое замещение поколений, но не более того. Однако это благополучие мнимое, поскольку обследование выявило заметную тенденцию сокращения репродуктивных ожиданий алтайцев на фоне относительно высокой младенческой смертности.

Характерно, что в крупных «индустриализированных» селах и на центральных усадьбах совхозов доля многодетных у алтайцев составила всего 7 % (для сравнения у русских — 2,8 %), в национальных периферийных селах наибольшая группа семей — именно многодетные, их около трети. В первых двух группах ощущается ориентация на малодетность (у русских — 69,1 %, у алтайцев — 50,7 % семей). Неудовлетворенность жизнью в целом по массиву довольно высока — каждый третий из опрошенных дал такую оценку. В то же время удовлетворены «жизнью в настоящее время» 18,8 % и 7,8 % не ответили определенно. Основная группа опрошенных (39,3 %) придерживается в оценке жизни нейтральной позиции: «и да, и нет». Именно в этой группе среднее значение ожидаемого числа детей равно двум. Доля семей с трехдетной ориентацией в этой группе не превышает трети. У лиц с неудовлетворительной оценкой жизни среднее ожидаемое число детей — менее

двух на семью, соответственно ниже доля тех, кто ориентирован на рождение трех и более детей (20,5 против 39,1 % в группе удовлетворенных жизнью). Как видно, размах вариации средних значений невелик, и в основном ответы укладываются в рамки малодетности.

В группе с различной оценкой материального благосостояния семьи обнаруживает свое действие обратная зависимость уровня удовлетворенности материальным обеспечением семьи и ожидаемого числа детей в среднем. Но частота ожидания второго ребенка увеличивается с повышением удовлетворенности материальным уровнем жизни семьи. Зато заметно сокращается ориентация на многодетность. Также ведет себя и вариация среднего желаемого числа детей. С нарастанием степени удовлетворенности жизнью повышается число желаемых детей (с 22 до 40 ответов из ста в своей группе), уменьшается доля нежеланных ни при каких условиях детей (с десятой части до 3 %).

Остается проверить обратную зависимость — насколько число детей само влияет на удовлетворенность тем, как складывается жизнь. В целом по выборке неудовлетворенность жизнью, как уже сказано, испытывают 36 человек из ста, а в группе однодетных таковых — 41 человек, столько же среди двухдетной категории семей. В среднедетных семьях фон неудовлетворенности жизнью ниже — 30 человек из ста. Среднее число детей на момент обследования составило у русских — 190, у алтайцев, живущих в крупных селах урбанизированного типа,— 231, у алтайцев из национальных периферийных сел — 325, соответственно среднее число детей в этих же группах в расчете на тех, кто их имеет, было еще выше и равнялось в той же последовательности по группам 215, 262 и 363. Из этого можно сделать лишь один вывод — алтайская семья находится в процессе перехода к среднедетности, а в крупных смешанных по национальному составу поселениях — к малодетности. Городской образ жизни, проникая на село, несет с собой такие социально-экономические условия, в которых лучшие шансы для выживания и самосохранения имеют малодетные и бездетные семьи (табл. 2.14).

Видно, что существующая структура уровня жизни объективно «против» выживания алтайской многодетной культуры и ее норм. С появлением ребенка и снижением уровня среднедушевого дохода размеры и без того скромного материального достатка сокращаются у многодетных семей в три-четыре раза по сравнению с малодетными и бездетными и семья опускается в два раза ниже установленной обществом «черты бедности». В целом при одном и том же демографическом статусе семьи алтайцев по жизненному уровню уступают семьям русских, но только не в многодетной группе алтайцев, проживающих в периферийных национальных селах. По-видимому, многодетность

в своем оригинальном виде все-таки выгоднее семье, что объясняется укладом жизни, а не числом детей (сыновей или дочерей). Таким образом, алтайские семьи из «глубинки» остаются хранителями норм многодетного образа жизни и территория бассейна Катуни является в этом смысле своеобразным демографическим «заповедником», нуждается в охране и защите государства. Не лишено смысла вложение средств территории в мероприятия по закреплению среднедетного образа жизни, поскольку только он способен предотвратить скатывание на позиции малодетности и сохранить алтайцев как народность. Между тем сокращение числа детей в алтайских семьях продолжается.

В ходе обследования опрашиваемые припоминали, сколько родных сестер и братьев было в их семье (у его — ее родителей). Этот простой вопрос позволяет установить, насколько различаются уровни детности двух смежных поколений. Обнаружено, что поколением ранее многодетность была распространена не менее, чем сейчас, в группе сельских алтайских семей (27,2 %). Интересно, что доля бездетных семей четверть века назад в популяции алтайцев была в два раза меньше, чем сейчас. Доля многодетных составляла 37,0 %, среднедетных — 30,8 %. Таким образом, за поколение доля малодетных семей на территории выросла на 17,8 %, среднедетных — сократилась на 7,8 % и многодетных — уменьшилась на 16,7 %. Следовательно, наиболее динамично изменялись полярные группы — резко увеличилась малодетность и сократилась многодетность. В средних показателях детности это выглядит так: уровень детности в расчете на 100 пар снижается с 407—425 детей до 261. Интересно, что, если в возрастной группе 20—24 лет среднее число сестер и братьев (включая опрошенного) в расчете на 100 родительских пар составило 408 детей, то в группе 60-летних — 475. Следовательно, два поколения назад уровень рождаемости достигал с учетом предполагаемого уровня младенческой и детской смертности восемь-девять детей в среднем на женщину за всю ее жизнь.

В 60-е годы наиболее высокий уровень детности остался в периферийных национальных алтайских селах и достигал, например в селах Каспа, Верх-Апшуяхта, Бешпельтир, 477 детей в расчете на 100 семей, Ороктае и Эдигане — 476. Наиболее прочную ориентацию на нормы многодетности, судя по ответам о числе сестер и братьев, обнаружили те из опрошенных, кто не утратил своего родного языка и связи с традиционной культурой. В родительских семьях тех, кто себя на момент опроса считает алтайцем, владеющим свободно родным языком (умеет писать и читать на нем), среднее число детей составило в расчете на 100 семей 466 (доля многодетных достигала 39,1 %). В группе тех, кто свободно говорит по-алтайски, но не умеет читать и писать на родном языке,— 450 (30 %), у тех, кто понимает, но не умеет изъясняться по-алтайски,— 475 (37,5 %). В группе лиц, не владеющих родным языком, и уровень детности старших поколений был меньше — всего 424 ребенка в расчете на 100 семей (23,2 % многодетных), наконец, в группе не считающих себя алтайцами число детей в среднем составило всего 367 (18,5 % многодетных семей). Таким образом, чем меньше приверженность к родному языку, тем слабее выражены традиции многодетного образа жизни.

Следует, помимо всего прочего, обратить внимание на семью как тип домохозяйства. В выборке 48,5 % семей живут в своем доме, 68,3 % содержат домашний скот, 81,4 % опрошенных имеют личное подсобное хозяйство, 96,0 % выращивают картофель и другие овощи. Домохозяйство традиционного типа — основная база традиционных норм детности. Зная уровень детности прошлых и настоящих поколений семей, интересно сопоставить их с ожидаемыми параметрами детности.

Вопрос об ожидаемом числе детей в этом обследовании был поставлен в оригинальной форме: «Если Вы еще достаточно молоды, то сколько детей собираетесь иметь (включая родившихся)?» В результате появилась возможность определить, как та или иная возрастная группа оценивает свои репродуктивные возможности. В группе лиц до 20 лет считают себя достаточно молодыми для того, чтобы иметь еще детей, две трети опрошенных, в возрасте 20—24 лет — 83,6 %, примерно такое же количество — в следующей группе. В ответах остальных из числа наиболее детородного возраста, по-видимому, сказалось влияние бесплодия, разлук и затруднений с вопросом об ожидаемом числе детей как о чем-то нескромном. В 30—40 лет полагают, что могут еще рассчитывать на дополнительное число детей в семье, уже только 58,0 %, в возрасте 40—50 лет — только 15,4 %. Даже в старшей возрастной группе на рождение детей претендовало 6,7 % опрошенных.

Расчеты среднего ожидаемого числа детей обнаружили его близость к среднему фактическому их числу (246 детей на 100 семей). По мнению мужчин, ожидаемое число детей, как обычно, оказалось выше (272) по сравнению с мнением женщин (233). В молодежной группе до 20 лет среднее ожидаемое число детей составило 215, в группе 25—29 лет выросло до 220 на 100 пар, 30—40 лет — 245 и у лиц старше 50 лет — 257. Снижение репродуктивных ожиданий в молодых поколениях налицо, достаточно сказать, что доля собирающихся иметь пять и более детей сократилась в сравниваемых группах с трети у старших до 4,3 % у самых младших. Основная ориентация в репродуктивных ожиданиях сместилась на третьего ребенка. Во всяком случае, доля планирующих его появление увеличилась с 8,7 до 54,3 %.

Как и фактические уровни детности, репродуктивные ожидания алтайцев заметно выше, нежели русских, и зависят от

степени приверженности к национальной культуре и языку. В группе алтайцев, свободно владеющих родным языком, читающих и пишущих на нем, ожидаемое число детей составило 268 в расчете на 100 пар, доля намеревающихся иметь трех и более детей достигла 51,6 %; в группе алтайцев, владеющих языком, но не умеющих писать и читать, размеры ожидаемого числа детей оказались самыми высокими — 277 (доля ожидающих трех и более детей — 62,9 %). У тех, кто утратил навыки общения на родном языке, но понимает по-алтайски, размеры репродуктивных ожиданий более скромные — всего 237 детей в расчете на 100 опрошенных (44,9 % ориентирующихся на трех и более детей). У некоренного населения ожидаемое число детей в среднем составило 246 на 100 семей. Самые низкие репродуктивные ожидания были, однако, обнаружены в группе алтайцев, утративших связь с родным языком. Среднее ожидаемое число детей в этом случае достигло всего 217, т. е. меньше, чем у русских.

Ожидаемое число детей как социологический показатель обладает определенной прогностической силой — намерения в большинстве своем будут реализованы. В целом малодетность охватит около 40 % алтайских семей, практически столько же ориентированы на третьего и четвертого ребенка, а на многодетность — 11—12 % семей.

Наиболее высокие уровни ожидаемого числа детей характерны для национальных сел и традиционных ареалов расселения алтайцев (283—275 детей в расчете на 100 семей), тогда как в урбанизированных зонах и смешанных по национальному составу селах ожидаемое число заведомо меньше уровня простого замещения поколений и составляет 237—222 ребенка в расчете на 100 семей.

Ожидаемое число детей как индикатор чутко реагирует на изменение жизненных обстоятельств и удовлетворенности жизнью вообще. Последнее предположение удалось эмпирически проверить. Было установлено, что, чем выше степень удовлетворенности жизнью, тем более высок уровень ожидаемого числа детей, что, по-видимому, объясняет и реакцию на удовлетворенность браком. Полученные данные, кроме того, свидетельствуют о том, что размеры детности, ассоциирующиеся с удовлетворенностью жизнью, укладываются в рамки среднедетности. Трое детей — одобряемая норма успешной жизни (табл. 2.15).

Ожидаемое число детей — результат согласования потребности в детях с условиями ее реализации. Симптоматично, что желаемое число детей в группах с различным уровнем (степенью) удовлетворенности жизнью оказалось в принципе одинаковым. При всех условиях хотели бы иметь в расчете на 100 семей в группе удовлетворенных ходом жизни 327 детей, неудовлетворенных немногим меньше — 310. Если мода ожидаемого числа детей в большинстве поселений смещена на второго, то желаемого — на третьего ребенка (35—37 %). В целом желаемое число детей в выборке составило всего 305 в расчете на 100 опрошенных, а это означает, что в недалеком будущем желаемым повсеместно станет двухдетный вариант развития семьи. Пока же за него 31,0 % опрошенных, а за трехдетность — 38,2 %. Интересно, что 2,6 % опрошенных ни при каких условиях (20 человек) не хотели бы иметь детей.

В том случае, когда опрошенные желают иметь малодетную семью, доля ориентирующихся на многодетные установки равна нулю, а среднее ожидаемое число детей в этой группе составляет всего 173 в расчете на 100 опрошенных; в случае желаемой среднедетности доля собирающихся иметь пять и более детей равна всего 1,6 %, а среднее ожидаемое число — 266; в группе желающих быть многодетными намерены в действительности иметь пять и более детей 55,7 %, а среднее ожидаемое число достигает 401 на 100 семей. Таким образом, существует довольно заметный разрыв в желаемом и ожидаемом числе детей. В среднем он равен одному ребенку в группе многодетных семей, в малодетной категории исчисляется в десятых долях.

Потребность в детях, судя по всему, зависит от этнотерриториального фактора и уклада жизни внутри семьи. Именно алтайская сельская семья имеет потребность в детях, которая образует «плато» расширенного воспроизводства этноса. Характерно, что в группах алтайцев, утративших связь с родным языком, желаемое число детей находится в пределах черты простого воспроизводства населения на перспективу (262 ребенка на 100 семей), тогда как в остальных социокультурных группах 288—343. Наиболее высокий уровень желаемого числа детей отмечен в селах с преобладанием коренных жителей — 351 ребенок на 100 семей; на рождение пятерых и более детей ориентированы 31,4 % семей в этой группе.

Обращение к мотивации деторождения в группах с разным уровнем желаемого числа детей обнаружило ценности, ассоциирующиеся у респондентов с потребностью в многодетности (табл. 2.16).

Отчетливо видно, что перелом в мотивации деторождения и переход к абсолютному преобладанию психологических ценностей происходит при утрате ценностей многодетности, а не на этапе среднедетности (три-четыре ребенка в семье). Полученные данные подтверждают тот вывод из концепции убывания потребности в детях, что при отмирании многодетной культуры среднедетность представляет собой временный переходный этап демографического развития общества (популяций). Вместе с тем обнаруживается эмпирически, что в многодетной культуре социально-экономические ценности деторождения сбалансированы и согласованы с ценностями социально-психологическими, в то время как в малодетных сообществах такой баланс повсеместно

Таблица 2.16

Изменение мотивации деторождения в зависимости от желаемого числа детей, % опрошенных в группе

Индикатор мотивов	Желаемое число детей в группах					
	Один	Двое	Трое	Четверо	Пятеро и более	Затрудняюсь ответить
Сильная любовь к детям	27	30	44	47	46	19
Дети помогут дома и по хозяйству	24	19	22	18	43	17
Рождение ребенка укрепит брак, семью	19	25	25	31	30	11
Дети обеспечивают продолжение рода, фамилии	27	28	27	25	42	17
С детьми интереснее жить, общаться	43	53	60	58	53	14
Дает большую уверенность избежать одиночества в старости	10	21	27	21	26	14
Связано с желанием иметь малыша	8	9	11	10	9	2
Дает надежду на улучшение жилищных условий	—	2	1	4	4	2
Хочу иметь ребенка другого пола	—	3	9	3	4	3
Для материальной обеспеченности в старости	3	6	4	11	12	6
Число опрошенных	37	236	281	72	134	265

Примечание. Цифры округлены. Формулировки индикаторов мотивов приводятся по [10].

утрачивается. По-видимому, вообще нет смысла говорить по контраналогии с малодетностью, что на многодетной стадии преобладали экономические ценности деторождения в семье. В известном смысле это даже отводит упреки в «утилитарности» концепции убывания потребности в детях. Обратимся к конкретному примеру. В алтайском периферийном селе Қаспа в семьях с тремя и более детьми на мотив помощи детей по дому и хозяйству сослалось 47,6 % опрошенных, на продолжение рода и фамилии (социальный мотив) — 59,5 %, на значение материальной помощи от детей в старости — 16,7 %. В то же время на желание иметь малыша указало всего 4,8 %, на любовь к детям — 52,3 %, на потребность в общении с детьми — половина опрошенных. Во-первых, это вновь подтверждает предположение о благоприятном для воспроизводства населения балансе ценностей деторождения, во-вторых, указывает на то, что мотивы чадолюбия — не монополия современной малодетной семьи, они были и в прошлом.

Завершая рассмотрение этнодемографического аспекта репродуктивного поведения, следует отметить важность изучения многодетности как определенного типа культуры, органично вписанного в социальную и природную среду обследуемой территории. Разрушение пространственной организации жизни, перемещение семей в урбанизированные зоны, несомненно, подорвет остатки национальной многодетной культуры.

2.3. ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ СИТУАЦИЯ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПЛАНЫ СУПРУГОВ

Прежде чем говорить о влиянии напряженности в супружеских отношениях на ожидаемое и желаемое число детей в семье, сопоставим по результатам обследований в Челябинской области блоки мотиваций демографического поведения (табл. 2.17).

Виден разительный переход от мотивов-ценностей на добрачной стадии к коррекции образа жизни под влиянием мотивов-ситуаций, т. е. факторов внешней среды. Представленные блоки мотивации, условно говоря, моделируют трансформацию мотивов в своем худшем варианте, т. е. иллюстрируют тенденцию примерно трети семейных судеб (идеалы брака — ценности выбора брачного партнера — мотивация конфликтов — распад брака). Несовпадение ценностей брака с условиями их реализации на практике и настоящим «лицом» супружества и супруга и порождает отказ от данного брака, дезавуирует исходные идеалы и чаще всего формирует установку на отказ от брачной жизни в дальнейшем. Однако для части пар несовпадение идеалов и тяготы брачной жизни становятся хроническим спутником семейной жизни. Судя по всему, в таком состоянии неудовлетворенности браком, но невозможности его прекратить, находится основная часть супругов.

В представленной структуре мотиваций удивляет быстрый рост ссылок на алкоголизм партнера по браку, возникновение фактора вмешательства родителей, хотя очевидно, что таковой действует подспудно и в добрачный период. В целом наблюдается полный диссонанс между мотивацией вступления в брак и потенциальным разводом. Рассогласован с ценностями успешного брака и мотивационный блок выбора брачного партнера.

О контрацептивном поведении молодой семьи на Урале известно немного. По результатам обследования 482 беременностей в Свердловске в 1983 г., проведенного И. П. Мокеровым, даже у женщин в возрасте до 30 лет структура контрацепции имела весьма архаичный вид. В этой группе женщин на момент

Таблица 2.17

Блоки мотиваций демографического поведения молодой семьи

№ ранга	Ценности желаемого образа брака	Выделяемые качества партнера	Основные мотивы	
			ссор	разводов
1	Согласие, лад в семье	Внешняя привлекательность	Плохие жилищные условия	Алкоголизм супруга
2	Взаимная любовь	Подтянутость, опрятность, следование моде	Несовпадение взглядов на воспитание	Супружеская неверность
3	Дети	Постоянство	Низкие доходы	Вмешательство родителей
4	Чувство ответственности за семью, близких людей	Уравновешенность	Вмешательство родителей	Утрата чувства любви
5	Общность интересов. взглядов	Легкость в общении, контактность	Недостаточное участие в повседневной домашней работе	Плохие жилищно-бытовые условия
6	Материальное благополучие	Трезвенность	Частые встречи с друзьями, знакомыми	Сексуальные претензии
7	Верность друг другу	Практичность, хозяйственность	Неудобный режим работы супруга(и)	Тяжелый характер супруга(и)
8	Сексуальная гармония	Самостоятельность, независимость	Бесхозяйственность, напрасная трата денег	Необоснованная ревность
9	Хорошие жилищно-бытовые условия	Чувство долга, ответственности	Ревность	Материальные трудности
10	Равноправное распределение домашних работ между супругами	Всесторонние интересы, содержательность духовной жизни	Тяжелый характер супруга (и)	Неравноправное распределение домашних обязанностей
11	Трезвенность супруга	Оптимизм, воля, энергичность	Нежелание иметь еще детей	Нежелание иметь еще детей, невозможность иметь детей
12	Хороший характер супруга(и) и прочие мотивы	Успехи в работе, общественное признание	Нет сведений, прочие мотивы	Расхождение во взглядах на жизнь и прочие мотивы

обследования пользовались механическими контрацептивами (спринцевание, кольцо, колпачок, муж пользовался презервативами) 43,1 %, тогда как в возрасте 30—35 лет — 35,2 %, методом «календаря» соответственно 20,7 и 22,6 % опрошенных, ВМС — 25,9 и 32,2 %, гормональными и химическими препаратами — 5,1—4,8 % (очень небольшая группа молодых женщин), методом прерванного сношения — 5,2 и 4,8 % опрошенных. Если в группах с низким образовательным уровнем (ниже среднего школьного) механическими средствами пользовались только 15,4 %, то в группе с высшим образованием — 44,0, прибегали к «календарю» соответственно 7,7 и 36,0, пользовались ВМС 50 и 16,0, методом прерванного сношения — 23,1 и 4,0 % опрошенных.

Среди обращавшихся к гинекологам женщин не предохранялись вообще 3,9 %, пятая часть женщин до обращения вообще ничего не знала о контрацепции. Из тех, кто знал, получили информацию: от врача — 27,4 %, из литературы — 23,4, от знакомых — 22,6 % и от родителей — десятая часть. Из числа попавших в выборку родами закончилось 89,3 % беременностей, абортом — 10,7, из вторых беременностей на роды пришлось 60 и на аборты 40,0, из третьих — соответственно 55,6 и 44,4, четвертых — 54,7 и 45,3, пятых — 38,5 и 61,5 %, из шестых беременностей только треть закончилась родами. В среднем в группе с низким образовательным статусом на женщину пришлось беременностей — 4,8, родов — 1,1, абортов — 3,7; в группе со средним общим образованием — соответственно 4,0; 2,1 и 1,9; с высшим образованием — 2,1; 1,3 и 0,8.

Эффективные средства контрацепции остаются пока без внимания семьи даже в таком крупном городе, как Екатеринбург. По данным А. В. Калюша (1992 г.), за 1985—1991 гг. в Екатеринбурге наблюдалась тенденция сокращения числа абортов с 44 до 28 тыс. в год. Параллельно росло производство мини-абортов (в 1991 г. таковых было сделано 13,5 тыс.), кроме того, 900 беременностей были прерваны в поздних сроках. А. В. Калюш, проведя выборочные обследования женщин, установил, что почти половина из них не пользуется никакими методами «контроля рождаемости». Те, кто прибегают к контрацепции, делают это с помощью примитивных и архаичных средств (табл. 2.18).

По мнению А. В. Калюша, эффективные гормональные препараты контрацепции оказывают благоприятное воздействие на здоровье женщины. К сожалению, проведенные медиками выборочные обследования содержат мало данных о контрацептивном поведении мужчин.

Проблемы устойчивости брака и рождаемости тесно взаимосвязаны. Напряженность в супружеских отношениях заметно сказывается на желаемом, ожидаемом и идеальном числе детей в семье и в результате — на динамике рождаемости. Обследо-

Таблица 2.18

Структура используемых методов контрацепции в Екатеринбурге, % в группе женщин

№ ранга	Метод контрацепции	Группа женщин по исходу беременности		
		Срочные роды (1000)	Выкидыш (1000)	Преждевременные роды (890)
1	Регулярно не используют контрацептивы	48,1	45,5	57,9
2	Спермициды (спринцевания, свечи, пасты, таблетки, презерватив)	22,9	31,0	21,9
3	Воздержание по методу цикла	25,0	20,9	17,5
4	ВМС	12,2	18,0	15,7
5	Метод прерванного сношения	8,2	8,8	5,8
6	Гормональные препараты	3,8	4,5	4,3

вание показало что для супругов с низкими репродуктивными установками характерна и меньшая ценность детей в семье.

В семьях, где отношения супругов после ссор и конфликтов быстро восстанавливаются, на 100 замужних женщин ожидается 193 ребенка; когда ссоры затягиваются на несколько дней, ожидается 157, а в случаях временного разрыва отношений между супругами — всего 144 ребенка. Все эти величины — ниже нормы простого воспроизводства. С ухудшением супружеских отношений увеличивается доля семей, отказавшихся от рождения не только третьего, но и второго ребенка. Для нестабильных молодых семей характерна ориентация на однодетность. Что же стоит за столь заметным изменением репродуктивных планов?

Прежде всего заметим, что неустойчивость брака мало отражается на потребности супругов в детях. Так, в семьях, где после ссор отношения быстро нормализуются, на 100 женщин желаемыми оказались 242 ребенка; в семьях, где ссоры затягиваются,— 244, где конфликты приводят к временному разрыву отношений — 223 ребенка.

Заметное влияние на восприятие молодыми супругами норм детности и на репродуктивные планы респондентов оказывает характер распределения ролей в семье. Так, 78,8 % опрошенных считают, что к решению иметь ребенка они пришли совместно с супругом(й); всего 0,6 % полагают, что окончательное решение в этом вопросе вынесли родители; 12,9 % респондентов думают, что решающее слово осталось за мужем; 15,6 % признали право окончательного решения в этом случае за женой.

Решение о рождении ребенка в подавляющем большинстве случаев принимается молодыми супругами совместно, и тем чаще, чем меньше напряженность в супружеских отношениях. Например, если замечания супругу при посторонних делаются часто, то доля таких решений составляет 73—76, если нет, то 80—82 %. Многое при этом зависит от степени одобрения образа жизни супруга(и). Когда образ жизни супруга(и) не одобряется по тем или иным причинам со стороны брачного партнера, то среднее ожидаемое число детей составляет 1,89, а доля ожидаемых вторых детей — 67,7 %, трех и более — 10,8 %. Наименьшее число ожидаемых двух и более детей наблюдается в том случае, когда не одобряются усилия супруга(и) по улучшению материального положения семьи (67,2 %) и понимание мужчиной своих обязанностей (69,4 %). Особенно неодобрительно относятся мужья к умению жен планировать расходы (16,8 % мужчин) и организовать отдых и досуг семьи (11,5 %). Наивысшего одобрения со стороны мужчин (82,6 %) и со стороны женщин (91,9 %) заслуживает отношение супруга(и) к своим детям.

Таким образом, в системе взаимных оценок молодых супругов хорошее отношение к детям занимает одно из самых высоких мест. Это еще раз говорит о том, что дети менее всего являются причиной дестабилизации семейных отношений. Наоборот, они больше других страдают от конфликтов и напряженности в отношениях супругов.

При использовании такого показателя стабильности брачных отношений, как оценка супругами успешности своего брака, желаемое число детей осталось практически на одном уровне, тогда как ожидаемое число в семьях, где брак признан удавшимся, составило 202, удовлетворительным — 185, не вполне удачным — только 157 детей (табл. 2.19). Незначительные изменения среднего желаемого числа детей у респондентов, успешность брака которых неодинакова,— свидетельство одинакового уровня потребности в детях, желания личности иметь определенное число детей (или не иметь их вовсе), независимо от материального благосостояния и условий жизни семьи. В данном случае на фоне стабильного желаемого числа детей происходит значительное изменение ожидаемого (планируемого в зависимости от конкретной ситуации). Значит ли это, что дестабилизация брака влияет прежде всего на успешность реализации потребности в детях? Для решения этого вопроса обратимся к анализу мотивов рождаемости в молодой семье.

Степень напряженности в отношениях супругов, социально-психологический климат в семье, уверенность или неуверенность брачных партнеров друг в друге и другие стороны внутрисемейной жизни неизбежно отражаются на оценке брака супругами. Думается, что термины «успешный» или «удачный брак» могут быть синонимом «стабильного брака». Оценка брака в таких

Таблица 2.19

Изменение желаемого (в числителе) и ожидаемого (в знаменателе) числа детей в зависимости от удовлетворенности супругов браком, % от общего числа опрошенных по каждой группе семей

Оценка брака	Число детей в семье			Среднее число детей в расчете на 100 семей
	Один	Двое	Трое и более	
Вполне удачный	0,8/9,2	58,4/79,8	40,8/11,0	248/202
Удовлетворительный	1,3/21,3	66,2/72,7	32,5/6,0	238/185
Не вполне удачный	8,6/53,6	57,1/39,3	34,3/7,1	249/157

Таблица 2.20

Изменение мотивов рождения второго ребенка в зависимости от характера оценки молодыми супругами своего брака, % от общего числа опрошенных по каждой группе семей

Мотив рождения второго ребенка в семье	Оценка брака		
	Вполне удачный	Удовлетворительный	Не вполне удачный
Сильная любовь к детям	24,0	27,7	27,6
Желание быть отцом (матерью)	11,0	6,1	13,8
Желание иметь ребенка другого пола	48,3	66,0	60,0
Укрепление семьи, сближение супругов	24,0	30,0	27,6
Желание воплотить себя в детях	8,2	3,9	—
Повышает авторитет, вызывает уважение	4,4	1,7	—
Продолжение рода, фамилии	16,8	9,1	13,8
С детьми интереснее жить	51,1	47,3	41,6
Уменьшает риск бездетности	16,1	8,6	13,8
Избежать одиночества в старости	16,4	15,2	13,8
Для улучшения жилищных условий	14,7	16,1	14,0
Для укрепления здоровья женщины	2,1	1,3	4,6
Для материальной обеспеченности в старости	1,4	3,0	—
Желание иметь маленького ребенка	15,1	16,9	23,1

терминах имеет обобщающее значение и очень важна для исследования мотивов рождаемости.

Судя по данным табл. 2.20, в семьях, где супружеские отношения не сложились нормально и брак неудачен, на первом месте находится такой мотив рождения второго ребенка, как желание иметь ребенка другого пола (60—66 %), тогда как в семьях, где брак удачен («успешен»), ведущий мотив — интерес к общению с детьми, которое обогащает эмоциональный мир семьи. В целом в нестабильных семьях мотивация к рождению второго ребенка ослаблена. Это проявляется в росте значимости желания иметь малыша, ребенка другого пола, любви к детям, тогда как роль социальных мотивов уменьшается (за исключением желания рождением ребенка укрепить брак). Структура мотивации остается устойчивой для всех типов брака.

Для реализации репродуктивных планов необходимо время. Однако с ростом стажа брачной жизни (в пределах от 0 до 12 лет) наблюдалось заметное сокращение ранее принятых молодыми людьми репродуктивных обязательств. Так, доля ожидаемых детей снизилась в расчете на 100 семей с 207 до 179. Увеличение стажа брачной жизни сказывается на репродуктивной мотивации: растет доля психологических мотивов, т. е. потребность в детях ослабевает.

В значительной степени увеличиваются ссылки на неблагоприятную внутрисемейную ситуацию. При рассмотрении мотивов к рождению следующего (второго) ребенка в семьях, где образ жизни супруга(и) не одобряется, на стремление упрочить брак рождением следующего ребенка указывают 35,4 %, а если образ жизни супруга(и) одобряется,— 27,4 % опрошенных. Среди ограничительных мотивов наряду с ростом, например, числа претензий к респонденту со стороны супруга(и), ссылки на семейные неурядицы возрастают с 13,8 до 43,3 %. Аналогичная картина складывается и при рассмотрении последствий конфликтов и ссор в семье. С увеличением их частоты несколько возрастает значение чисто психологических мотивов рождаемости (например любви к детям), но весьма заметно проявляет себя тенденция к стремлению укрепить (спасти) брак рождением второго ребенка, особенно в семьях, подверженных частым ссорам и тяжело переживающим их последствия, т. е. дети рассматриваются здесь как стабилизирующий фактор. Мотивы отказа от деторождения связаны со ссылками на неудовлетворенность жилищными условиями, причем в нестабильных семьях заметно меньше, чем в крепких. Зато частота ссылок на семейные неурядицы и конфликты больше в четыре раза. Неудовлетворенность жилищными условиями, трудностями в устройстве ребенка в дошкольные учреждения отступает по сравнению с проблемой разрушения супружеских отношений (табл. 2.21).

Это подтверждается при изучении оценок успешности своего брака. В группе семей, где брак признан неудачным, мотивация

Таблица 2.21

Изменение некоторых мотивов рождения и отказа от рождения второго ребенка под влиянием частоты конфликтов и их последствий для молодой семьи, % от общего числа опрошенных по каждой группе семей

Мотив рождения второго ребенка	Группы семей, в которых				
	ссоры супругов имеют место			после конфликтов между супругами	
	несколько раз в неделю (день)	несколько раз в месяц	очень редко	происходит разрыв отношений	отношения быстро восстанавливаются
Сильная любовь к детям	23,6	24,1	30,4	28,9	26,3
Желание быть отцом (матерью)	5,6	9,9	10,1	11,9	9,3
Желание иметь ребенка другого пола	62,4	61,4	50,1	44,6	57,5
Укрепление семьи, сближение супругов	26,4	27,4	24,9	32,4	25,5
Желание воплотить себя в детях	2,3	9,1	4,4	6,8	6,1
Обеспечивает продолжение рода, фамилии	9,6	13,0	13,8	10,4	13,6
С детьми интереснее жить, эмоциональное общение	47,2	42,7	53,8	54,7	48,0
Уменьшает риск бездетности	12,4	13,3	13,4	10,4	13,6
Дает уверенность избежать одиночества в старости	20,8	14,9	14,8	13,7	16,0
Дает надежду на улучшение жилищных условий	23,6	13,7	14,1	15,5	14,8
Желание иметь малыша	14,2	14,1	17,5	13,6	16,0
Мотив отказа от рождения второго ребенка					
Не позволяет состояние здоровья жены	9,2	12,3	10,0	10,6	10,6
Связано с учебой супругов	14,8	3,1	12,0	6,3	9,3
Семейные неурядицы	36,8	16,4	4,0	44,1	11,2
Недостаток денежного дохода семьи	40,4	36,9	38,1	33,7	38,5
Большая занятость на работе	12,8	8,2	10,0	14,6	8,6
Неудовлетворительные жилищные условия	58,8	67,7	58,2	48,3	67,8

Окончание табл. 2.21

Мотив отказа от рождения второго ребенка	Группы семей, в которых				
	ссоры супругов имеют место			после конфликтов между супругами	
	несколько раз в неделю (день)	несколько раз в месяц	очень редко	происходит разрыв отношений	отношения быстро восстанавливаются
Трудности с устройством ребенка в ясли, сад	12,9	24,8	3,32	20,9	23,3
Боязнь появления неполноценного ребенка	1,8	3,1	4,0	4,3	3,3
Резкое увеличение объема домашних дел	12,9	11,3	16,2	12,6	13,3
Дефицит свободного времени	5,7	13,4	14,2	8,3	11,9

деторождения более психологична и ослаблена, нежели у супругов, считающих свой брак удавшимся. Однако в целом структура мотивов различается и в том и в другом случае весьма незначительно, что и объясняет устойчивый уровень желаемого каждым из супругов числа детей (табл. 2.22). Мотивы отказа от рождения следующего ребенка фиксируют в основном факторы, препятствующие реализации уже имеющейся потребности в детях. В данном случае обследование показало, что по мере дестабилизации супружеских отношений ссылки на семейные неурядицы и конфликты резко возрастают и составляют в семьях, где брак признается не вполне удачным, 59,1 % от числа опрошенных, тогда как в семьях, считающих свой брак удачным или удовлетворительным,— всего 4,6 и 15,0 %. Интересно, что среди супругов, негативно оценивших свой брак, ссылки на экономические помехи к деторождению встречаются заметно реже, чем у тех, кто в принципе доволен своим браком. Частота ссылок на недостаточность денежных доходов в группах супругов с более негативными оценками успешности своего брака по сравнению с теми, кто оценил его положительно, уменьшается с 42,8 до 27,6 %; на дефицит мест в детских садах и яслях — с 30,6 до 11,8; на увеличение загруженности домашними делами — с 19,9 до 3,9; на нехватку свободного времени — с 12,2 до 7,8 % от числа опрошенных данной группы. Чем чаще ссылки на плохие супружеские отношения, тем меньше значимость экономических помех деторождению. Доля экономических причин отказа от рождения второго ребенка в молодых семьях, где брак был оценен как успешный, составила 80,3 %, при удовлетворительной оценке брака — 73,6 и в нестабильных

Таблица 2.22

Мотивы отказа от рождения второго ребенка в зависимости от оценки своего брака молодыми супругами, % опрошенных в группе семей

Индикатор мотивов	Группы семей, в которых супруги считают свой брак		
	вполне удачным	удовлетворительным	не вполне удовлетворительным
Неудовлетворительные жилищные условия	53,4	73,3	51,2
Недостаточный денежный доход	42,8	40,4	27,6
Трудности с устройством ребенка в детские сады и ясли	30,6	21,6	11,8
Резкое увеличение домашних дел	19,9	8,5	3,9
Уменьшение свободного времени	12,2	11,3	7,8
Большая занятость на работе	12,2	7,5	11,9
Связано с учебой супругов	10,7	7,5	7,8
Отсутствие помощи со стороны родителей	7,6	6,6	11,8
Не позволяет состояние здоровья мужа	7,6	2,8	3,9
Не позволяет состояние здоровья жены	6,1	15,0	7,9
Болезнь первого ребенка	6,1	4,7	3,9
Трудности воспитания малыша	4,6	7,5	7,9
Боязнь появления неполноценного ребенка	3,1	2,8	7,9
Семейные неурядицы (конфликты)	4,6	15,0	59,1
Среднее желаемое число детей (на 100 пар)	248	238	249
Среднее ожидаемое число детей (на 100 пар)	202	185	157

семьях — 56,1 % от числа ответов, данных каждой группе респондентов. На первое место выходят внутренние и психологические факторы. В иерархии мотивов ограничения рождаемости у супругов, считающих свой брак неудавшимся, ссылки на семейные неурядицы и конфликты на первом месте, тогда как в семьях с удовлетворительным состоянием супружеских отношений — на четвертом, а в семьях, где брак успешен,— только на 12-м месте. Таким образом, ссылки на внутрисемейную ситуацию и напряженность в супружеских отношениях являются

истинным и весьма существенным мотивом ограничения и без того невысокого уровня рождаемости в семьях.

Почему же семейные неурядицы столь сильно влияют на принятие положительного решения относительно рождения второго ребенка в молодой семье? К тому же именно с его появлением часто связываются надежды на укрепление брака. По-видимому, осложнение супружеских отношений затрудняет вынесение совместного решения о рождении следующего ребенка, к тому же репродуктивные устремления мужа и жены могут быть неодинаковыми и носить противоречивый характер. Без совместного репродуктивного выбора реализация индивидуальных решений о рождении ребенка, как правило, обречена на неудачу. Как показало обследование, вопрос о рождении второго ребенка в 80 случаях из ста решается совместно. Лишь 12,7 % респондентов считают, что решающее слово при этом остается за женой и всего 6,5 % — за мужем. Таким образом, для супругов, чей брак оказался неудачным, семейные неурядицы и конфликты становятся основным внутрисемейным фактором, сокращающим индивидуальные репродуктивные ожидания каждого из супругов и потребности данной семейной ячейки в увеличении числа своих членов, но индивидуальные репродуктивные установки и потребность супругов в детях могут быть различными. Их уровень зависит от норм репродуктивного поведения ближайшего социального окружения и установок, приобретенных с детства в период социализации.

Механизм согласования индивидуальных установок родителей на рождение детей детально рассмотрен в книге А. И. Антонова и В. М. Медкова «Второй ребенок» [11]. Разбив супружеские пары на группы с совпавшими «догадками» о предпочитаемом числе детей у друг друга и с разнородной репродуктивной ориентацией, исследователи выявили низкую долю «совпадений» (менее половины) по ожидаемому числу детей и еще меньше — по желаемому. Судя по всему, личность в современном браке остается полным сувереном своего репродуктивного поведения, не доверяя его тайны даже самому близкому человеку. Это прежде всего связано, на наш взгляд, не только с трудностями реализации репродуктивных планов в судьбе каждого человека, но и с особыми линиями демографического поведения мужчин и женщин вообще. Авторы монографии «Второй ребенок» приходят к выводу о случайном характере «догадок» супругов об истинных намерениях в отношении числа детей в своей семье. В основе же «согласований» находится совместный опыт рождения и воспитания детей. В конце концов, рождение первого и появление второго ребенка сплачивают супругов и придают браку смысл [11, с. 152].

Интересно, что А. Б. Синельников в [191] подтверждает этот социологический вывод построением статистической модели на основе метода косвенной стандартизации. Он убедительно (за

исключением ряда вынужденных для упрощения статистики допущений) доказывает сильную зависимость показателей устойчивости брака от числа детей. При этом обращает внимание, что эта зависимость значительно сильнее, нежели влияние устойчивости брака на вероятность рождения ребенка, на что обычно указывают исследователи. А. Б. Синельников отмечает, что специальные коэффициенты разводимости в Средней Азии в 70—80-е годы почти вдвое меньше, чем в России, но при стандартизации их уровень оказывается практически одинаковым [191]. Разводятся главным образом однодетные и бездетные пары. Еще более убедительный материал содержит таблица справочника «Население мира» [144, с. 125—127]. Из нее явствует, что доля бездетных поднимается в различных странах по контингенту разводящихся до двух третей (Румыния, Бельгия, Египет, Италия). В среднем она приближается к половине (СССР, Канада, США, Турция, Югославия и т. д.).

В 1986 г. В. П. Анищенко провел в Ижевске социологическое обследование. На вопрос «Только дети делают жизнь полной смысла и значения» в 405 «мужских» анкетах 79 % дали утвердительный ответ, в женских анкетах (408 ответивших) согласие выразило еще большее количество — 84,6 %. Доля затруднившихся с ответом у мужчин составила 12,8 %, женщины были явно категоричнее — 8,1 % [18].

Таким образом, отношение брак — дети развивается в единстве и представляет комплекс тесно связанных друг с другом ценностей в жизни человека.

Влияние родителей на репродуктивные планы молодежи несомненно, но его нельзя оценить однозначно.

Преемственность норм репродуктивного поведения остается одним из наиболее значимых факторов, определяющих величину ожидаемого и желаемого числа детей в молодой семье. Заметное влияние на репродуктивные планы молодых оказывает число детей в семье родителей мужа (коэффициент линейной корреляции r с ожидаемым числом детей составил 0,847). Влияние преемственности норм детности по линии жены на величину репродуктивных ожиданий супругов еще более сильное ($r=0{,}982$). Чем больше было детей в семье родителей жены, тем выше становилась доля ожидаемых вторых и третьих детей ($r=0{,}831$). Среднее ожидаемое число детей у молодых матерей, которые были в родительской семье единственным ребенком, в расчете на 100 опрошенных составило 192 (доля ожидаемых двух и более детей — 76 %), при наличии в семье родителей двух детей — 195 (82 %), трех — 201 (88,4 %), четырех — 204 (83,7 %), пятерых и более — 212 (89,3 %). Дифференциация среднего желаемого числа детей в зависимости от размеров детности родительской семьи жены была большей ($r=0{,}995$). Чем сильнее тяготела родительская семья к малодетности, тем более определенно проявляется в молодой семье установка на двух детей, и наоборот, доля

трех и более детей среди всех детей, названных желаемыми, последовательно увеличивается с 31,1 до 65,7 %.

По-видимому, на репродуктивные планы молодых семей влияют не столько структура и размер семьи, сколько характер взаимоотношений между поколениями в семье. В зависимости от последнего и проявилась дифференциация желаемого и ожидаемого числа детей. Так, в случае проживания молодых с родителями мужа желаемое число детей составило 255, а с родителями жены — 242, тогда как у отдельно живущих — 261. Ожидаемое число детей в соответствующих группах семей в Златоусте составило 191, 193 и 205, в Магнитогорске — соответственно 188, 182 и 199. Чтобы повысить статистическую достоверность представленных данных, был проведен расчет ожидаемого числа детей в указанных группах семей одновременно для всей совокупности опрошенных в двух городах (табл. 2.23). Как видно, среди молодых супругов, живущих отдельно от родительской семьи, менее всего проявляется намерение ограничиться рамками однодетности и больше тех, кто планирует рождение не только второго, но и третьего ребенка. Интересно, что в небольшой группе семей, живущих без родителей, но с другими родственниками (как правило, с бабушкой), ожидаемое число детей оказалось одним из самых высоких. В таких случаях исключается фактор напряженности в семье из-за плохих взаимоотношений двух брачных пар, но остается в силе фактор помощи родственников в уходе за ребенком. Однако прежде чем делать какие-либо выводы, обратимся к мотивам рождения ребенка в группах молодых семей, которые живут самостоятельно либо совместно с родителями мужа или жены (табл. 2.24).

Иерархия мотивов рождения второго ребенка в двух сравниваемых группах молодых семей оказалась одинаковой, с явным преобладанием значимости психологических мотивов над социально-экономическими. Эти данные полностью соотносятся с теми небольшими расхождениями в желаемом числе детей у групп опрошенных, которые были установлены ранее. Однако в семьях, живущих совместно с родителями и родственниками, психологическая мотивация оказалась ярче выраженной. Это прежде всего относится к таким мотивам, как желание иметь ребенка другого пола и эмоциональное обогащение от общения с детьми ($P \leqslant \leqslant 0{,}05$). Для молодых супругов, проживающих отдельно от родителей и родственников, более характерными оказались мотивы продолжения рода и фамилии, а также надежды, связанные с возможностью улучшить свое жилищное положение с рождением второго ребенка. Интересно, что в этой группе семей частота ссылок на стремление укрепить рождением второго ребенка свой брак оказалась меньшей, чем в молодых семьях, живущих с родителями.

Для выяснения причин, препятствующих реализации потребности молодой семьи во втором ребенке, респондентам был пред-

Таблица 2.23

Величина ожидаемого числа детей в зависимости от того, с кем живут молодые супруги, % опрошенных в группе

Группы молодых семей, живущих	Молодые супруги собираются иметь детей			Число опрошенных	Ожидаемое число детей на 100 семей
	одного	двоих	троих и более		
Отдельно	13,1	72,5	14,4	779	203
С родителями мужа	19,4	72,1	8,5	258	190
С родителями жены	24,5	64,6	10,9	192	181
С другими родственниками	13,2	71,0	15,8	38	208

Таблица 2.24

Мотивы планирования второго ребенка в молодых семьях Магнитогорска, живущих отдельно либо совместно с родителями и родственниками, % опрошенных в каждой группе

Мотив планирования рождения второго ребенка	Молодые супруги, живущие с родителями и родственниками	
	отдельно	совместно
Сильная любовь к детям	25,4	23,4
Желание быть отцом (матерью)	7,3	6,6
Желание иметь ребенка другого пола	44,6	55,7
Укрепляет семью, сближает супругов	19,8	23,0
Желание воплотить себя в детях	4,4	4,9
Повышает авторитет, вызывает уважение	2,0	0,8
Обеспечивает продолжение рода, фамилии	12,5	8,6
С детьми интереснее жить	39,9	45,9
Уменьшает степень риска остаться бездетным(ой)	10,5	7,0
Дает большую уверенность избежать одиночества в старости	13,7	11,5
Дает надежду на улучшение жилищных условий	16,3	13,5
Рекомендовано врачами для укрепления здоровья женщины	2,3	0,8
Для материальной обеспеченности в старости	2,0	—
Стечение обстоятельств	0,3	—
Связано с желанием иметь малыша	14,9	12,7
Число опрошенных	343	244

ложен вопрос: «В том случае, если Вы не планируете в ближайшие пять лет рождение второго ребенка или вообще против его появления в вашей семье, укажите две-три причины или впишите свою». Рассмотрение данных причин в семьях молодых, живущих совместно или отдельно от родственников или родителей, вскрыло довольно характерную картину внутрисемейной ситуации.

На первый план повсеместно вышли мотивы социально-экономического порядка. Но у молодых супругов, живущих отдельно от родителей, более значимой оказалась, по сути дела, одна проблема: высвобождение времени, затрачиваемого на уход и воспитание детей. Отсюда большая неудовлетворенность помощью родителей и родственников, дефицитом мест в детских садах и яслях, прочная зависимость от характера и режима их работы, острая нехватка свободного времени на учебу и досуг. Конечно, отдельно живущим труднее решать вопросы воспитания малыша. Этот фактор негативно отражается на репродуктивных ожиданиях молодой супружеской пары, живущей отдельно, в отличие от молодых семей, проживающих совместно с родителями. Однако у последних, как это видно из табл. 2.25, значительно больше неразрешенных проблем, и первая из них — невозможность самостоятельного проживания отдельно от родителей, т. е. проблема своевременного выделения новой семьи. Отсюда высокая частота ссылок на неудовлетворенность жилищными условиями, на недостаточный денежный доход и в какой-то мере на результаты действия этих факторов — семейные неурядицы и конфликты. Характерно также, что супруги осознают, что с рождением второго ребенка в семье резко увеличится объем домашней работы, которую уже нельзя будет перекладывать в основном на плечи тещи или свекрови, других родственников. Пока не поддается объяснению, почему значимость мотива большой занятости на работе оказалась в группе «сложных» семей более высокой.

Проблема жилья для молодой семьи и ее репродуктивных планов — самая главная. Обследование на УЭТМ в 1981 г. показало, что не хотят иметь еще детей в семье из-за плохих жилищных условий 72,1 и 68,7 % мужчин и женщин в возрасте до 30 лет и 40,8 и 37,3 % — в возрасте 40—44 лет; на нежелание ограничивать свой профессиональный рост в этих двух возрастных категориях сослалось соответственно 14,8—11,5 и 2,0—5,9 % мужчин и женщин, на дефицит свободного времени — 23,0—16,3 и 4,1—7,8 %, на нехватку денежного дохода — 18,0—21,3 и 22,4—9,8 %, на дефицит мест в детских яслях и садиках — 39,3 и 14,3 — 13,7 %, на плохое здоровье — 1,6—4,9 и 8,2 — 17,6 % и, наконец, на возраст в первой группе не сослался никто, а во второй — 20,5 и 29,4 % мужчин и женщин.

Жилищная проблема для молодых семей, живущих с родителями, имеет свою особенность в отличие от тех молодоженов, которым после вступления в брак вообще негде было жить вместе и приходилось снимать жилье. Во-первых, если жилищ-

Таблица 2.25

Мотивы отказа от рождения второго ребенка в молодых семьях Магнитогорска, живущих вместе с родителями и родственниками либо отдельно от них, % опрошенных в группе

Мотив отказа от рождения второго ребенка	Группы семей, живущих с родителями и родственниками	
	отдельно	совместно
Не позволяет состояние здоровья мужа	5,6	4,1
Не позволяет состояние здоровья жены	10,2	12,1
Связано с учебой супругов	12,0	4,8
Семейные неурядицы и конфликты	12,9	15,3
Недостаточный денежный доход семьи	30,6	38,8
Большая занятость на работе	10,2	18,4
Неудовлетворительные жилищные условия	50,9	59,2
Трудности устройства ребенка в детсад, ясли	29,6	15,3
Отсутствие помощи в воспитании ребенка со стороны родителей и родственников	9,3	6,1
Неудовлетворительные условия ухода и воспитания ребенка в детских учреждениях	1,9	—
Боязнь появления неполноценного ребенка	2,8	4,1
Резкое увеличение домашних дел в связи с рождением второго ребенка	9,7	15,3
Болезнь первого ребенка	3,7	6,1
Трудности воспитания маленького ребенка	8,3	4,1
Уменьшение свободного времени	13,0	8,2
Число опрошенных	108	98

Таблица 2.26

Динамика обеспеченности жилой площадью семей трудящихся ВИЗа и УЭТМ в зависимости от числа детей, кв. м/чел.

Год	Наличие детей				Среднее
	Нет детей	Один	Двое	Трое и более	
1957	5,2	4,8	4,4	3,2	4,9
1967	8,7	6,7	5,2	5,2	7,2
1977	10,1	7,8	7,3	7,4	8,6
1985	12,5	10,8	7,3	6,9	11,0

ные трудности мешают новой семье отделиться от родителей, то со временем их острота не только не уменьшается, но и усиливается. При этом на субъективную оценку жилищного положения все больше влияет характер взаимоотношений молодой и родительской семьи, психологический климат в данной жилой ячейке. Плохие отношения наиболее характерны для тех семей, замечает А. Г. Харчев, в которых старшее поколение представлено также супружеской парой [224]. Откладывание решения жилищной проблемы ведет в этом случае к отсрочке рождения второго ребенка «до лучших времен», т. е. к уменьшению в данный момент величины репродуктивных ожиданий, и это более всего проявляется в молодых семьях, живущих с родителями жены, так как в семье появляются две полноправные хозяйки — мать и дочь. Права же невестки всегда были ограниченны. Кроме того, не только субъективно, но и фактически жилищные условия молодых хуже, чем их родителей, и вот почему. Опрос в Магнитогорске выявил порядок размещения спальных мест членов семьи в рамках одной жилой ячейки. В результате было установлено, что в «сложных» семьях на молодого мужа или жену приходится в среднем 5,33 или 5,25 кв. метров жилой площади, тогда как на ребенка — 5,71, а на бабушку или дедушку соответственно 7,06 и 6,68 кв. метров. В модальном выражении получается так, что наибольшее число опрошенных (28,0 и 28,4 %) молодых мужей и жен имеют в среднем до 4 кв. метров жилой площади на человека, а на 30,3 и 30,2 % бабушек и дедушек приходится на человека от 7,1 до 9 кв. метров. Конечно, старшим в жилищном отношении должно отдаваться заслуженное предпочтение, но тем не менее жилищное положение молодой семьи остается стесненным. Совместное проживание обусловливает и высокую частоту вмешательства родителей в дела молодой четы. Но именно этот фактор негативно сказывается на стабильности молодой семьи и ее репродуктивных планах. В частности, обследование в Магнитогорске, кроме традиционных ссылок на такие причины разногласий между молодыми супругами, как неудовлетворительные жилищные условия (47,9 % всех опрошенных) или материальные затруднения (31,2), выявило действие фактора вмешательства родителей (39,3 % опрошенных), причем наибольшую частоту имели ссылки на поведение родителей мужа. Сославшихся на поведение родителей жены было меньше — 21,0 %. Характерно, что среди основных причин, могущих, по мнению опрошенных, быть основанием для развода, ссылки на вмешательство родителей на третьем месте (32,8 % опрошенных) после указаний на злоупотребление алкоголем (79,7) и супружескую неверность (73,3 %). По мере ухудшения супружеских отношений и неудовлетворенности браком было зафиксировано снижение уровня репродуктивных ожиданий в ряде обследований [204, с. 107], в том числе при обследовании в Златоусте и Магнитогорске. В частности, в группе молодых семей,

оценивших свой брак как удачный, ожидаемое число детей на 100 брачных пар составило 202, тогда как у респондентов, считающих свой брак удовлетворительным,— 185, не вполне удовлетворительным — всего 157 детей.

Таким образом, полученных данных достаточно для того, чтобы сделать вывод: вынужденное совместное проживание молодой и родительской семей в большинстве случаев является фактором, негативно влияющим на репродуктивные планы молодых супругов, на реализацию индивидуальных и совместных репродуктивных установок. С другой стороны, чем самостоятельней и автономней жизнедеятельность современной молодой семьи, тем лучше это для нее самой, супружеских взаимоотношений и реализации потребности молодых родителей в детях. Но сама потребность, к сожалению, мала.

К этому выводу следует добавить лишь одно. Общеизвестно, что в настоящее время наиболее оптимальный вариант расселения молодой и родительской семей связан с обзаведением отдельной квартирой (в идеале — своим домом), но с сохранением территориальной близости родительской и молодой семей.

К моменту последнего обследования на ВИЗе и заводе УЭТМ обеспеченность трудящихся жильем составляла в среднем 8,6 кв. метров на члена семьи, около половины семей имели 9 кв. метров и более на человека. При этом по мере увеличения жилой площади среднее число членов семьи неуклонно сокращалось и составило в среднем к концу рассматриваемого периода 3,2:

	1934 г. (ВИЗ)	1967 г. (УЭТМ)	1977 г. (ВИЗ)	1981 г. (УЭТМ)	1985 г. (ВИЗ)
Жилая площадь на семью, кв. м	25,3	25,8	27,6	24,5	35,3
Жилая площадь на одного члена семьи, кв. м	6,5	7,2	8,6	8,6	11,0
Количество комнат на семью	1,4	1,7	2,0	1,9	2,0
Количество человек на одну комнату . .	3,2	2,1	1,6	1,7	1,6
Средний размер семьи .	4,5	3,6	3,2	3,2	3,2

Уровень жилищной обеспеченности трудящихся на заводе УЭТМ ниже, чем на ВИЗе. За 1934—1981 гг. фонд жилой площади средней семьи на ВИЗе увеличился всего на 2,3 кв. м. Если бы размер семейной группы остался на уровне 1934 г., то жилая площадь, приходящаяся на одного члена семьи, составила бы в 1977—1981 гг. не 8,6, а 6,1 кв. м, в 1985 г.— только 8,8 кв. м. Таким образом, рост жилищной обеспеченности до 80-х годов происходил не только за счет жилищного строительства, но и в результате уменьшения среднего размера семьи, т. е. снижения рождаемости. По переписи 1989 г. показатели жилищной обеспе-

нности не улучшились и составили, в частности по Верх-Исетскому району Екатеринбурга, всего 10,3 кв. м жилой площади на человека, с учетом проживающих в общежитиях района.

Наличие детей и увеличение их числа обратно пропорционально росту уровня жилищной обеспеченности семей (табл. 2.26). Приведенные данные свидетельствуют о наличии значительного разрыва в уровне жилищной обеспеченности между семьями, имеющими и не имеющими детей, причем этот разрыв, даже в сравнении бездетных с однодетными семьями, нарастает в динамике: в 1957 г. он составлял 0,4 кв. м, в 1967 г.— 2,0 и в 1985 г. уже 2,3 кв. м жилой площади на члена семьи.

С ростом уровня жилищной обеспеченности членов семей обнаруживается уменьшение размеров репродуктивных ожиданий и среднего фактического числа детей (см. табл. 2.26). Наряду с этим возрастающая внесемейная ориентация под влиянием улучшения жилищной обеспеченности как фактора роста материального благосостояния личности заметно удлиняет сроки между рождением первого и второго ребенка в семье (от 51 до 62 месяцев). Частота появления второго ребенка наиболее высока в группе семей с уровнем жилищной обеспеченности 6—9 кв. м жилой площади на человека в среднем. В этом же интервале отмечаются и наиболее высокие показатели степени реализации репродуктивных ожиданий (94,5—92,8 %).

Об уровне благоустроенности жилищной ячейки семьи свидетельствует тип занимаемого ею жилья. При рассмотрении этого фактора обнаружена обратная связь размера репродуктивных ожиданий с улучшением благоустройства жилого помещения и прямая — с фактическим числом детей в семье (табл. 2.27).

Размах вариации среднего фактического числа детей в семьях с разным типом жилой ячейки в два раза превосходит разницу между минимальными и максимальными значениями уровня детности, дифференцированного по размеру жилой площади в расчете на респондента.

Судя по данным табл. 2.27, уровень детности убывает в семьях с ухудшением жилищных условий. Однако это связано прежде всего с тем, что в наиболее плохих жилищных условиях находятся молодые семьи, вынужденные снимать комнату, жить в коммунальных квартирах и общежитиях. Исключение составляют семьи, живущие в своем доме. Для них характерен самый высокий уровень детности. Это обстоятельство открывает индивидуальному строительству самые надежные перспективы в демографическом развитии семьи и общества.

Завершая рассмотрение характера влияния внутрисемейных отношений на репродуктивное поведение личности, хотелось бы отметить важнейшую концептуальную роль того, что мы называем «межпоколенными отношениями» в семье. Может быть, данный термин в известном смысле не очень удачен, но, обращаясь к характеру отношений (материальных и духовных) меж-

Таблица 2.27

Изменение некоторых параметров репродуктивного поведения семей в зависимости от типа занимаемого ими жилья (УЭТМ, 1981 г.)

Тип жилья	Доля семей, занимающих данный тип жилья с детьми, %			Среднее число детей по мнению опрошенных			Средний временной интервал между рождением первого и второго ребенка, мес.
	одним	двумя	тремя и более	идеальное	ожидаемое	фактическое*	
Отдельная государственная квартира	37,2	55,5	7,3	241	186	171	63
Кооперативная квартира	46,4	53,6	—	227	180	155	82
Свой дом	42,1	44,7	13,2	233	195	182	52
Комната в коммунальной квартире	58,0	40,2	1,8	242	167	149	54
Общежитие	72,4	24,1	3,5	234	214	152	52
Частная квартира	60,0	40,0	—	260	217	157	51
В среднем	43,6	50,4	6,0	239	183	164	64

* Стандартизовано по возрасту респондентов.

ду родительским и детским, старшим и младшим поколениями в семье, мы тем самым обращаемся к историческому аспекту. Это соединение исторического и логического возникает уже на этапе анализа ролей и функций членов семьи, в том числе отношений между мужем и женой, если речь идет о моногамном союзе. Поскольку семью действительно надо рассматривать конкретно, а значит, в развитии, то рано или поздно развивающаяся семейная ячейка в процессе своего формирования «выплескивает» содержание внутригрупповых отношений, в том числе межпоколенных, во внешний мир, как правило, в ближайшее социальное окружение, в ту социальную среду, в которой происходит развитие семьи. В этом заключается, если можно так сказать, «нормотворческая» функция семьи, влияющая на жизненные ценности и установки личности.

Согласно гипотезе Дж. Колдуэлла [243, 244], в случае, если «поток» материальных и культурных ценностей от старшего поколения к младшему превышает «отдачу» (т. е. обратный «поток» ценностей скудеет и уменьшается), то это сказывается на потребности и желании иметь детей. Это положение подтверждается структурой мотивов деторождения — уменьшением значимости социально-экономических ценностей и превалированием социально-психологических мотивов. Для убедительного доказательства этого положения трудно найти аргументы в границах одной страны, поэтому предпринимались попытки сравнения мотивации в

странах с различным уровнем социально-экономического развития и уровня перехода семей от многодетности к малодетности.

При проверке гипотезы на эмпирическом уровне, на наш взгляд, можно достичь достоверных результатов даже при обследовании массива из мало- и среднедетных семей. С такими объектами выборочных обследований исследователь сталкивается постоянно. Для этого сформулируем нашу гипотезу в ином виде: в семьях, различающихся характером взаимопомощи родительской и молодой брачной пары, должны иметь место различия в величине желаемого и ожидаемого числа детей у молодых родителей. Конечно, один из молодых супругов может оказаться из другого семейного круга — с иным характером взаимоотношений между родителями и детьми. Однако нас интересует в итоге вопрос о помощи родительской семье со стороны молодой семьи в момент обследования, а не нормы взаимоотношений с родителями у молодых до брака, поэтому этим обстоятельством можно пренебречь. Кроме того, в рамках молодой семьи под влиянием брачной жизни поведение сына или дочери (имеется в виду молодые отец и мать) по отношению к своим пожилым родителям подвергается коррекции.

В ноябре 1985 г. в совхозах Свердловской области с нашим участием было проведено выборочное пилотажное обследование, в программу которого помимо индикаторов репродуктивного поведения были включены вопросы о межпоколенных отношениях молодой и родительской семьи. В процессе индивидуального опроса было получено 113 добросовестно заполненных анкет. Данные впоследствии введены в ЭВМ ЕС-1045 и обработаны на пакете «Статистика». Тщательное заполнение и обработка анкет пилотажного обследования позволили получить любопытные данные.

В частности, установлена четко выраженная социально-психологическая ориентация на детей в семьях совхозных рабочих, что не удивительно, так как сельское население области практически полностью перешло к нормам малодетности, а средний размер семейной группы на селе равен таковому в городской местности и составляет 3,2 чел. Важно то, что в рамках небольшого пилотажного обследования желаемое и ожидаемое число детей заметно разнятся в зависимости от характера материальных отношений между семьями старших и младших поколений.

В целом по выборке на момент обследования оказывали материальную помощь своим родителям 66 % опрошенных, получали таковую, в свою очередь, 55,8 %. Отметим, что традиции взаимопомощи в городах нарушены заметнее. Так, в Магнитогорске и Златоусте родителям помогает половина опрошенных, а получают помощь две трети молодых семей. Может быть, поэтому на селе еще сохранился феномен повышенной рождаемости. Более глубокое рассмотрение данной проблемы обнаружило, что на селе постоянную помощь родителям оказывали 24,2 % и

получали от них — 28,8 % опрошенных. Не получали родительской помощи 44,2 % семей и не оказывали, в свою очередь, ее родителям — треть молодых семей.

Повозрастное распределение показателей взаимопомощи обнаружило полное иждивенчество молодого поколения вплоть до наступления сорокалетнего возраста. В возрастной группе опрошенных до 30 лет помогают своим родителям 69,2 %, получают помощь от них — 75,9 %. Если в возрасте до 20 лет молодым оказывают помощь 80,0 % родителей, то в группе 20—24 лет — только 55,0 %, в возрасте 25—29 лет — две трети, что, по-видимому, связано с помощью внукам. Затем доля получающих помощь от родителей резко сокращается до трети. С одной стороны, в этом проявляется усиливающаяся экономическая самостоятельность молодых, а с другой — нарастающая частота потери родителей вследствие смерти (каждая десятая молодая семья в возрасте супругов 30—39 лет теряет по этой причине старшее поколение). Это обстоятельство отражается и на помощи детей. Если в группе 20—24 лет ее осуществляют 65,0 %, 25—29 лет — 66,7 % и 30—34 года — две трети, то в следующих возрастных группах доля оказывающих помощь престарелым родителям падает до половины.

Внешне складывается впечатление, что размеры помощи родителям на селе еще велики, а в отдельных возрастных группах даже перекрывают помощь от родителей. В действительности обнаруживается, что помощь детей имеет в основном нерегулярный, а в ряде случаев — чисто символический характер. По форме она еще соответствует традиционному стремлению взрослых детей отдать пожилым родителям «долги», т. е. возместить затраты на себя старшим поколениям и поддержать их материально на склоне лет. Реальные отношения иные. Об этом свидетельствуют размеры постоянной материальной помощи родителям от детей. В группе 16—19-летних постоянно помогает родителям пятая часть детей, 20—24-летних — треть от числа опрошенных, в следующей возрастной группе — пятая часть, а затем — 15,0 %. В тех же возрастных группах постоянную помощь получают от родителей 80; 45; 24,2; 15,7 % молодых соответственно.

Таким образом, масштабы постоянной помощи родителям превышают размеры таковой от родителей лишь в возрастной группе опрошенных 30—34 лет.

Интенсивность материальной помощи родителям отражается на мнении об ожидаемом (в знаменателе) и желаемом (в числителе) числе детей следующим образом (расчет на 100 опрошенных):

Характер помощи	Родители — детям	Дети — родителям
Постоянная . . .	302/236	308/277
Нерегулярная . .	253/196	310/237
Нет помощи . .	305/253	245/216

В том случае, когда помощь родителям оказывается постоянно, респонденты собираются иметь четырех и более детей в 20 случаях из ста, когда помощь осуществляется непостоянно, намерены иметь четырех и более детей 7,2 % опрошенных в группе, а если помощь не оказывается вовсе — только 2,9 %. Доля желаемых детей четвертой и более очередностей падает соответственно с 23—25 до 9,4 %; при этом доля лиц, не желающих иметь детей ни при каких условиях, увеличивается с 4,2 до 9,4 %; те, кто не собирается вообще иметь детей, появляются только в третьей группе и составляют 8,6 %.

В обследовании, проведенном в Мордовской АССР в 1987 г. (489 опрошенных в сельской местности, в том числе 181 мужчина, 308 женщин) и среди 500 респондентов в городской местности (157 мужчин и 343 женщины), предоставилась возможность еще раз проверить гипотезу «межпоколенных» потоков ценностей. В процессе разработки данных фиксировался не только характер помощи по линии «родители — дети», но и мотивы рождаемости. Ведущие мотивы рождаемости в городе и на селе оказались одинаковыми: «дети обогащают духовный мир семьи», «хочу ребенка другого пола», «дети будут помогать по домашнему хозяйству», «хочу малыша». На фоне господства социально-психологических ценностей деторождения выявилась определенная специфика. В группе оказывающих помощь своим родителям более значимой по сравнению с остальными оказалась ориентация на рождение ребенка другого пола (55,5 %), ожидание помощи детей по домашнему хозяйству (35,3 %). В группе не помогающих сильнее выражена эмоционально-психологическая ценность деторождения.

В подвыборке двухдетных сельских семей обнаружено, что в семьях, оказывающих постоянную денежную помощь родителям, а также проживающих вместе с ними, среднее желаемое число детей в расчете на 100 опрошенных составило 328, а ожидаемое — 237. В группе семей, отличающихся нерегулярной помощью родителям, желаемое число детей было заметно меньшим — 284 (ожидаемое — 234). В целом в подвыборке семей желаемое число детей составило 298, ожидаемое — 235. В достаточно многочисленной группе двухдетных сельских семей, не помогающих своим родителям материально, желаемое число детей было на уровне 278, ожидаемое — 226 в расчете на 100 опрошенных. Если в первой группе (помогающих) к желаемой двухдетности склонялось 37,8 %, то во второй (не помогающих родителям) — 42,5 %. Желание иметь третьего ребенка высказывали соответственно 35,4 и 42,5 %, четвертого — 18,3 и 9,2 %, пятого — 8,5 и 5,7 %. Таким образом, наблюдаемый перевес в желаемом числе детей у помогающих своим родителям достигается за счет ориентации на четвертого и пятого ребенка — в целом 26,8 % против 14,9 %. Мотивация рождения четвертого-пятого ребенка отличается интересным феноменом стабилизации частоты ссылок на

Таблица 2.28

Изменение среднего ожидаемого и желаемого числа детей в зависимости от характера помощи молодой семьи родителям

Характер помощи родителям	Число детей на 100 семей	
Постоянная	259/190	282/229
Периодическая	246/193	258/214
Нет помощи	241/191	274/212

Примечание. В числителе — желаемое число, в знаменателе — ожидаемое.

социально-психологические ценности деторождения: «хочу малыша» — 40,9 %, «обогащает духовную жизнь и общение с детьми» — 40,9 %. На фоне этого наблюдается заметное увеличение ссылок на социально-экономические ценности («помощь по дому» — 54,5 % от числа опрошенных в группе). Аналогичные связи установлены в Саранске и Рузаевке в группе помогающих своим родителям постоянно. Здесь и большое желаемое число детей (289 в расчете на 100 семей) и стремление реализовать это намерение (250). Оказывающих помощь от случая к случаю или чисто символически отличают меньшие желаемое число детей (272—270) и высота репродуктивных ожиданий — 210 в расчете на 100 пар. В группе однодетных молодых семей, проживающих как в городе, так и на селе, «эффект Колдуэлла» оказался выражен в очень слабой степени (табл. 2.28). Заметно, что сокращается опять-таки желаемое число детей. Объяснить эту связь следует тем, что срабатывает механизм преемственности отношения к детям. В данном случае систематическое «невозвращение долга» родителям уменьшает желание новых поколений родителей иметь многочисленное потомство.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И СЕМЬИ

3.1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ

Последовательное рассмотрение темы репродуктивного поведения приводит к анализу поведения самосохранительного, которое во многом определяется отношением человека к своей смерти. Однако социально-демографический аспект отношения к смерти и смертности по ряду исторических причин в отечественной демографии до сих пор остается малоизученным. Наибольший вакуум информации ощущается в конкретной социологической информации о самосохранительном поведении.

Представления о смысле и ценности жизни складываются под влиянием всей совокупности жизненных ориентаций и целей личности. Историческая эволюция личностных и групповых ценностей в обществе обусловливает изменение и преобразование ценностей демографического поведения. Предполагается, что блок ценностей по-разному влияет на формирование всех видов демографического поведения и его конкретных линий. Не вдаваясь на данном этапе исследования в рассмотрение взаимосвязей репродуктивного, брачного, самосохранительного поведения личности со структурой основных жизненных ценностей (целей) человека, регулирующих его деятельность, выдвинем достаточно простую рабочую гипотезу исследования. Ее суть сводится к следующему: деятельность по достижению основных жизненных целей (ценностей) определяет отношение индивидуума (группы) к смерти вообще и, в частности, к своей собственной, а также к тем демографическим событиям, которые связаны со смертью и смертностью.

Демография рассматривает понятие смертности, в отличие от конкретных случаев смерти, в качестве статистического процесса. Смертность трактуется в самом общем определении как частота смертных случаев, т. е. демособытий, происходящих в пределах определенного временно́го интервала в рамках всего массива населения либо какой-то его части. Рождаемость и смертность, репродуктивное и самосохранительное поведение личности относятся к процессам и феноменам одного общего целого — процесса воспроизводства населения и замещения поколений. Стати-

стика рождаемости и смертности показывает масштабы воспроизводства населения и результаты демографического поведения составляющих его индивидуумов и групп людей. Поведенческий аспект раскрывает деятельностную, субъективную сторону процесса замещения и смены поколений в обществе.

Демография располагает мощным арсеналом демографической и медицинской статистики смертности (абсолютные и относительные, общие и специальные — повозрастные, стандартизованные коэффициенты смертности по причинам летальных исходов, перинатальной и неонатальной смертности; таблицы дожития; расчеты смертности в реальных когортах, инструменты математического моделирования, имитации, факторный анализ, спектральный и другие методы). Накоплены и собираются колоссальные объемы статистической и культурологической информации о смертности, но этого недостаточно для анализа отношения к смерти и смертности, продолжительности жизни, мотивов и установок, связанных со структурой летальных исходов в обществе, группе, со степенью риска поведения человека.

Известный американский социолог К. Дэвис в своей работе «Социология демографического поведения» [77], переведенной у нас еще в середине 60-х годов, выражал надежды, что в будущем наряду с социологией рождаемости будет развиваться социология смертности. Он отмечал, что социология рождаемости разработана лучше, поскольку, во-первых, мотивации и установки в отношении рождаемости проследить легче, чем отношение к смерти; во-вторых, отношение к смертности, как правило, отрицательное. Отрицательные оценки и негативное отношение затрудняют процесс исследования. К этому следует добавить, что ни один человек не имеет опыта своей смерти, в то время как говорить о мотивах и переживаниях рождения ребенка, вступления в брак, развода, смены места работы вполне естественно [77].

Нередко даже в исследованиях представителей социолого-демографического подхода проблемы социологии смертности предаются забвению. Они как бы выпадают из поля зрения авторов, обращающихся, например, к теме формирования демографических установок (М. Ю. Арутюнян и О. М. Здравомыслова [13]). Следует согласиться с В. В. Елизаровым, что термин «демографическое поведение» охватывает более широкую, чем репродуктивное поведение, систему действий и отношений, «включающую помимо репродуктивного поведения брачное поведение, миграционную подвижность и социально-гигиеническое поведение, определяющее охрану здоровья и сохранение жизнеспособности» [79, с. 70].

Очень часто показатели смертности рассматриваются как нечто объективно данное и присущее состоянию общества. Состояние регулируется такими институтами общества, как здравоохранение, социальное обеспечение и инфраструктура (индустрия отдыха и услуг), система права. В то же время решающим фактором выступает сам человек, его поведение, реакции на среду, используемые стереотипы и нормы поведения, образ жизни, культура — социальные факторы и ценности, определяющие процесс принятия решений и осуществление демографического выбора. Управление этой стороной смертности связано с воздействием на выбор линии самосохранительного поведения личности, группы.

Важно определить основные регуляторы самосохранительного поведения (ССП) и понять его основную направленность. На уровне потребностей следует обратить внимание на то, имеет ли смысл говорить о потребности личности в самосохранении и, может быть, даже в смерти. Если влечение к смерти противостоит потребности в самосохранении, то что понимается под последней? Потребность в поддержании здоровья, обеспечения безопасности? И наконец, каким образом связано репродуктивное и самосохранительное поведение? Ответы на эти проблемные вопросы могут быть даны с развитием «социологии воспроизводства населения», разработка которой позволит продвинуться вперед в изучении механизма взаимосвязи всех видов демографического поведения личности и семьи. По-иному могут выглядеть и глобальные эколого-демографические проблемы. Таким образом, чисто эмпирическому исследованию социологических и демографических данных об отношении к смерти и смертности следует предпослать теоретическое социально-демографическое исследование. На наш взгляд, исследование такого рода логичнее начать с философско-социологического подхода к историческому изменению отношения к смерти в различных культурах. Характерно, что А. И. Антонов предпосылает анализу влияния растущей автономизации личности на репродуктивное поведение материал методологического плана, доказывающий эволюционный характер отношения человека к смерти. Основываясь на данных оригинальных исследований Ф. Ариеса, А. И. Антонов пишет: «Осознание конечности личного существования и необратимости времени связано с новым отношением к жизни и смерти (это происходит на рубеже XVII—XVIII вв.). Смерть как коллективная судьба сменяется индивидуализацией смерти, возникает идея «собственной смерти» [10, с. 221] (есть и противники такой трактовки, например И. В. Вишев [42], А. Я. Гуревич, М. Вовель [72, 22]).

С развитием цивилизации представления о смерти отдельного человека все более индивидуализируются и становятся автономными. Сознание человека, первоначально слитое с родовым, обособляется с развитием личности и формированием своего собственного «я». Для «я» собственная смерть — смерть своего индивидуализированного мира (сознания) и своего тела. Родовые, общественные ценности в этом мире на втором плане. Даже развитые формы религий, в том числе монотеизм, утверждают в идее бога приоритет родового (общественного) по сравнению с индивидуальным началом (смыслом жизни отдельной личности и ее

свободой). Дуализм души и тела, бога и «моего» личного «я» сохраняется, но приоритет остается за родовым, духовным началом. Божественные императивы и исходящие «сверху» нормы жизни ограничивают демографический выбор и самостоятельность выбора линии самосохранительного поведения. В. Б. Иорданский в книге «Хаос и гармония» отмечает в ходе анализа отношения к смерти и старости у африканских племен такую деталь: «Каждого человека, естественно, пугало мгновение, когда он оказывался у порога смерти. И все же страх перед неотвратимой кончиной в значительной мере смягчался коллективными представлениями о потустороннем мире и о смерти как рождении для нового существования. Если вспомнить то, как общественное сознание представляло жизненный путь человека, то мы увидим, что смерть никогда не выглядела в его глазах концом пути, но предшествовала новому, более высокому этапу социального развития личности» [86, с. 288—289]. Помимо интенциональности (направленности) на бессмертие, В. Б. Иорданский тут же отмечает связь отношения к смерти с мотивацией рождаемости. Он пишет, что в ответ на вопрос «Почему вы хотите иметь много детей?» часто звучит: «Чтобы они могли похоронить меня». Причем похоронить «достойно». Иначе усопший отец не вступит в сонм социально полноценных.

Дурной считалась смерть от рока (удар молнии, крупный проступок, утопление), смерть при ужасающих (повешение, проказа) или ненормальных (смерть при родах, при подготовке к инициации) обстоятельствах, а также уход из жизни неуживчивых или социально опасных индивидов (умалишенных и даже бездетных) [86, с. 299]. Смерть отдельного человека при всех обстоятельствах была событием, затрагивающим всю общину. Индивидуальные реакции могли быть различными по характеру и эмоциям, но отношение в целом было жестко обусловлено традицией и ритуализировано. Проблема отношения к смерти в примитивных сообществах детально разработана в концепции анимизма (существование души после смерти, переселение в будущую жизнь и возрождение в образах человека и растений, животных, вторичная смерть и путешествие в страну мертвых [205]).

Можно предположить, что в урбанизированном современном обществе установка на бессмертие встречается, скорее, как атавизм либо как черты религиозного или фантастического отношения к миру в сознании верующих, суеверных людей, детей или подростков. Есть и более радикальная позиция. Так, по мнению А. Т. Москаленко, В. Ф. Сержантова, «интенция бессмертия» есть проявление особой целеустремленности и жизнеспособности человека вообще. Материализм, по их мнению, исключает концепцию индивидуального бессмертия [140]. Здесь можно, по-видимому, вспомнить, что развитие личности приводит к изменению религиозного мировоззрения, и в нем, как, например, в протестантстве, на первое место все-таки выходит «я», а не бог.

В процессе эволюции отношения человека к смерти вырисовывается преобладающее значение в истории человечества фаталистического вида самосохранительного поведения. На этом следует остановиться, так как фатализм в установках на продолжительность жизни и ее основные этапы до сих пор остается устойчивым мотивом ССП при массовых опросах.

Родовое сознание первобытного общества, религиозные нормы и догматы мировых религий редко оставляли право выбора в определении стратегии ССП за отдельным человеком. Конечно, нельзя отрицать, что альтернативные формы поведения не осознавались в традиционных обществах. Можно и нужно допустить факт нарушения норм, санкционирующих необходимость пройти свой жизненный путь каждому. Прецеденты были и дошли до нас в этнографическом материале, в легендах, песнях, литературных рукописях и бытовых записях, не говоря уже о канонизированных источниках. Выбор жизненного пути был, но в силу жесткой «запрограммированности» со стороны социальной структуры общества и присущей ему идеологии строго ограничен, а степень свободы невелика. Таким образом, рамки реализации потребности в самосохранении были узкими, да и сама она понималась совершенно по-иному. Самовольный выбор жизненного пути карался во всех отношениях как противостоящий и долгу и смыслу жизни (предназначению) человека. Совершенно иное дело, когда добровольный уход из жизни санкционировался и поощрялся. В этом случае учитывались опять-таки не личностные мотивы, а различные табу, ритуалы, обычаи. Обычаи и традиции, помимо регулятивной функции, имели, по всей видимости, важную адаптивную, увеличивали толерантность личности к реальной опасности недолгой жизни и близкой смерти каждого живущего. Наряду с этим обнаруживается «принудительная» функция, обязывающая в каждой культурной среде умирать в определенный срок(и) при выполнении социальных ролей. Установка на возраст заложена в родовое сознание изначально, но понятие возраста имело исторически другой смысл и назначение (возраст инициации, мудрости, вступления в брак) [179].

Этнографические обследования первобытных сообществ и первых цивилизаций обнаруживают ритуальные обычаи убийства престарелых, новорожденных (инфантицид), самосожжения, самопожертвования, умерщвления и погребения слуг, близких и родственников усопших и т. д. Общеизвестно, что в России староверы практиковали добровольный уход из жизни, «посоветовавшись с богом», в пожилом возрасте. Существовал обычай «вобанить» стариков в селах Урала. Во всем этом нет и намека на проявление аутоагрессии или агрессии по отношению к окружающим (за исключением самосожжения староверов как формы политического протеста в эпоху реформ патриарха Никона).

В сознании подлинно верующего человека заложена убежденность в существовании неземной загробной жизни. Независи-

мо от сроков земного бытия все должны предстать перед страшным судом, пройти чистилище и попасть в «царство теней». В этом смысле все равны и их жизненный и посмертный путь одинаков. Идея посмертного бессрочного существования реализована в той или иной форме в концепциях христианства, мусульманства, буддизма, кришнаизма и других мировых религий и культов. Вера в загробную жизнь и бессмертие имела важную адаптивную психологическую функцию к трудностям бытия. Последовательность самосохранительного поведения как системы действий обеспечивалась жесткими фаталистическими установками, что, кстати говоря, не обеспечивало действительного самосохранения индивида, но создавала условия для безопасности группы (семьи и рода, общины). И, наконец, в представлениях верующих и в рамках суеверий смерть не воспринимается как некая деструкция своего внутреннего субъективного мира. Конкретными регуляторами, например, выступают идеи посмертного наказания и воздаяния за добрые дела. Таким образом, управление действиями человека, в том числе линиями демографического поведения (отношение к браку, рождению и смерти), осуществлялось из другого «центра» — неземного мира, который тем не менее сам является важнейшим элементом индивидуального сознания и «субъективной реальности», не говоря уже об идеологии и ее культовых предметных формах. Современный человек высокоурбанизированного и технологизированного образа жизни вместо бога в душе имеет откровение своих собственных потребностей, интересов и целей, что иногда трудно скрыть лицемерием и защитной мотивацией, оно проявляется в чертах прагматизма и цинизма.

Остановимся на том, что новаторская концепция Ф. Ариеса была встречена неоднозначно. В своей полемической статье А. Я. Гуревич пытается опереться на труды другого французского исследователя — Мишеля Вовеля, в частности на материалы его объемистого труда «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней» [72]. М. Вовель обобщает вместе с демографическим материалом данные о духовном, идеологическом, экономическом аспектах формирования у населения установок на смерть на уровне обыденного сознания. Но при этом оказывается, что М. Вовель, собственно, и не отвергает гипотезу Ф. Ариеса, считая ее просто более упрощенной, однолинейной. Реальная проблема сложнее, так как сохраняется несколько уровней формирования отношения к смерти в обществе. Именно в связи с этим разрабатывается не одна, а две модели отношения к смерти в сознании личности. Выделяется смерть в ее древнем обыденном представлении как потенциально опасного мертвеца — двойника личности (на чем, собственно, до сих пор спекулирует индустрия триллеров) и смерть в ее официальном возвышенном, допустим, христианском канонизированном или идеологизированном партийном облике. К первому (обыденному образу) применяется старинная тактика

«задабривания», во втором случае поведение регулируется религиозными культовыми или советскими нормами. Что касается Ф. Ариеса, то, по мнению М. Вовеля, он пользуется в основном моделью изменения ментальных установок элиты, экстраполируя ее действия на все слои общества. Из-за этого концепция Ф. Ариеса приобретает черты мистицизма. В связи с этим ему, как ни странно, предъявляется обвинение в недостаточном привлечении данных исторической демографии.

Из контекста статьи А. Я. Гуревича становится понятно, что автор вообще не приемлет идею перехода к индивидуальному восприятию смерти, но не разделяет и точку зрения М. Вовеля. Идея «перехода», по мнению А. Я. Гуревича, столь же стара и безнадежна, как и идея христианства. Однако нам остается близкой именно позиция М. Вовеля, тем более, что статистика еще мало объясняет в исторической демографии проблему смерти и смертности из-за неразработанности ее социологией.

В современном технологизированном обществе утверждается рационалистическое отношение к смерти, что отражается и в общественном, и в индивидуальном сознании. Осмысление смерти как события несет признание неизбежного разрушения своего «я», своей внутренней «самости» и целостности, распада личности и ее особого, отличного от других, автономного бытия. Эволюция отношения человека к собственной смерти привела к тому, что акцент переместился на сугубо индивидуальный уровень. Эгоцентрическая концепция смерти подготовила почву для экзистенционализма с его пониманием жизни как постоянной подготовки к смерти.

Хайдеггеровская концепция подлинной жизни рассматривает человеческую жизнь как постоянное, с самого рождения движение к смерти, а сознание смерти — как структурную составную часть существования [238, с. 175—177]. У Ж.-П. Сартра более жесткий тезис: «Мы одиноки, и ничто нас не обязывает» [238, с. 223]. Концепции экзистенционализма сорвали, по сути дела, мистические покровы с представлений о смерти. И в этом их положительное значение. Вместе с тем в их содержании сильно проявились мотивы безысходности, необратимости существования, одиночества и философского оправдания самоубийств как способов высшего выражения своего «я». В связи с этим следует подчеркнуть, что в эволюции отношения к смерти изменились представления и о срочности бытия, и о содержании, значении и ценности (антиценности?) такого события, как смерть для личности.

Исторические сравнения показывают, что в сознании религиозного индивида смерть как событие есть совокупность представлений о краткосрочности и кратковременности самого акта умирания, гибели как некоего зла, за чем следует переселение души в мир иной. В сознании современного человека зло смерти воспринимается и переживается как зло абсолютное, как утрата

индивидуального бытия и всех его ценностей, распад субъективной реальности. Смерть в самом абстрактном плане трактуется как небытие, мрак, хаос, энтропия, разрушение и деструкция эгоцентричного мира. При этом для прагматика и рационалиста уход в фантазии по поводу своей смерти не характерен даже в момент самой жестокой фрустрации, вызванной приближением смерти. Естественно, что в современном индивидуализированном сознании есть место для бога и особенно суеверий, но в отношении собственной смерти личность заблуждается мало, даже уважая свои религиозные чувства. Смерть рассматривается как невозможность жизни, как неопределенность и бренность существования. К смерти невозможно приспособиться ни духовно, ни тем более физически. Конечно, смерть всегда объективно обусловлена, но трудно сказать, есть ли в современном человеке влечение к смерти и потребность в ней. В этом случае требуется детальный анализ суицидального поведения. Если предположение о влечении или потребности в смерти подтвердится, можно будет определить самосохранительное поведение личности как систему действий, связанных со стремлением продлить свой жизненный путь либо отказаться от жизни в процессе обеспечения стандартов желаемого образа жизни.

Сформулируем ряд промежуточных выводов. Представления о смерти отражают прежде всего, что такое смерть вообще и, в частности, смерть личности и группы (рода, семьи). Смерть изначально (исторически) приобретает социальное значение, тогда как органический и физиологический моменты остаются на втором плане. Религия, можно сказать, отказывает человеку в смерти и смертности как прекращении его бытия вообще. Понятие смерти глубоко родовое, экзистенциональное, и в этих рамках противостоит понятию и переживанию жизни. Установка на неизбежность смерти связана с установкой перехода в иную форму жизни (к бессмертию).

Конструктивное и преднамеренно деструктивное отношение к жизни и смерти подавлено. Самоубийцам и другим нарушителям «воли божьей» в продолжение жизни (бессмертии) отказано (по крайней мере, для них создается особый промежуточный мир). Погребение самоубийц осуществляется самым постыдным и позорным образом, вплоть до надругательства над останками.

Важным шагом в трансформации отношения к смерти становится атеистическая ветвь поведения, ведущая начало от эпикурейского тезиса «когда мы здесь, смерти еще нет, когда есть смерть, то нас уже здесь нет». Это не что иное, как особое отношение к смерти, заключающееся в ее отрицании на субъективистски солипсической основе, превознесении (абсолютизировании) самого себя и своего внутреннего духовного мира. В конечном итоге распространяется рациональное отношение к смерти как неизбежному разрушению своей целостности и своего «я».

3.2. ОСНОВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Представления о смерти исторически эволюционировали от фантастических иллюзорных форм, религиозных установок на бессмертие к индивидуализированным прагматическим трактовкам сущности смерти. Аналогичный переход от наивных и романтизированных представлений к реалистическому восприятию этого демографического события (относительно как других, так и себя) происходит в процессе индивидуального развития и социализации ребенка. Зрелый современный человек в основном склонен придерживаться, по нашей гипотезе, рационалистической неиллюзорной трактовки смерти. В его представлении смерть неизбежна, неопределенна и неотвратима. Количество этих «не» уже само по себе свидетельствует о существенном противопоставлении понятия «смерти» понятию «жизни» («витальной» основы личности). Правильное понимание жизни связано с адекватной оценкой смерти как невозможности жизни. Поэтому представление о полноценности жизни, активной социальной направленности личности в противоположности своей имеет смерть. Умереть в таком случае — утратить не только безопасность, но и потерять всю полноценность существования. Заманчива также гипотеза об амбивалентном характере регуляции ССП с помощью потребности в жизни и смерти. Об этом свидетельствует известная противоречивость мотивов и ценностей «витального» поведения человека. Он может, например, мотивировать свое поведение желанием обеспечить безопасность, восстановить или предотвратить ущерб здоровью, вести активный полноценный образ жизни. В то же время его поведение может быть связано с мотивами самопожертвования, нежеланием быть обузой для других, профессиональными целями (долгом, обязанностями), стремлением избежать общественного презрения и осуждения (например из-за старости, бездетности, холостячества). Поиск мотивов собственной смерти неизбежно затрагивает большую и сложную проблему суицида.

Постарение населения создает высокий уровень дезадаптации личности в динамично меняющемся мире, стимулирует увеличивающуюся экскалацию ситуаций «невозможности жизни». Последняя, по мнению Ф. Е. Василюка [38], может быть представлена как ситуация невозможности реализовать необходимые личности жизненные ценности. Ситуация невозможности тяжело переживается личностью как ситуация бессмысленного существования, которая затем переходит в кризис. Кризисные, или критические жизненные ситуации развертываются в форме фрустрации, стресса, конфликта и собственно кризиса. Характерно, что уже к 1979 г. по этим проблемам было опубликовано 150 тыс. работ [38].

Потребность в самосохранении личности и семьи как первич-

ного низшего «этажа» вызывает и потребность в обеспечении личной и групповой безопасности. Без этого ни о каком ССП говорить не приходится. Стремление или влечение к безопасности имеет, помимо психосоматических реакций и инстинктов, ярко выраженный социальный аспект. Автор книги «Психология безопасности» М. А. Котик подчеркивает увеличивающуюся в современном мире степень риска для современного человека. Он объясняет эту тенденцию, во-первых, ухудшением психофизиологической защиты современного человека от среды, во-вторых, повышением разрушающей способности технологизированной среды, в-третьих, адаптацией человека к повышающимся порогам опасности — недооценкой степени риска [110].

Достижение безопасности связано со снижением деструктивных проявлений по отношению к организму со стороны окружающей среды, а также с уменьшением степени риска поведения индивида. По отношению к личности все это распространяется на ее духовный мир. Для человека жизненно необходимо не только достижение относительной безопасности, что обеспечивает «длящееся существование» индивиду или группе, но и появление чувства безопасности, снижение уровня тревожности, страха, нервозности. Эти ценности необходимы для развертывания и успешности деятельности субъекта. Потребность в безопасности, как и в утолении жажды, голода, в движении, представляет первичный уровень потребностей человека, имеет психофизиологическую основу и соответствующий характер реализации. Она связана с определенными четко выраженными психосоматическими состояниями индивида, группы. В социально-психологическом аспекте потребность в безопасности опосредована соответствующими мотивами и взаимодействием с ценностями более высокого порядка. Кроме того, распространение требования безопасности на уровне группы, отдельных массивов населения и на общество в целом придает ей социально-политический характер — потребность как бы повышает свой статус в рамках глобальной стратегии на выживание человечества. Нет нужды доказывать тесную связь стратегии безопасности, осуществляемой на всех уровнях организации общественных систем и популяций, с сохранением и поддержанием индивидуального, группового и общественного здоровья. Поэтому было бы логичным включить рассмотрение проблем безопасности в круг проблем самосохранительного поведения. В противном случае ССП лишается как бы своего естественного базиса.

Стремление индивида к личной безопасности мотивировано желанием избежать угрозы собственному существованию, сохранить себя для детей, преодолеть чувство страха, тревожности. Все это связано с включением защитных психофизиологических реакций. Но истинной основой безопасности может быть лишь адекватное восприятие действительности. На рациональном уровне это означает, что поведение, направленное на достижение

личной безопасности, представляет собой цепь известных знаний, умений, навыков — ЗУН. Следовательно, должна существовать целая культура личной, групповой и общественной безопасности. ЗУН безопасности направлены на максимальное снижение степени риска в динамично изменяющемся мире, однако в действительности может возникнуть противоречивое воздействие на поведение человека интересов безопасности личной и коллективной. Безопасность выступает важной социальной ценностью, которая должна быть гарантирована как обществом, так и группой (в том числе семейной). Неудивительно, что наиболее высока степень риска деструктивных — внешних и внутренних — проявлений у одиноких. На наш взгляд, аспект безопасности полностью вписывается в содержание самосохранительного поведения, но в силу своей утилитарности, узости не исчерпывает его направленности.

ЗУН — чисто практический и прикладной аспект психологии безопасности. В частности, М. А. Котик отмечает, что люди, которым от рождения присущи инстинкты самозащиты и самосохранения, часто становятся виновниками своих травм. Он противопоставляет взглядам К. Марбе, считавшего травматизм следствием неспособности отдельных индивидов к переключаемости установок на адаптационные виды деятельности, теорию повышения или развития способности личности к обеспечению собственной безопасности [110].

Высокий уровень несчастных случаев в нашей стране коррелирует с относительно низким уровнем самосохранительной культуры и пренебрежением ответственностью за собственное здоровье. Интересно, что сравнительные обследования групп молодежи в США и СССР обнаружили различное отношение к самосохранительным ценностям [187]. Ответы на вопрос «Что больше всего Вас беспокоит?» обнаружили следующую иерархию проблем (средняя суммарная оценка в баллах):

Ранговый номер ситуации	США		СССР	
1.	Смерть матери, отца	3,20	Ядерная война	3,80
2.	Ядерная война	3,11	Смерть матери, отца	3,75
3.	Низкие оценки в школе	2,83	Голод в мире	3,64
4.	Собственная смерть	2,71	Авария на АЭС	3,62
5.	Болезни, инвалидность	2,71	Экология	3,44
6.	Нет работы по душе	2,71	Болезни, инвалидность	3,28
7.	Голод в мире	2,70	Низкие оценки в школе	3,24
8.	Вероятность стать жертвой преступления	2,65	Вероятность стать жертвой преступления	3,11
9.	Авария на АЭС	2,54	Собственная смерть	3,07
10.	Раковая болезнь	2,40	Развод родителей	2,98
	Число опрошенных	3270 чел.		2180 чел.

Как видно, опасения, связанные с собственной смертью, болезнью, инвалидностью, несчастным случаем волнуют американ-

скую молодежь больше, чем советскую. Различия в самосохранительных ценностях у групп молодежи, возможно, связаны как с культурным уровнем, так и с разной степенью перехода к индивидуализированным формам ССП. Однако по вопросам обследования и ответам на них трудно судить о различиях в содержании потребности в безопасности.

Следует отметить малую разработанность проблемы потребности в безопасном существовании индивида, группы. Практически большинство социологов и психологов выделяют таковую, причем одни связывают ее с потребностью в самосохранении, а другие обособляют в отдельный вопрос. Так, М.-А. Робер и Ф. Тильман полагают, что потребность в безопасности существует у индивида наряду с такими психосоциальными параметрами, как потребность в любви, уважении, приключении, участии (включенности в группу), формирующимися в ходе собственной истории индивида [178]. Другая группа потребностей, обеспечивающих самосохранение индивида,— физиологические. Они рассматриваются авторами отдельно от психологии безопасности. В их число входят контролируемые гипоталамусом голод, жажда, сон, дыхание (потребность в кислороде), сексуальные влечения и потребность в материнстве. Поведение индивида, в том числе и ССП, определяется конфликтами: 1 — потребностей, 2 — потребностей и нормы, 3 — противоречием норм. М.-А. Робер и Ф. Тильман рассматривают потребность в безопасности в качестве социально обусловленной, формирующейся в процессе приспособления человека к среде, приобретения жизненного опыта. Авторы считают правомерным выделение понятия потребности в безопасности на уровне группы. Чувство безопасности в группе, по их мнению, зависит от поведения лидера. Оно возникает в условиях консолидации вокруг лидера. Основные поведенческие установки безопасности в группе выражаются в стремлении к «файт энд флайт» — к борьбе и бегству. Группа объединяется в целях самосохранения — чтобы бороться с опасностью либо чтобы избежать ее. Установки «бегства — борьбы» дополняют друг друга, но чувство безопасности при их включении весьма непрочно. Группа может состоять также только из пары. В этом случае обоюдная связь основана на той надежде, что лидер появится [178]. Для безопасности группы очень важен коммуникативный аспект. Так, если индивид знает, что и другие думают так же, то это служит для него источником безопасности, при этом не важно, верна ли в действительности общая точка зрения. В условиях этого интеллектуального и физического конформизма появление новаторов и чужаков-нонконформистов вызывает подозрение и утрату чувства безопасности. Основной способ вписаться в группу, добиться сбалансированности индивидуальной и групповой безопасности — это система конформизма, принятия норм ценностей среды.

О связи личной и групповой безопасности говорил в свое время Э. Фромм. Он сравнивал стремление к безопасности с инстинктивным влечением стадности: «Нет большей опасности для нашего существования, чем потерять этот контакт со стадом и оказаться в одиночестве» [201, с. 181—182]. Стадности, по мысли Э. Фромма, противостоят разум и самосознание.

Одной из форм переживания опасности является страх, испытываемый индивидом. Страх не есть нечто сугубо инстинктивное. Последние исследования по психологии стресса обнаруживают его богатую мотивационную основу и социальную обусловленность. Л. А. Китаев-Смык критикует концепции «ужаса смерти», объясняющие проявление смелости и решительности проявлениями некоего первородного ужаса — ужаса смерти. Это мистическое возвеличивание смерти оформляется философски начиная со времен Древней Греции и кончая Хайдеггером и современным экзистенционализмом. По мнению автора, состояний смелости значительно больше, чем страха. Следовательно, невозможно вывести проявления смелости и решительности из проявлений страха, т. е. все объяснить простым превращением страха в смелость, в действия «от испуга». Любопытна сама классификация страхов как регуляторов самосохранения. Л. А. Китаев-Смык считает, что первая разновидность страха — страх перед «просто смертью», исчезновением своей индивидуальности, разрушением своей телесности, перед болью как провозвестницей нарушения своей физической целостности... Принятые решения в этом случае могут быть мгновенными и нередко очень опасными, активными либо пассивными [96]. В основе второго вида страха смерти лежит сформированный в ходе биоэволюции феномен страха «исключения особи из стада», из стаи. Этот второй, социально обусловленный вид страха смерти, связан с переживанием потери социального статуса. Дискомфортные чувства и переживания десоциализации — чувство позора, ощущения собственной неуспешности, неполноценности, ненужности, никчемности — могут быть настолько сильными, что суицид будет лишь подтверждением смерти «социальной». Одновременно страх десоциализации может приходить в противоречие со страхом собственного уничтожения, вытеснять его, либо тот и другой будут находиться в синэргетическом взаимодействии и действовать сообща. Наиболее интересен страх смерти третьего вида. Косвенное его проявление — в форме «смертельной тоски», которая «хуже смерти», в раздражающей беспомощности к стрессорам среды. Это чувство незащищенности и дискомфорта непонятного, но гнетущего происхождения. Автор объясняет его дефицитом «переживаний торжества побед». После того как человек без передышки выполняет одно задание, сопряженное с преодолением трудностей и выходом из фрустрации, он вынужден включиться в другое — не менее трудное. В этом случае необходимы внутренняя реабилитация и устране-

ние психогенного источника неблагополучия. Страх смерти четвертого вида — это чувство, опосредованное страхом за сохранность популяции, к которой принадлежит особь, и отдельных ее членов. Страх за жизнь популяции, рода лежит в основе страха за детей, родных, знакомых и может быть источником личного бесстрашия.

Выделенные страхи можно легко «прочитать» как мотивационную сторону интенции безопасности личности и группы.

Человек может быть здоровым или больным, но в одинаковой мере нуждаться в безопасности. Категория «здоровья» отлична от понятия «безопасность». В подавляющем числе случаев здоровье понимается в качестве основной ценности ССП. Считается, что самосохранительная установка, или установка на самосохранение, связана с поддержанием или реабилитацией здоровья, хорошим самочувствием. В литературе «здоровьем», как правило, и исчерпывается направленность ССП. Однако границы понятия оказываются настолько сильно размытыми, многоаспектными и многоуровневыми, что определенность предмета исчезает. Речь идет о физическом и психическом здоровье личности, здоровье супружеской пары, социально-демографических групп (дети, женщины, престарелые и пожилые), занятых в отраслях народного хозяйства, и населения в целом [20]. Имеет смысл и понятие здоровья общества в целом. В последнее время все сильнее намечается тенденция к философско-социологическому осмыслению здоровья, отход от биологической, чисто медицинской (клинической) трактовки. При этом демографический аспект остается в тени. В результате в науке создается ситуация, когда проблемы здоровья обсуждаются специалистами на разном «языке», без уточнения понятий.

В самом элементарном своем определении здоровье связано прежде всего с достигнутым уровнем здоровья и функциональных способностей организма. В этом случае в центре внимания находится проблема долговечности и надежности психосоматических функций организма. Сугубо медицинский (клинический) аспект связан с изучением заболеваемости, отклонений в работе функциональных систем организма и самочувствии человека от нормы — того, что считается нормальным состоянием здоровья для данного общества или, например, профессиональной группы. Категория здоровья в более широком — социально-гигиеническом и особенно философско-социологическом аспекте, в отличие от безопасности, ближе стоит к понятиям жизнеспособности, полноценности существования субъекта. На наш взгляд, бесспорно, что здоровье — центральная ценность самосохранительной направленности личности, группы, общества. Но как основная жизненная ценность субъекта демографического поведения оно может приходить в противоречие с другими ценностями и даже такими, которые задевают интересы самосохранения, а именно — с безопасностью и благополучием. Распространенный пример — человек даже под страхом смерти не может отказаться от привычного образа жизни, дурных привычек. Следует согласиться с Л. Е. Дарским, который в своем выступлении на международной конференции в Вильнюсе в 1985 г. всячески стремился подчеркнуть, что не может быть самосохранения только ради самосохранения и здоровья. Главное — ориентация на образ жизни. Личность, выбирая определенный образ жизни, усваивает присущие ему установки ССП.

Медико-клинический аспект основан на противопоставлении здоровому (полноценному, нормальному) состоянию отклонений от нормы (патологии). В этом случае важен критерий того, что считается нормой. С. Н. Давиденков подразумевает под таким критерием «все, что резко отклоняется от средней нормы и требует вмешательства врача» [73 с. 13]. Нормой при этом считается то, что наиболее часто встречается у большинства индивидов. Однако такой «статистический» критерий ненадежен, поскольку патология также может существовать и встречаться в массовом порядке [189]. Следует признать узость такого подхода, но в чисто клиническом аспекте он вполне приемлем. Однако норма постоянно требует уточнения, например, она неодинакова для занятых подземными разработками, архитекторов, авиаторов и ряда других профессий.

В противовес нормативному подходу существует психологический, когда критерием и мерилом здорового выступает самооценка здоровья и самочувствия пациентом, производится оценка внутренней психологической удовлетворенности человека состоянием здоровья. Этот подход вполне правомерен, но ограничен в своем качестве. Представители психологического направления интерпретируют здоровье как оценку, даваемую самим индивидом в соизмерении с общественно принятыми нормативными критериями. Следует также отметить успехи развития «средового» подхода в 80-е годы в Прибалтике и России.

Характерно, что медики склонны в последнее время расширять рамки трактовки здоровья. Более четко оформляется концепция полноценной жизнедеятельности — функциональный подход. Со здоровьем связывают все большее число жизненных ценностей человека. В частности, используется понятие благополучия. В уставе ВОЗ записано: «Здоровье является состоянием полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней или физических дефектов» [214]. Непонятно, однако, что вкладывается в столь широкое понятие, как благополучие. Многоаспектность понятия здоровья обусловливает широту трактовок и разночтений. Более конкретно определяет здоровье В. П. Петленко — как способность к полноценному осуществлению всех сторон человеческой жизнедеятельности [160].

О нерешенности проблемы определения понятия здоровья свидетельствуют и классификации точек зрения в литературе.

Так, А. В. Сахно, указывая на обилие подходов, отмечает, во-первых, что здоровье человека многоаспектно и столь же многоаспектна его ценность (выделяются социально-политический, экономический, морально-эстетический, психофизиологический подходы); во-вторых, имеющийся по определениям здоровья материал распадается на указанные уже версии: здоровье — это отсутствие болезней; «здоровье» и «норма» — понятия тождественные; здоровье как единство морфологических, психоэмоциональных и социально-экономических констант; в-третьих, подходы делятся на статистический, динамический, качественный, многоуровневый и, наконец, комбинированный. Именно качественный аспект трактуется как попытка рассмотреть здоровье личности — «личное здоровье», «групповое здоровье», «здоровье населения», «общественное здоровье». В этой классификации несколько выделяются взгляды П. Д. Рамазаева и С. И. Тарасовой. По их мнению, слагаемые здоровья имеют социально значимые критерии, такие как умственная и физическая работоспособность, продолжительность жизни, воспроизводство здорового потомства [186]. Ю. П. Лисицин и А. В. Сахно полагают, что здоровьем людей следует считать жизненную бодрость, оптимизм, творчество, работоспособность, обеспечивающие богатство и благополучие общества [124]. Вполне понятный интерес специалистов к социальной значимости здоровья создал почву для поведенческих концепций, ставящих проблему «потребность — здоровье — болезнь», однако это привело к тому, что здоровье стало трактоваться как мера социальной активности личности, деятельного отношения к миру. Таким образом, под здоровьем понимаются иногда совершенно различные состояния, отношения и процессы, в которые включен человек в своем взаимодействии с самим собой, средой и обществом в целом. Очевидно также, что, говоря о здоровье, ряд исследователей ставят, по сути дела, вопросы самосохранительного поведения. А. И. Антонов [154] отмечает важную деталь — необходимость перехода от факторной модели здоровья к поведенческой, а также потребность в использовании позитивных показателей.

Социальная активность человека может быть высокой, но при этом вредить его здоровью и сокращать продолжительность жизни. Обществу необходимы позитивные нормы активного долголетия. Зачастую люди, понимая, что благотворно, а что вредно для здоровья, под давлением одобряемых окружающими и внешне благополучных норм поведения выбирают деструктивную линию поведения, сопряженную с повышенным риском.

Высшим критерием здоровья человека, на наш взгляд, является полноценное воспроизводство всех деятельных способностей личности. Самосохранительная интенция на своем мегауровне, как и безопасность, приобретает социально-политическое и идеологическое значение, поскольку связана с одобряемыми или отрицаемыми моделями личности, идеалами человека, санкционированием норм общежития и образа жизни, регулированием межнациональных отношений и укладов жизни в различных регионах. В этом смысле наш анализ выходит за рамки исследования демографического поведения и вступает в сферу демографической политики, а также медицинской демографии [20].

Границы самосохранительной деятельности и поведенческий аспект не совпадают. Направленность первой и ее уровни можно изобразить в виде простой матричной схемы:

Уровни	Ценности		
	Безопасность	Здоровье	Полноценность
Индивид (личность)	×	×	×
Группа (семья)	×	×	×
Население (общество)	×	×	×

Человек стремится обеспечить свое «длящееся существование» и духовно, и физически. Смертность, по мнению В. С. Стешенко и В. П. Пискунова,— это процесс «потери индивидами конкретно-исторического социального качества своих свойств». Объективно имеют место «общественные отношения людей по поводу их умирания» [197, с. 234—235].

Поведенческий аспект охватывает уровни индивида и группы; что же касается ценностных оснований, то к ним, помимо здоровья, относятся, на наш взгляд, такие ценности, как безопасность и полноценность существования. В центре проблем направленности ССП стоит понимание психологической модели «я». Именно она придает смысл выделенным ценностям. Поэтому теория Горнея оказалась более перспективной, чем концепции Фрейда, Юнга, Адлера. Горней исходил из гипотезы полноценности органов и стремления личности к единству [83]. От концепции личности зависит интерпретация потребности в самосохранении. При этом возможны два основных пути: трактовка личности как субъективированного выражения совокупности общественных отношений и конструирование и распознание индивидуальности человека. И. С. Кон полагает, что в настоящее время утвердилась концепция социализации личности. Сторонники второго — антропо-психологического — подхода рассматривают личность как индивидуальность с неповторимым психологическим обликом. Это означает признание изменчиво-

сти и эволюции внутренних черт самой личности на фоне циклично повторяющейся истории общества. Социализация же подразумевает воздействие динамично изменяющейся внешней среды на устойчивую психологическую природу личности.

В основе осознания себя личностью лежит выделяемый психологами «Я»-образ. «Я»-образ — это определенное отношение к себе. «Я» носит характер важнейшей социальной установки, которая исторически эволюционирует, но в границах индивидуального существования устойчива. Деструкция установки или ее противоречие со средой ведет к дезадаптации личности. «Я»-образ — основа сохраняющейся целостности личности. «Я» — это «моя» внутренняя среда, в которой все «мое».

Иная позиция у З. Фрейда. Его концепция отличается от взглядов большинства ученых не столько утверждением о связи самосохранения с сексуальностью и размножением, сколько дуализмом в трактовке жизненных влечений личности. Аргументация Фрейда основана не только на психоаналитике, но и на применении понятий средней продолжительности жизни, жизненного пути, а также на результатах обобщения биологических популяционистских теорий [222]. Кроме того, для нас особенно важно обращение Фрейда к поведенческому аспекту самосохранения, которое он исследовал от категории воли к жизни (Шопенгауэр) до клеточного уровня (Вейсман), сосредотачиваясь на рассмотрении силы подсознательных влечений и концепции «Я»-образа [222]. Характерно, что Фрейд — сторонник эволюционистских взглядов на понятие смерти. Смерть как преодоление индивидуальности многоклеточного живого «государства» — более поздний результат эволюции и достижения приспособляемости. То же самое он отмечал в социально-психологическом аспекте. З. Фрейд подчеркивал, что он сторонник понимания смерти как естественной смерти организма, происходящей в силу внутренних причин. Именно в этом смысле «можно сказать: целью всякой жизни является смерть, и обратно — неживое было раньше, чем живое» [222]. Фрейд также отмечал, что у первобытных народов понятие естественной смерти отсутствовало. Причину смерти видели в деяниях врагов или злых духов. Двигаясь по жизненному пути, человек находится под влиянием либидозных сексуальных влечений — влечения к жизни и влечения к смерти. Первое уходит своими корнями в размножение зародышевой плазмы, а на уровне психологии связано с потребностью повторить свою жизнь, восстановить прошлые состояния. Самосохранительной консервативной природе влечений противостоят влечения к смерти, заключенные в понятии самого «Я», в отклонении от консервативных границ и достижении новых состояний, преодолении своего «Я». Таким образом, влечение к смерти — явление более прогрессивное, чем первое, поскольку связано с развитием и самоотрицанием «Я». Можно заметить, что фрейдовская трактовка самосохранительного поведения прямо противоположна монистическому подходу Юнга. Смерть у Фрейда приобретает положительный статус, выступает как важнейшее влечение и жизненная потребность. Различие влечений лежит в сфере подсознательного. Фрейд не заключает в рамки самосохранительного влечения потребность в смерти, а противопоставляет одно другому. Это логично. Согласно его логике, самосохранительное поведение противостоит разрушающим воздействиям не только внешней, но и внутренней — психологической — среды, т. е. объективным и субъективным проявлениям смерти, экзогенным и эндогенным факторам смертности. Все это верно, поскольку самосохранительные установки должны противостоять деструктивным и аутодеструктивным проявлениям в жизни человека. Однако потребность в смерти — насквозь противоречивое понятие. Присвоив смерти позитивный и даже прогрессивный смысл, связав его с внутренним миром человека, Фрейд тем самым подвел нас к необходимости признать потребность в жизни и смерти, реализовать до конца принцип дуализма влечений. Идя за Фрейдом, приходишь к необходимости выделить в системе витального поведения человека самосохранительную и «танатальную» ветви. К последней придется отнести весь мир вредных привычек (сознательное употребление табака, алкоголя и т. п.), а также суицидальные проявления.

Наша позиция иная. Она ближе к точке зрения К. Обуховского, назвавшего высшей потребностью человека потребность в смысле жизни. В таком случае потребность в самосохранении можно рассматривать как возвышение потребностей — от безопасности к стремлению полноценного существования личности, самосохранению своего «Я»-образа [150]. Психологически «Я» связано со стремлением человека к сохранению своей целостности и единству в определенном языке и символике. Эту направленность поведения человека на себя отмечал К. Юнг [83].

Наиболее интересна концепция потребности у А. Маслоу [129]. Его метод был очень близок к социально-демографическому методу и в какой-то мере предвосхитил последний. Маслоу занимался реконструкцией жизненного пути человека, что роднило его с методологами ВИС, Баткисом и учеными, занимавшимися когортными обследованиями смертности [19]. Концепция ССП связана у Маслоу с его концепцией самоактуализации — развертывания способностей личности.

А. Маслоу выделял следующие потребности: 1 — физиологические, или врожденные (продолжение рода, сексуальность, утоление голода и жажды); 2 — потребность в безопасности; 3 — в защите; 4 — в истине, добре, справедливости. Очень важна мысль Маслоу о том, что человек не должен вырабатывать способы защиты от окружающего мира — у него должно актуализироваться адекватное восприятие среды и личности других людей [253]. По сути, на этом основывается стратегия безопас-

ности в современном мире. По Маслоу, потребность в безопасности — это потребность в защите от насилия и угроз. Сопротивляясь всему, что ставит под удар его самого, семью, экономическую обеспеченность, человек приобретает чувство безопасности. Если не удается полностью удовлетворить потребности высокого уровня, то человек стремится полнее реализовать более низкие потребности. Любопытно, что, по оценке Маслоу, средний работающий человек удовлетворяет свои физиологические потребности на 85 %, в безопасности — на 70 %, в общении — на 50 %, в уважении — на 40 %, а в самовыражении и творчестве — только на 10 %. Ученый фокусировал внимание на механизме возвышения потребностей в процессе самоактуализации личности. По мнению А. Маслоу, надо помочь человеку стать тем, кем он способен стать. Самоактуализирующиеся люди стремятся к высшим — предельным — ценностям бытия. В их числе: истина, красота, добро, совершенство, простота, всесторонность. Эти потребности Маслоу назвал метапотребностями. Их подавление вызывает особый тип патологии — метапатологию. Эти «Б-ценности» составляют смысл жизни большинства людей [129].

Интересно, что в психологии существует оппозиция «гомеостатической» концепции регуляции поведения, ей возражают сторонники «средового» подхода.

Г. Олпорт пишет: «Подлинные психогенные интересы всегда таковы — они заставляют нас неограниченно усложнять и напрягать нашу жизнь». «Стремление к равновесию», «редукция напряжения», «влечение к смерти» кажутся поэтому тривиальными и ошибочными представлениями о мотивации нормального взрослого человека [151]. Известный австрийский психиатр и психолог В. Франкл высказывался еще более откровенно: «Я считаю опасным заблуждением предположение, что в первую очередь человеку требуется равновесие, или, как это называется в биологии, «гомеостаз». По мнению Франкла, человеку нужно не состояние равновесия, а скорее, наоборот — борьба за какую-то цель, достойную его [221]. Взамен «гомеостаза» ученый предлагал концепцию «нусодинамики» — поиска смысла и ценностей. Нусодинамика сродни понятию негвесии в объяснении побудительных мотивов человеческой деятельности. Например, ощущение голода побуждает к поиску пищи. Легкое недоедание вряд ли будет сильным стимулом. Источник побуждения — стимул — дифференцирован, обусловлен рамками жизнеспособности, с одной стороны, и ощущением неудовлетворенности — с другой.

Франкл подчеркивал, что поиск смысла для каждого человека — главная сила его жизни. При этом исследователь ссылается на проведенный во Франции опрос, в котором 89 % респондентов указали на потребность человека в чем-то таком, ради чего он живет. К сожалению, не сообщаются социопараметры

этого опроса. Жизненный интерес, или смысл жизни, по Франклу, различается у разных людей и по времени; «важен не смысл жизни вообще, а, скорее, специфический смысл жизни данной личности в данный момент» [221, с. 119]. Франкл считал, что отчаяние, страх смерти и сама смерть лишают жизнь смысла, но мимолетность существования человека одновременно формирует ответственность.

Итак, «Я»-образ сцементирован понятием смысла жизни. Этот вывод необходимо учесть при разработке интенциональности самосохранения.

В своей книге «Смысл жизни и личность» А. Т. Москаленко и В. Ф. Сержантов [140] пытаются воспроизвести философско-социологическую модель связи смысла жизни и здоровья человека в форме «витально-аксиологического варианта». Авторы исходят из того, что в проблематике смысла жизни вопрос о ценности занимает центральное место. Жизнь — критерий существования любой другой ценности. Смысл жизни определен как «телеономное» понятие, поскольку оно выражает некоторую направленность деятельности и жизнедеятельности вообще. В основе ССП лежит так называемое «витальное Я», задаваемое структурой потребностей и ценностных ориентаций. В этой структуре авторы выделяют следующие точки зрения на ценность самой жизни: 1 — ценность имеет жизнь для общества, а не для себя (альтруизм); 2 — индивидуальная жизнь имеет самостоятельную ценность и объективно, и субъективно; 3 — ценность жизни обусловлена ее смыслом, т. е. жизнь ценна лишь при наличии в ней смысла; 4 — ценность жизни тождественна выживанию человека и человечества; 5 — ценность жизни обнаруживается через смерть. Точка зрения самих авторов такова: смысл жизни есть стратегическая линия жизни человека, выбранная в процессе ее согласования со стратегической линией развития общества. Эта «телеономическая» функция несет в себе смысл жизни, который цементирует ценности «витального Я» как самосохранительную установку. Последняя же сплачивает или обеспечивает равновесие витальных функций: индивидуально-органической, видовой, а также когнитивно-праксеологической (познавательная поисковая потребность, преобразующая творческая деятельность) и социабельных (потребность в общении, статусе, принадлежности к своей группе, классу). «Витальные функции» могут действовать в одном направлении (синергия), но могут и противоречить друг другу (антагония). Уровни взаимодействия того и другого — интеркорпоральный (внутри организма, тела) и интракорпоральный (вне организма). Интеграция функций опять-таки обеспечивается телеономией смысла жизни. Полнота реализации функций (потребностей), успешность их взаимодействия и есть критерий благополучия и здоровья. Смысл жизни в конце концов определяется идеологическими установками — мировоззрением индивида.

Из концепции смысла жизни, или «витального Я», вытекает модель индивидуального здоровья; личностная модель здоровья сводится авторами к следующим принципам: отношение к собственному телу, личностное понимание существа здоровья и целей его сохранения, знание законов функционирования организма и степень волевой регуляции жизни, индивидуальное отношение к болезням — степень способности к поиску и активному выходу из состояния болезни, выраженность личностных установок или мотивов в ходе выздоровления. Тип отношения к здоровью зависит от степени выраженности той или иной витальной функции. Модель В. Ф. Сержантова и А. Т. Москаленко основана, таким образом, на структуре потребностей и ценностей личности. Здесь также просматривается попытка сформулировать «закон» возвышения самосохранительной потребности до ценностей «философии жизни» и, кроме того, показать негативное значение того самосохранения, которое «замкнуто» исключительно на заботу о собственном здоровье. В этом случае личность получает мощный стрессор в виде расстройств из-за заболеваний и неприятностей с собственным телом и организмом. Последние дестабилизируют психику и вновь негативно отражаются через переживания на здоровье и самочувствии. Установка на положительное самочувствие связана с рассмотрением здоровья как средства развертывания когнитивно-праксеологических и социабельных функций. Это же относится и к установке на продолжительность жизни, ее срочность и интенцию бессмертия [140].

В нашей демографической практике первые результаты социально-демографического изучения установок на здоровье и продолжительность жизни были апробированы в 1982 г. на Всесоюзной демографической конференции в Киеве. А. И. Антонов разделяет потребности в безопасности (в безопасном существовании или сохранении организма) и потребность в самосохранении (в здоровье и продолжительном — по числу лет — существовании). По его мнению, направленность потребности в самосохранении связана с желанием прожить все стадии жизненного пути с детства до старости. Причем эмпирическое обследование не обнаружило тесной связи установок на продолжительность жизни и здоровье [154].

Для теоретического исследования структуры потребностей личности и определения в ней места потребности в самосохранении важным является вывод о том, что потребность в безопасности, здоровье и «длящемся существовании» оказывает существенное воздействие на потребность в семье и детях. Это означает, что система действий, отношений и даже инстинктов, опосредующих потребность в самосохранении, приобретает ценностное значение для регуляции брачного, сексуального, контрацептивного и репродуктивного поведения. Поэтому последовательное изучение, например, репродуктивного поведения должно начинаться с досконального познания самосохранительного поведения, как в демографической статистике рассмотрению рождаемости следует предпослать анализ смертности. На наш взгляд, в основе детерминации ССП «восходящих» линий демографического поведения лежат основные ценности образа жизни человека, группы, общества.

Существует ряд иных подходов к самосохранительной тематике. Так, А. Г. Вишневский различает два уровня ССП, которые называет «витальными программами рода и индивида». Он намеренно отказывается от термина «охрана жизни», считая такой подход слишком узким, и подчеркивает, что витальное поведение связано с положительной и отрицательной установками на сохранение и поддержание жизни. Ученый считает, что «...можно говорить о специфической деятельности, имеющей своим результатом изменение числа людей с повышенным (против установившихся в данном обществе стандартов) риском смертности» [43, с. 84]. Налицо — концепция факторов риска, и автор логически довершает ее анализом эндогенных, квазиэндогенных, экзогенных и прочих факторов дожития. А. Г. Вишневский подчеркивает, что он сторонник исторического изменения отношения к смерти, в противовес точке зрения на неизменность представлений человека о смерти как желания прожить как можно дольше [97]. А. Г. Вишневский признает существование ССП, но только как части витального поведения, дифференцирует традиционные и современные формы самосохранения по степени индивидуального выбора линий поведения. По его мнению, высшая ценность «витального» сознания — осознание ответственности за здоровье и жизнь человека. В культуре уже формируется образ такого поведения, чему способствует усиливающаяся антропоэкологическая напряженность среды и растущая «усталость» популяций. Нисходящая линия ССП — линия пассивного поведения, жизненного разочарования и застоя. В отличие от большинства исследователей ССП А. Г. Вишневский основную направленность витального поведения видит в образе жизни, а не только в здоровье [43].

В философско-социологической трактовке ССП у А. А. Петракова также обнаруживаем исключительную направленность ССП на здоровье, причем на всех уровнях — от индивида до общества. А. А. Петраков подчеркивает амбивалентность направленности ССП на положительные и деструктивные действия. По его мнению, «положительное самосохранительное поведение — результат здорового образа жизни. Так или иначе личность опосредованно или непосредственно, сама или с помощью других осуществляет свое самосохранительное поведение в течение жизни» [161, с. 116, 117]. В конце концов все сводится к рекомендациям В. Л. Леви — больше двигаться, умеренно питаться, по возможности больше пить воды, минимизировать половое общение, регулярно жертвовать свое время на загород-

ные прогулки, купание, массаж, практиковать аутотренинг и т. п. В процессе эмпирического обследования А. А. Петраков обнаруживает низкий уровень ССП на Урале в рабочей среде и приходит к выводу о необходимости пропаганды здорового образа жизни.

Л. В. Шибут склонна трактовать ССП как восстановительное — рекреативное поведение. Основная направленность рекреации — поддержание и восстановление здоровья человека. Рекреативное поведение определяет «позиция человека в отношении к своему здоровью». В свою очередь, рекреативное поведение распадается на «превентивное» — самосохранительное и реабилитационное — восстановительное и физическое саморазвитие. Превентивное поведение вытекает из линий конструктивного поведения, отказа от девиальных, деструктивных по своей направленности действий человека и соблюдения личной безопасности. В эмпирической части работы Л. В. Шибут исследовала фаталистический тип ССП наряду с конструктивным [165].

Обобщая накопленный материал по поведению личности, направленному на сохранение физических и духовных ценностей своего «Я»-образа, можно предложить следующую классификацию типов ССП в матричном виде:

Тип поведения	Традиционное (фатальное)	Современное (рациональное)
Конструктивное	×	×
Деструктивное	×	×

Для традиционного и современного — рационального — видов ССП характерно размежевание и противоречивое взаимодействие конструктивного, или положительного, поведения с одной стороны, и деструктивных форм, доходящих в своих крайних проявлениях до агрессии,— с другой. Агрессивные действия развиваются по нисходящей линии до гетеро- и аутоагрессии, превращаясь и закрепляясь устойчивыми типами патологии, т. е. необратимого регрессивного «развития». Конструктивная ветвь поведения распадается на отжившие архаичные фаталистические установки и ценности и рациональный тип. Последний по самосохранению «Я»-образа различается степенью проявления самосохранения или влечения к нему, распадается на три вида (подвида) поведения: критический (слабый), прагматический (средний) и альтруистический (высокий). На уровне ССП группы, группы — личности картина еще более дифференцируется. В случае использования в этой схеме ценностных оснований, характеризующих образ жизни (полноценный — ограниченный, здоровый — нездоровый, подвижный — малоподвижный), классификация видов ССП еще более усложняется, а при введении в нее характеристик психического склада личности (экстраверты — интраверты, циклоиды — шизоиды) становится многообразной.

И. В. Журавлева считает, что дать определение ССП достаточно сложно. В качестве рабочей гипотезы она предлагает следующую формулировку: «Самосохранительное поведение — это система отношений и действий, опосредующих заболеваемость и продолжительность жизни человека» [80, с. 159]. Определение сконструировано по аналогии с определением репродуктивного поведения, данным в свое время В. А. Борисовым [32, с. 16]. Но И. В. Журавлева этого и не скрывает. На наш взгляд, такой подход вполне правомерен, поскольку в нем содержится движение вперед в плане методологии. Как уже отмечалось, определение ССП зависит от того, признается или нет потребность в самосохранении у личности и что под ней понимается. При внешней простоте вопрос оказался методологически не разработан. Думается, что потребность в самосохранении — категория сложная, многоуровневая, связанная не только с ориентацией на «срочность» своего существования, но и с понятиями безопасности, здоровья, полноценности — благополучия. Кроме того, в мотивации поведения отражается действие психофизиологических реакций, которые нельзя оставить без внимания, как и переживания страха, паники, стресса или удовлетворения жизнью и хорошего самочувствия. Примем следующее определение ССП: это система реакций, действий и отношений, направленных на достижение безопасного, здорового и полноценного существования на всех этапах жизненного пути человека. Категория «жизненный путь» и ее соотношение с понятиями жизненного, семейного цикла разработаны в монографии И. С. Кона «Ребенок и общество» [104, с. 75]. В установке ССП заложена потребность не в простом повторении цикла «рождение — рост — зрелость — старение — смерть», что предполагает некоторую замкнутость в теории и переживается как безысходность на обыденном уровне. «Время жизни» — также понятие формальное, хотя фиксирует важные социальные вехи развития личности. И. С. Кон исходит из того, что человеческая жизнь — история, а не сумма вариаций на заданную тему. Концепция личности — это изменяющаяся личность в развивающемся мире. Категория жизненного пути сочетает в себе многомерность и хронологию событий, что роднит ее с понятием поколения, методами лонгтитьюда, когортных обследований в демографии. Возрастная дифференциация сочетается в ней с последовательностью жизненных событий [104]. Поэтому самосохранительная установка есть не что иное, как готовность существовать в условиях определенного образа жизни; определить и преодолеть свой жизненный путь. В установке на жизненный путь имеет место не только его «срочность», но и приятие или неприятие

(оценка) прошлого, настоящего и будущего (предвосхищение) жизненного пути — судьбы человека. Для всестороннего изучения этой проблемы еще предстоит создать развернутый социально-демографический инструментарий обследования. Пока что остановимся на изучении общественного мнения в отношении здоровья и продолжительности жизни — жизненного пути.

3.3. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА СУИЦИДА

А. Камю усматривал источник суицидогенных ситуаций в абсурдности существования человека. Абсурд — результат столкновения человека с внешней средой, расхождения результатов действий индивида с заданными изначально целями и потребностями. А. Камю пишет о том, что самоубийство всегда ранее рассматривалось исключительно в качестве социального феномена. «Мы же, напротив, с самого начала ставим вопрос о связи самоубийств с мышлением индивида». Он отмечает также, что есть самоубийства подготовленные, а есть внезапные, ничем не мотивированные попытки [92, с. 224]. Вместе с тем А. Камю соглашается, что самоубийцы часто уверены в том, что все-таки жизнь имеет смысл. Однако все сводить к «газетным причинам», по его мнению, нельзя. Точно также нельзя все объяснить мотивом, что жить больше не стоит. Причину самоубийства А. Камю связывает с переживанием абсурдности жизни — разрывом желаемого и реального. Существование человека для А. Камю связано с предельным напряжением, поддерживаемым всеми его силами в полном одиночестве [92, с. 260]. Судя по всему, перед нами концепция «итогового» самоубийства по причине усталости от жизни, ослабления воли к ней и ее проявлениям. Но особого влечения к смерти А. Камю не выделяет.

На наш взгляд, патологическое или даже рационально обоснованное влечение к собственной смерти не может быть аргументом существования некой потребности в смерти у человека. Интересно, что у З. Фрейда самоубийство связано не со стремлением уничтожить себя, а с намерениями «наказать» себя, иногда для того, чтобы, например, «пристыдить» виновника конфликтной ситуации. Следовательно, ценность или значимость суицида как поступка — в использовании его в качестве особого средства выхода из затруднительной ситуации, иногда даже временного. Формы различны. Это могут быть демонстративные попытки, шантаж, хулиганство, даже средство коммуникации и снятия внутреннего психического напряжения. Самоубийство — явление сложное. Формы аутоагрессии многообразны. На их фоне преднамеренное рационально обдуманное намерение покончить с собой — лишь одна из многих линий суицидального поведения. Таким образом, ссылки на суицид как доказательство потребности в смерти не могут ничего подтвердить. Казалось бы, аутоагрессия и самоубийство противостоят основной направленности самосохранительного поведения. Однако следует согласиться с мнением А. Г. Амбрумовой и Л. И. Постоваловой, что самоубийца в принципе нацелен не на смерть, а на жизнь. В силу конкретных ситуаций и обстоятельств он не может, хотя и хочет, продолжать жить [6]. В суицидальной ситуации проявляется у нормального в психическом отношении человека не склонность к смерти или ослабление воли к жизни, а переживание невозможности жизни. Именно в этом весь трагизм социальной обусловленности суицида. Между полюсами возможности и невозможности жизни образуется пространство, в котором «размещаются» основные жизненные ценности, в том числе те, что движут стремлением к самосохранению. При этом самосохранение можно представить как стремление к сохранению личностью тех целей и ценностей, ради которых следует жить. Суицидальная ситуация нередко хорошо раскрывает тот факт, что жизненная сила и энергия индивида в условиях дезадаптации могут быть направлены в гетеро- и аутоагрессивное русло. При этом всех самоубийц нельзя огульно записать в умалишенные. Патология — лишь небольшая часть проблемы. Справедливости ради следует вспомнить, что еще В. М. Бехтерев относил к психогенной патологии лишь пятую часть суицидов. К сожалению, сегодня их уже треть, но подавляющая часть суицидов патологией не объясняется. По определению А. Г. Амбрумовой, «суицид есть следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемых микросоциальных конфликтов» [130, с. 632—634]. Автор разработал диспозиционную теорию суицида и структуры суицидального поведения. А. Г. Амбрумовой принадлежит большая заслуга в распространении нового гуманного взгляда на суицид именно в годы тоталитаризма.

Для нас важно отметить, что суицид обусловлен не влечением к смерти, а вполне понятными жизненными потребностями и целями. Это подтверждается и логикой системного подхода — стремлением социальной системы к сохранению и воспроизводству своих элементов (что касается как органического, так и социального аспектов). Суицидальное поведение может быть квалифицировано как одна из разновидностей аутоагрессивного поведения и принадлежать в этом случае к формам агрессивного поведения личности. Если сохранение личностью своего «я», своих основных жизненных ценностей, включая безопасность, здоровье и благополучие, рассматривать в качестве основной направленности самосохранительного поведения, то в этом случае суицидальное поведение может быть представлено как линия, пусть и деструктивная, ССП личности в обществе. Если же самосохранение трактовать как самосохранение личностью своего тела, физического здоровья, то такой вывод сделать нельзя. Отношение к суициду меняется и в зависимости

от рамок трактуемого предмета, направленности ССП, а также в зависимости от принятых терминов.

Трудно согласиться с тем, что термин «самосохранительное поведение» следует заменить на «витальное поведение». Последний наиболее часто употребляется в философской и медицинской литературе. «Витальное поведение», по мнению А. Г. Вишневского, включается в поведение восстановительное — рекреативное, а значит, исключает суицидальное [43]. В таком контексте суицидальное поведение — антивитальное, что, на наш взгляд, ошибочно. Это обнаруживается в эмпирическом исследовании суицидального поведения. Выявляется высокая социальная значимость суицидальных поступков, особенно для семьи, родных, близких и знакомых, т. е. ближайшего социального окружения. Суицид прежде всего затрагивает взаимоотношение личности и группы, семьи. Социально-демографический аспект суицида в нашей литературе исследован недостаточно, хотя он имеет важнейшее значение, в том числе для ССП личности, поскольку суицидальное поведение, с одной стороны, обладает заражающим психологическим эффектом, а с другой — может быть с успехом подвергнуто коррекции.

Следует сразу обратить внимание на тот общеизвестный факт, что попыток на самоубийство у взрослых в 8—10 раз больше, чем суицидов с летальным исходом. Если число суицидов со смертельным исходом больше в два-три раза у мужчин, то количеством попыток отличаются как раз женщины, по-видимому, за счет демонстративно-шантажных поступков. В последних действиях нет никакой жажды смерти. Они широко распространены в быту и общении близких друг другу людей и связаны с семейно-брачными отношениями. Преследуются вполне понятные цели: удержать брачного партнера, захватить и поддерживать власть в семье, сообщить свою значимость партнеру, иногда изменить отношение окружающих к себе с помощью поведения повышенного риска. Один из самых негативных моментов в семейной жизни связан с тем, что дети, нередко имитируя взаимоотношения родителей, предпринимают попытки «сыграть» суицидогенную ситуацию, что ведет к случаям бессмысленного детского самоубийства. Взрослых суицидентов часто после реализации суицидальной попытки охватывает страх за свое существование — срабатывает регуляция низшего — инстинктивного — этажа самосохранения. В детской психологии в силу незрелого и неадекватного фантастического отношения к окружающему миру могут иметь место имитации собственной смерти, переживания картин посмертного характера.

В повторных суицидальных попытках проявляется не только психическая патология, но нередко и нерешенность социальных проблем личности. В принципе психотерапия способна снять суицидальную мотивацию у нормального человека, вывести его из депрессивного состояния, нездоровой ситуации. Отсюда большая

значимость распространившихся за рубежом и в нашей стране специализированных суицидологических центров, институтов психологической помощи, добровольных служб.

Судя по статистике, в 1987 г. в СССР число самоубийств со смертельным исходом составило 54 тыс., в том числе на Урале — 6,6 тыс., при этом в последние годы численность суицидов возрастает: в 1989 г. в СССР — 60,3 тыс., в России — 37,7 тыс. Потенциал самоубийств можно оценить в 500—600 тыс. попыток в год, из них десятая часть приходится на Уральский регион. «Вал» суицидов ведет себя неровно, чутко реагируя на значительные общественные изменения, происходящие в стране. Несомненное влияние на суицид оказал рост социальной активности в перестроечные годы, опыт краткосрочной дезалкоголизации населения, оживление индивидуальной общественно-экономической активности. Вместе с тем следует отметить негативное влияние роста цен и стоимости жизни, преступности, высокий уровень несчастных случаев, отравлений и травм. Вообще депопуляционная тенденция определенным образом подстегивает рост суицидов.

В 1984—1985 гг. нами было предпринято (с разрешения облмедэкспертизы Свердловской области) выборочное обследование дел, связанных с суицидами. Естественно, что статистика суицидов по делам медэкспертизы не могла быть полной, но изучение 540 дел позволило выделить социально-демографические особенности суицида в крупном городе. Если в 1984 г. в Свердловске было установлено по делам судмедэкспертизы около 540 самоубийств, то в 1985 г. их количество снизилось до 448, в 1986 г.— до 349 случаев, а в 1987 г. составило 384. В 1988 г. число самоубийств вновь стало расти и составило 388 (или 395 по уточненным данным). При этом на мужчин пришлось 245, а на женщин — 143 суицида. Устойчивой оказалась пропорция убийств и самоубийств: последних в два раза больше.

Анализ показал, что суицид характерен чаще для старших возрастных групп. Так, средний возраст мужчин-суицидентов составил 46,3 года. У женщин он оказался 55,8 года, что значительно отклоняется от среднего возраста страны, республики, не говоря о населении мира. Мужских самоубийств насчитывалось в 1,8 раза больше по сравнению с убийствами, у женщин этот перевес троекратный. В целом по области было зарегистрировано в 1988 г. 1565 самоубийств, из них мужские дела составили 905 случаев, на городскую местность пришлось 86,1 %, что совпадает со статистикой расселения. Вместе с тем последнее свидетельствует о том, что село на Среднем Урале не менее суицидогенно, чем город. На Свердловск пришлась четверть всех самоубийств области, что несколько меньше доли сосредоточенного в нем населения (это не подтверждает версию о суицидогенности фактора высокой концентрации населения в крупных и сверхкрупных городах). То же обнаружилось при обра-

щении к относительным показателям: число суицидов в Свердловске в расчете на 100 тыс. человек составило 28,6, убийств — 13,6, тогда как в целом по области суициды составили 33,1, в том числе в городской местности — 32,7, а на селе — 40,6 случаев на 100 тыс. населения. Суицидогенность села особенно неблагоприятна для мужчин. Так, среди всех случаев в городе мужской суицид составил 68,7 %, на селе — 78,5 %. Доля самоубийств среди молодежи в городской местности составила 23,3, в сельской — 26,8 %, среди женщин — соответственно 12,8 и 11,3 %. В целом по области суицид более молод, чем в Свердловске. Здесь доля суицидов, совершенных в трудоспособном возрасте, в 1988 г. у мужчин составила 76,3 %, у женщин значительно меньше — 42,6 %. Наиболее высока она у лиц рабочего возраста в сельской местности — 84,0 %, а минимальна также на селе у женщин — 35,8 %. Эти факты наводят на мысль о тесной связи возрастной структуры населения с уровнем самоубийств.

Наглядно влияние постарения населения как суицидогенной составляющей проявляется в доле пожилых суицидентов, т. е. самоубийств в возрасте старше 60 лет. В Свердловске таковая составила 22,0 %, у женщин в два раза больше — 47,6 %, в городской местности доля «пожилых» суицидов достигает у мужчин пятой части, у женщин — половины всех случаев с летальным исходом в году.

Повозрастная частота суицидов у мужчин и женщин столь же неодинакова, как и продолжительность жизни. Так, в возрастной группе 10—14 лет в расчете на 100 тыс. человек на мужчин пришлось 1,0, на женщин — всего 0,1 летальных случаев. Затем частота суицида резко набирает рост и в возрасте 15—19 лет составляет по области соответственно 2,3 и 1,2 случая, в группе 20—24 лет — 39,3 и 9,9, в возрасте 25—29 лет — 57,4 и 10,6 случаев. Заметный рост суицида у женщин начинается после 40 лет. Так, в возрастной группе 40—44 лет на 100 тыс. населения пришлось в 1988 г. у лиц мужского пола 71,7 и у женщин — 18,8 случаев суицида. В возрасте 60—64 лет частота смертности от суицида достигает 87,8 и 36,8 случаев соответственно, затем после незначительного спада следует снижение самоубийств, приходящихся на престарелые возрасты, причем у мужчин в возрасте 80—84 лет частота случаев в расчете на 100 тыс. человек достигает 25,8, у женщин старше 85 лет — 13,3 случаев.

В целом на Урале уровень самоубийств в 1988 г. был выше среднесоюзного (27 случаев против 19 в расчете на 100 тыс населения). Этот региональный фон сказывается и на Свердловской области и Свердловске. Статистика самоубийств в целом по стране, в том числе по отдельным повозрастным группам мужчин и женщин, подтверждает предположение о больших потерях от суицида в старших возрастных группах и о не менее

сильном распространении этого явления среди лиц наиболее трудоспособного возраста. Число умерших от самоубийств и суицидальных попыток в расчете на 100 тыс. человек в СССР в 1988 г. составило [42]:

Возраст	Мужчины	Женщины
Моложе 20 лет	4,1	1,5
20—24	22,5	5,6
25—29	34,4	5,6
30—39	43,8	7,2
40—49	54,8	11,5
50—59	54,9	14,8
60—69	48,2	17,6
70 и старше	75,5	27,7
Всего по стране . . .	30,8	9,3

Смертность мужчин в три раза больше, чем женщин, а в возрастах 25—39 лет — в шесть раз. Однако более важным свидетельством Госкомстата является официально признанное положение о том, что уровень смертности от самоубийств значительно колеблется по территории страны от двух — восьми случаев на 100 тыс. человек в Средней Азии, Закавказье до 23—36 в РСФСР и Прибалтике. Таким образом, на суицидальном поведении сильно сказываются этнодемографические, религиозные и культурные факторы, что связывает его в этом смысле с другими видами демографического поведения и установками на качество жизни и продолжительность жизненного пути. По статистике 1989 г., на Урал приходится 17,5 % всех самоубийств в Российской Федерации. Основную часть вала суицидов дает Свердловская область (1,6 тыс.), но наибольшие темпы роста наблюдаются в Башкирии. В Свердловской области особенно высок уровень потерь от суицидов на селе (44,9 случаев в расчете на 100 тыс. населения за 1989 г. против 32,7 — в городской местности, 78 % погибших — мужчины).

Распределение повозрастной частоты самоубийств наводит на мысль, что постарение населения ее «стимулирует» (возможно, из-за ослабления воли к жизни) по мере потери у людей жизнеспособности и «витальных» сил, а скорее всего — в силу того особого положения, в которое попадает пожилой человек в обществе. Здесь можно отметить усиливающуюся дезадаптацию как морально-психологического, так и физического плана, нарастающую конфликтность со средой и прочие факторы, которые изучает социальная геронтология и психология. По-видимому, «старые» популяции Европы и Америки уже одной своей демографической структурой воспроизводят высокую вероятность суицида. Последний тесно связан с синдромом одиночества, автономизации замкнутости индивида на себя, с социально-

психологической предрасположенностью общества к интравертности формируемой личности, жесткости и аггрессивности субкультур. На уровне индивидуальности суицидогенные факторы могут быть обусловлены чертами сугубо личного свойства. Нельзя отрицать, что имеют место и особые суицидальные установки, предрасположенность в определенной ситуации действовать в форме «ухода из жизни».

Выборочное обследование подтвердило высокую степень социально-демографической детерминированности суицидальных действий. Были установлены время, место, способы и средства самоубийства, характер территориального распределения, по возможности вскрыты социально-бытовые обстоятельства. Обращалось внимание на степень алкогольного опьянения, характер отравляющих веществ, была предпринята попытка квалифицировать мотивы суицида по комплексу факторов суицидогенной ситуации. Результаты вскрытия показали, что степень алкогольной интоксикации не была у суицидентов в целом высокой, т. е. алкоголь и его употребление встречались в каждом втором случае, но степень алкогольного опьянения не была высокой. Только 3,4 % суицидентов перед попыткой употребили примерно 0,5 литра водки и 3,1 % находились в более тяжелом состоянии опьянения, причем таковых даже у мужчин трудоспособного возраста было не более 5 %. Судя по всему, алкоголь использовался для облегчения попытки самоубийства. Половина суицидентов не употребляла алкоголь совершенно, а четверть находилась в слабой степени алкогольного отравления, каждый пятый имел среднюю степень алкоголизации. У пожилых мужчин алкоголь не был обнаружен в двух из трех случаев, у женщин пьяной была только каждая пятая. Менее трезвой, безусловно, была группа лиц трудоспособного возраста. Алкоголь не был обнаружен только в каждом третьем случае. Все это подвергает большому сомнению справедливость версии о сугубо алкогольном характере происхождения суицида. Судя по всему, суицид и алкоголизация — производные одних и тех же социальных мотивов.

Жилищные условия суицидентов были идентичными для горожан — без каких-либо отклонений по степени стесненности в жилищных условиях с общим массивом населения. Свою квартиру имели 84,5 % суицидентов, в общежитиях проживали 3,6 %, в своем доме — 9,9 %. Не имели жилья 0,2 и у 2 % жилищное положение установлено не было. Среди молодых суицидентов в общежитиях проживал на момент попытки каждый десятый, тогда как в среднем возрасте — только 2,2 %, а в группе пожилых суицидентов — всего 0,9 %. Бездомные все были молодыми людьми. В целом фактор жилищного положения оказался на удивление достаточно благополучным.

По фактору времени совершения суицида не было обнаружено практически ничего нового. Наибольший пик самоубийств

пришелся на апрель-май, что составило 11,4—12,3 % всех случаев. На этот весенний период у молодых мужчин приходится 29,1 % случаев, у женщин наблюдается заметный всплеск — 43,7 % (тогда как осенью — 18,7, зимой — 6,3 %). На весенний период падает треть всех суицидов мужчин рабочего возраста, а на зиму — пятая часть; у женщин трудоспособного возраста, покончивших жизнь самоубийством, на весну приходится 30,2 % попыток, что меньше, чем у пожилых женщин. Последние уже не реагируют на весенний период столь бурно, как молодые, и пик суицида у них смещен больше на лето, чем на весну,— 31,8 % всех случаев в данной возрастной группе суицидентов. Среди всех отмеченных суицидов на зимний период пришлось 21,6 %. Относительно спокоен и осенний период — 22,2 %. Ярко выражены весенний и летний уровни самоубийств в городе — 31,6 и 24,6 %. Трудно сказать, связано ли это с тем, что на весенне-летний период приходится больше межличностных конфликтов. Однако связь с уровнем социальной и территориальной активности, несомненно, есть. Характер ее, однако, не понятен. Изучение распределения суицидов по дням недели выявило совершенно традиционную картину. Наиболее суицидогенным оказался понедельник с его переходом от отдыха и покоя к повышенному интенсивному и напряженному ритму работы и жизни, от лабильности — к отрезвлению и похмельному синдрому. На понедельник пришлось 17,5 % случаев самоубийств, тогда как, например, на вторник и пятницу — только 12,5 %. Особенно тяжел понедельник для мужчин. Очевидно, что именно мужские суициды определяют всплеск самоубийств в этот день недели, причем наиболее выражен мужской суицид в рабочем возрасте. Женские суициды дают другую картину, они падают в основном на среду, четверг и пятницу, что вообще трудно объяснимо.

Распределение случаев суицида по декадам месяца обнаруживает, что наиболее неблагополучна для мужчин последняя декада месяца, менее напряженна — первая. Это совпадает с производственным циклом. У женщин опять-таки картина противоположная. На последнюю десятидневку приходится всего 27,2 % суицидов. В распределении по времени суток наиболее суицидоопасным оказалось вечернее время в период с 20 до 22 часов: на него приходится половина всех попыток, тогда как на ночь — только 8,8 %. Однако регистрация времени попытки по делам судмедэкспертизы весьма неточна.

Локализация суицидов со смертельным исходом вскрывает некоторые черты территориального поведения суицидентов. Безусловно, подавляющая часть суицидов — две трети — приходится на квартиры, причем в квартире это чаще бытовые и подсобные помещения, а не жилая часть. Менее всего склонны к самоубийству «по месту проживания» молодые суициденты и, как ни странно, пожилые. Тем не менее в этих группах на квартирные суициды пришлось соответственно 64,2 и 54,2 %.

На характер локализации суицида, конечно, оказывает влияние жилищное положение совершающего его, однако жесткой зависимости здесь нет. Напомним, что из молодежной группы суицидентов проживали в государственной либо кооперативной квартире 78,9 %, у пожилых и престарелых — 86,3 %. В среднем каждый восьмой суицидент покончил жизнь самоубийством вне стен своего дома, в молодежной группе таковых уже четверть. В группе пожилых — одна треть.

На свой дом или дом с приусадебным участком приходится только 9,0 % суицидов, что совпадает с жилищной статистикой. Но значительная часть покончивших жизнь самоубийством в своем доме фактически осуществляет суицидальную попытку не в жилище, а за его пределами. Обычно это бытовые постройки, сараи, кладовые, бани, двор. В избегании суицидентами собственно жилой среды, по-видимому, проявляется осознание постыдности своего поступка, может быть, нежелание осквернять свой дом. Все это в конечном итоге говорит о предвосхищении последствий своего поступка, переживании этого предвосхищения и коррекции на этой базе поведения.

На общежития пришлось в целом только 2,4 % суицидов, в молодежной группе — 6,4 %, что не превышает доли проживающих в общежитиях. В чужой квартире покончили жизнь самоубийством 4,1 % суицидентов; в садах, парках, водоемах города — 2,7 %; на улицах, в отдельно стоящих вне дома постройках и подобных строениях — 3,5 %, в больницах — 1,3, на железной дороге, шоссе — 1,7, в местах заключения — 0,9 %, причем последняя цифра малодостоверна из-за неполноты общего учета. На места работы пришлось всего 1,9 % случаев, на гаражи — 0,2 %, в прочих местах произошло 0,4 % суицидов в городе за год.

Обнаруженное число посмертных записок незначительно: их всего 3,5 % от числа дел по суицидам. В записках оказалось очень много стандартных либо немотивированных просьб типа «не оживлять», «не винить». По-видимому, из-за недостаточно точного учета обстоятельств среди общего числа суицидов оказалось мало свидетельств о психопатологии — только в 7,8 % дел. Зато достаточно подробно описаны техника экспертизы и причины смерти.

Наиболее распространенным способом совершения суицида оказалось самоповешение — 62,5 %. Менее всего склонны к такому сведению счетов с жизнью молодые женщины — 50 % всех случаев. Женщины разнообразнее в выборе способов суицида, однако самоповешение выходит на первый план еще и потому, что самоотравления во многом нейтрализуются успешными действиями областной токсикологической службы. В результате на самоотравления пришлось 17,7 % суицидов с летальным исходом. Эта доля оказалась одинаковой у мужского и женского контингента. Значительный рост самоотравлений наблюдается

у женщин среднего и пожилого возраста — 35,7 и 21,7 % соответственно.

Третье место среди способов суицида принадлежит падению с высоты — 12,5 %. Удивительно, что к этому чудовищному способу чаще всего прибегают пожилые суицидентки (22,7 %) и вообще чаще женщины, нежели мужчины. Так, у молодых женщин падение с высоты встречается в каждом четвертом случае, тогда как «полеты» у мужчин среднего возраста зарегистрированы в 7,8 % случаев. Далее у мужчин следуют попадания под железнодорожный и автотранспорт — 2,4 %; самоповреждения (колото-резаные раны) — 2,2 %; самострелы — 0,8 %; сожжение током — 1,1 %. Среди утопившихся в основном женщины — 0,8 %.

По группе суицидов, совершенных с помощью отравления, картина несколько архаичная, но присущая Уралу: на первом месте среди применяемых суицидентами средств — уксусная кислота. У мужчин таких отравлений 37,7, у женщин — 47,7 %. Употребление веществ группы хлор — карбофос — в 21,2 % случаев (преобладает у мужчин). На различные медикаментозные средства у мужчин приходится 6,6 %, у женщин — 13,2 % отравившихся; на мышьяк, яды — 8,1 %; снотворные препараты — 6,1 %; щелочные — 2,0 %. Особую группу представляют отравившиеся дихлорэтаном. В основном это «мужские» самоотравления. Комбинированные способы суицида представлены мало.

В ходе рассмотрения документов по суицидам удалось сформировать подвыборку дел с характерными признаками ситуации самоубийства. Социально-ситуационная обусловленность 143 случаев самоубийств следующая:

Признак ситуации	Доля дел, %
Одиночество, в том числе в старости	41,2
Психические заболевания, патология	25,2
Алкоголизм, пьянство, запои	9,8
Тяжелая неизлечимая болезнь	9,1
Семейные конфликты, ссоры	4,9
Избиения, изнасилование, унижения	2,8
Конфликт на работе	2,8
Расстройство половой сферы	2,1
Тюремное заключение	1,4
Физический шок, травма	0,7

Выявленные ситуации суицидального поведения и их иерархия не бесспорны. Однако примерно к таким же выводам пришел в свое время и Ю. Пэйк [125]. В его шкале тяжелых депрессивных ситуаций — смерть ребенка, жены, родственника, тюремное заключение, супружеская измена, серьезные материальные затруднения, конфликты на работе, развод и крушение семьи. Затем следуют такие причины, как вызов в суд, серьезное заболевание, потеря дорогой и любимой вещи, отсутствие инте-

ресной работы, провал на экзаменах, расторжение помолвки, переезд, связанный со сменой жительства, помолвка сына или дочери, выход на пенсию, разлука с любимым человеком, ссоры с родителями и родственниками. У Ю. Пэйка преобладают мотивы семейного характера.

Изучение ситуаций и мотивов показывает, что установка на суицид тесно связана с содержанием установки личности на самосохранение — намерение продолжать жить или отказаться от жизненно важных целей и в крайнем случае — от самого существования. Представленная нами иерархия ситуаций напоминает мотивацию самосохранительного поведения по типу «хотят прожить как можно дольше, однако... не желают, скорее, не могут, потому что...», разработанную и обследованную А. И. Антоновым в 1985—1986 гг. с помощью анкеты «Здоровье населения» [154]. В группе респондентов, утвердительно ответивших на вопрос о намерении прожить как можно дольше, но указавших на некоторые мотивы нежелания этого, встречаются такие доводы: нежелание в связи с болезнью остаться одинокими; предположения, что лучше умереть, чем мучиться от болезней; боязнь быть беспомощным. Очевидно, что такое нежелание долгожительства ассоциируется с предвосхищением переживаний неизбежной старости и неудобств, связанных с необходимостью прожить пожилой возраст. Эти же мотивы имели место в группе лиц, не желающих прожить как можно дольше: нежелание быть беспомощным, принять мучения от болезней, стать обузой родным и близким.

Опыт обследования суицидального поведения женщин, находившихся в первом либо повторном браке и имевших попытки самоубийств, обнаруживает приоритет фактора супружеских конфликтов. Так, Н. В. Конончук выделяет прежде всего конфликты на сексуальной почве — 71,4 % у женщин, состоящих в первом браке, и 85,7 % — во втором. Изучаемая группа пациентов находилась в возрасте 17—45 лет и имела диагноз «самоотравление». Однако в этом случае во внимание не были приняты реактивные депрессии, истерические реакции, поведение шантажного типа, алкоголизм. Конфликты у суициденток в семье с родственниками заняли второе место в обеих брачных группах и составили всего 10,2 и 9,5 %. На третьем месте — производственно-учебные конфликты — 16,4 и 4,8 %; бытовые составили всего 2 %. Н. В. Конончук отмечает, что заявляемые суициденткой поводы покушений на собственную жизнь не всегда в действительности соответствовали реальным мотивам. У 55,7 % конфликты были многосторонними, а в четверти случаев имела место ситуация, сопровождавшаяся серьезной психической травмой. Истинный мотив — негативная итоговая оценка своего жизненного пути — в двух случаях из трех связан с межличностной ситуацией. Следует отметить также, что 62 % суициденток, попавших в отделение токсикологии, росли в неполных семьях.

Таким образом, в поле зрения обследования попала весьма специфическая категория населения [106].

В ходе пилотажного обследования многодетных семей ПО «Уралмаш» в 1989 г. было собрано 106 анкет. Нам удалось вставить в инструментарий обследования вопросы о нормативной и ожидаемой продолжительности жизни, а кроме того, задать респондентам вопрос: «В каких ситуациях, на Ваш взгляд, человеческое существование утрачивает смысл полноценной жизни?» Подавляющая часть ответивших — женщины. Средняя нормативная величина продолжительности жизни составила в выборке 77,8, а ожидаемая — 70,3 года. Все вопросы были открытого типа, в том числе и вопрос об утрате ценности жизни. Опрошенные в качестве причин дезадаптации в первую очередь выделили инвалидность и тяжелую болезнь — 41,6 %. На втором месте оказалось сразу два конкурирующих мотива: плохое здоровье и неблагополучие в семье — по 16,7 %. Но если расширить рамки действия семейного фактора за счет ссылок на мотивы одиночества и отсутствия семьи (8,3 %), отсутствия детей (11,1 %), то он выходит во мнениях женщин о причинах дезадаптации на второе место (36,1 %). Среди прочих ситуаций-мотивов назывались алкоголизм мужа, стрессы на работе, трехсменный режим занятости, отсутствие работы, жизнь без денег, неблагоприятная экология, неустроенность в жизни, разочарование в ней. Таким образом, мнение многодетных женщин о полноценности жизни связано прежде всего с состоянием здоровья и семьей, что в общем-то проверяется прямым вопросом об основных жизненных ценностях и целях человека.

Социально-психологические ценности суицидального поведения преобладают. Среди них важнейшая роль принадлежит потребности быть включенным в определенную микросреду, группу, семью. Социальная обусловленность суицида на более высоком — общественном — уровне в свое время была детально рассмотрена Э. Дюркгеймом, Н. П. Бруханским [78, 35].

Мотивационная сторона суицида — наиболее интересный аспект. Рассматривая его, можно проследить тесную связь с, казалось бы, противоположной линией поведения индивида и группы — нацеленностью на безопасность и самосохранение. К сожалению, массовых социологических обследований по этой проблеме мы не знаем. А. Г. Амбрумова и Л. И. Постовалова, отмечая ущербность официозной точки зрения на суицид, в своих социологических исследованиях раскрывают мотивы самоубийств, но не дают их иерархию и структуру [6].

Мотивация суицидального поведения, как и самосохранительного, остается мало раскрытой. В 1990 г. обследование многодетных семей на УЗТМ Свердловска (ИЭ УрО РАН, руководитель И. П. Мокеров) было завершено, что позволило автору получить более подробную информацию о самосохранительном поведении в многодетной семье. Обследование охватило 398 се-

мей (только 8 % анкет были заполнены мужчинами, однако анкета имела специально разработанный бланк для учета членов семьи и предшествующих опросу демособытий в семье). Из всей совокупности трех- и четырехдетные семьи составили 89,5 %. Собственно многодетными, имеющими большее количество детей, было всего 8,5 % семей. Среди замужних женщин, попавших в выборку многодетных, татаро-башкирская группа составила 15,5 %, что сразу сняло версию об этническом характере многодетности в выборке. Подсчет индикаторов репродуктивного поведения показал, что желаемое число детей у обследованных составило в расчете на 100 женщин 423, ожидаемое — 343 и фактическое на момент обследования — 333. Следовательно, ориентация группы была в основном на среднедетность, что отразилось в мотивации деторождения. В последней явно преобладали социально-психологические мотивы (любовь к детям, желание иметь ребенка другого пола, быть отцом или матерью). При этом в группе с большим числом детей приоритет отдавался социальным ценностям детей. Треть опрошенных наряду с прочими мотивами указали, что рождение детей было следствием стечения обстоятельств, нежеланием или невозможностью сделать аборт.

Ответы на вопрос о ситуациях утраты полноценности жизни были значительно разнообразнее тех, которые получены в ходе предварительного пилотажного обследования. В трех пятилетних группах женщин, начиная с 30 лет, числилось примерно по четверти опрошенных, в возрасте старше 50 лет — 7,5 %, в молодежной группе до 30 лет — 8,4 %. Средний возраст опрошенных составил 38,7 года, что характерно для высоких очередностей рождения детей. Средние оценки нормы дожития, по мнению опрошенных, составили 80,6 года, а лично ожидаемые заметно ниже, чем в пилотажном обследовании — 67,2 года. В немногочисленной группе респондентов-мужчин показатели выше (соответственно 83,8 и 69,0 года). Мотивация полноценности жизни оказалась разнообразнее ранее предполагаемой. Как и в предварительном обследовании, утрата смысла полноценного существования связывалась замужними женщинами с тяжелой болезнью, плохим здоровьем, инвалидностью (26,9 %). На втором месте оказался мотив материальных затруднений, «нищенского существования» (15,4 %). Однако он не намного опередил мотивы одиночества и отсутствия семьи (11,7 %), а также дестабилизации супружеских отношений (ссоры, скандалы, конфликты в семье, взаимное непонимание супругов). На фактор напряженности супружеских отношений указало 14,4 % опрошенных женщин. Отдельно можно говорить о ссылках женщин на алкоголизацию супругов, пьянство мужа (13,3 %). С включением этого акцента в состав мотивов супружеского неблагополучия острая неудовлетворенность супружеской жизнью оказывается даже не на втором, а на первом месте среди мотивов утраты

ощущения полноценности существования (27,7 %). Отсутствие детей либо их плохое поведение и неблагодарность, напряженность внутрисемейных отношений становятся лейтмотивом утраты смысла полноценной жизни (в совокупности эти мотивы составляют мнение 40,2 % опрошенных). Ссылки на плохое здоровье можно объединить с экологическим неблагополучием, характерным для территории ПО УЗТМ и окружающих его жилых массивов. Вместе со ссылками на болезни детей и неблагополучную экологическую обстановку (2,2 и 10,7 % опрошенных) мотивы «нездоровья» (39,8 %) практически не уступают по значимости мотивам дестабилизации внутрисемейных отношений. Группу мотивов одиночества также можно увеличить за счет ссылок на отсутствие детей (11,4 %), любимого человека (1,1 %), смерть супруга (1,1 %), детей (2,2 %), родителей (0,4 %). В целом на утрату близкого человека указала лишь двадцатая часть опрошенных. Всего группа мотивов одиночества составляет 30,9 %, уступая лишь первым двум (напряженности внутрисемейных отношений и мотивам плохого здоровья и экологической обстановки).

К четвертой группе — кругу мотивов неудовлетворенности доходами и материальным положением — могут быть также отнесены ссылки на фактор дефицита продуктов питания и товаров, большие очереди (11,8 %), а также рост цен и дороговизну (2,2 %), на что в совокупности указали 29,4 % опрошенных. Затем в ряду мотивов идут плохие жилищно-бытовые условия — десятая часть опрошенных.

В пятую группу вошли мотивы общественно-политической нестабильности: рост преступности, наркомании, проституции (9,2 %), неуверенность в государстве (1,1 %), несправедливость (1,1 %), угрозы войны (0,8 %), личная несвобода и т. д.

К шестой группе отнесены ответы чисто психологического характера: неудовлетворенность существованием, невыносимость жизни и безразличие к ней (3,3 %), отсутствие веры в жизнь, человека, в будущее (1,8 %), переживание стресса и нервных потрясений (3,3 %), в целом — 8,4 %.

Небольшим количеством респондентов высказаны мотивы утраты смысла жизни по причине чрезмерной занятости женщины-матери. В их число вошли: тяжелый труд и усталость от работы (1,8 %), конфликты на производстве (1,1 %), отсутствие любимой работы и безработица (1,1 %) — в целом не более 4 %.

Специфическую группу мотивов образовали ссылки на агрессивность социальной среды по отношению к многодетной семье (хамство, бюрократизм, негативное отношение окружающих к многодетной матери) — 3 %.

И, наконец, только две женщины и один мужчина из 299 давших ответы на этот открытый вопрос высказали мнение о том, что ни при каких условиях жизнь не утрачивает свой смысл.

В малочисленной группе респондентов, состоящей из мужчин

(28 чел.), на первое место вышли проблемы не личного, а общественного плана. Это рост преступности, наркомании (9 чел.), проблемы экологии и дефицита продуктов питания (5 чел.). Затем последовали ссылки на одиночество и отсутствие семьи (4 чел.), плохое здоровье и алкоголизм (3 чел.), двое указали на войну и национальную вражду. Остальные мотивы — усталость, отсутствие детей, плохие жилищные условия и доходы, смерть детей, родителей, плохое отношение окружающих, стресс, отсутствие любимой работы, конфликты в семье, неудовлетворенность жизнью и т. д. упоминаются одиночно. Данные относительно мужчин не обладают надежной статистической достоверностью, но подтверждают, что мужская мотивация к жизни иная, нежели у женщин. Тем не менее и у мужчин, несмотря на понятное в 1989—1990 гг. влияние социально-политических и экономических событий, синдром одиночества выражен достаточно заметно как причина утраты воли к жизни. Тяжелое заболевание (плохое здоровье) и одиночество, усиливаемые или ослабляемые социальным фоном, образуют пресуицидальную ситуацию. В демографическом аспекте фон может определяться тенденциями изменения половозрастной (например, постарение населения) и семейной структуры населения (нуклеаризация семей, высокий уровень несемейного населения). В свою очередь, за демографическими факторами просматривается действие социально-экономических и социально-психологических причин. Но так можно рассуждать только в рамках факторной модели. В границах поведенческого подхода социально-демографический аспект имеет самостоятельное значение наряду с социально-экономическим.

Трудно идет процесс трансформации общественного мнения к суициду и его причинам в нашем обществе. Бытовавшую полстолетия концепцию суицида как порождения психопатологических состояний не столь легко поколебать. Она строится на безупречно правильной позиции — при нормальных условиях, которые создал в нашей стране социализм для существования человека, социальных причин для самоубийства нет, за исключением психических заболеваний. Однако многие исторические и современные факты свидетельствуют о том, что как раз нормальных условий и не было создано. Это касается выбора интересной и творческой работы, принуждения к труду, жилищных условий, не говоря уже о политических репрессиях, поставивших сотни тысяч людей в суицидогенные ситуации. Деспотический социализм, уничтожая классы, закрепил с помощью репрессий и сословных привилегий социальную структуру, жестко регламентировавшую поведение человека, обусловил иерархично замкнутые рамки человеческих отношений, культивировал слепой фанатизм, лицемерный гуманизм, прикрывавший с помощью уродливой двойной морали фактическое пренебрежение и бессердечие к судьбам миллионов людей. Геноцид, бездушное слепое распоряжение миллионами человеческих судеб в мирное и тем более военное время стимулировали лавинообразно нарастающее число суицидов, в том числе по политическим мотивам, причем именно у той деятельной части общества, которую никак нельзя было упрекнуть в безволии. Естественно, что оспаривать тот факт, что нормальные социальные условия должны определить низкий уровень самоубийств, нельзя. Однако суицид — не столько общественная, сколько микросоциальная, межличностная проблема, и общее благополучие еще не способно ее решить, не говоря уже о психогенных факторах и их передаче от поколения к поколению живущих.

А. Г. Амбрумова постоянно обращает внимание на тот факт, что и сегодня реакция общественного мнения на суицид далека от нетерпимости. Известие о том, что кто-то покончил жизнь самоубийством, вызывает разную реакцию: 1 — не осуждение, а сочувствие (ассоциируется с несчастьем, постигшим семью); 2 — негласное поощрение (если речь идет о человеке, превратившемся в обузу для здоровых членов семьи); 3 — дела о самоубийствах, как правило, «закрываются» или, вернее, так и не «открываются», что выгодно следствию и родственникам. Таким образом, осуждение и репрессии со стороны общества сменились на «равнодушно-понимающе-одобрительный» настрой общественного мнения. Равнодушие становится на этом фоне доминирующей чертой. В целом суицид можно охарактеризовать как «ложную» побочную ветвь самосохранительного поведения, так как «самоубийца отрицает не саму по себе жизнь, а ее нежелательный вариант, предлагаемый судьбой» [6]. Истинные мотивы самоубийства, как правило, скрыты от окружающих привычными стандартными «клише», ложная мотивация поступка нередко обращена «на себя» в сознании суицидента.

Суицид подготовлен определенной поведенческой моделью и культурой. В мотивах самоубийства внимание заострено на текущей ситуации переживания межличностного конфликта и на постигшем несчастье. А. Г. Амбрумова выделяет мотивы бегства от травмирующей ситуации, использование суицида как веского эмоционального аргумента в споре, супружеском и ином конфликте близких людей. Далее выделены мотивы психологической травмы. Они отличаются от ситуации коммуникативного срыва. В них — указание на боль, усталость от жизни, тяжелую болезнь, потерю перспектив существования. Мотивом может быть внутреннее переживание своего психического нездоровья, усугубляемого оскорбительным отношением окружающих к суициденту.

По А. Г. Амбрумовой, суицидогенны такие группы людей повышенного риска, как пожилые, престарелые, студенты, подростки, мигранты, разведенные. Речь явно идет о социально-демографической детерминированности суицида. Однако нельзя согласиться с тем, что повышение образовательного уровня ав-

томатически ведет к повышению вероятности потерь населения от самоубийств. Поэтому предполагать высокую вероятность самоубийств в студенческой среде приходится по другим причинам, связанным, скорее, с тем разрывом в желаемом и реальном, о котором говорил А. Камю. Согласно модели избыточной смертности Э. Китагавы, повышение уровня образования и доходов у мужчин способно снять более трети потерь от суицида. По ее расчетам на основе повозрастной стандартизации, избыточный потенциал смертности от неблагоприятных социально-экономических причин для населения в возрасте 25—64 лет, проживающего в США в 1960 г., составил при потерях от туберкулеза — 57 %, в результате несчастных случаев — 48, от рака желудка — 47, самоубийств — 37 % по мужскому контингенту. У женщин избыточная смертность (та, которая могла бы не наступить, если бы среди населения преобладал уровень смертности, свойственный белому населению высокого социально-экономического положения) пришлась прежде всего на злокачественные образования желудка — 63 %, сахарный диабет — 60 и гипертонию — 53 %. Избыточной смертности от суицидов у женщин не просматривается [95, с. 171—175, 184, 189]. Вывод, полученный по модели Э. Китагавы относительно потенциала снижения потерь от суицида, совпадает с данными А. Г. Амбрумовой, которая считает, что от суицидов гибнет треть совершенно здоровых людей, треть находится в пограничных психологических состояниях и треть поражена психическими и прочими заболеваниями. В мотивации рационально обоснованного суицида отражается содержание самосохранительных установок, смысл жизни, идеалы долга и ответственности, их противоречивая взаимосвязь и взаимодействие. По мнению А. Г. Амбрумовой, «идеалы милосердия, самоотречения, благотворительности, долга, личной ответственности многим кажутся сегодня слишком старомодными либо крайне абстрактными. Их оттесняют на второй план такие более осязаемые ценности, как материальный достаток, собственное здоровье, жизненные удовольствия. Широко распространился культ физической силы, неувядаемой молодости, полноты и новизны ощущений. Все большее число людей склонны подходить к своей жизни с подобными мерками, но далеко не всем удается приспособиться к этим требованиям — здесь и создается почва для психологического дискомфорта. Различные виды суицидального поведения по сути дела отражают неудачи и падения на пути достижения видимых знаков житейского благополучия» [6; 9, с. 53—58].

Л. И. Постовалова, анализируя материалы зарубежной суицидологии, обнаруживает массу свидетельств социально-демографической обусловленности роста самоубийств [172]. Э. Пейкель, Дж. Майерс, Ж. Линденталь и Дж. Таннер обследовали феномен суицидальной предрасположенности у 720 англичан

в 1974 г. У 8,9 % была выявлена суицидальная настроенность разной степени выраженности. Симптоматично, что опять на первое место вышли факторы коммуникативной замкнутости, изоляции, одиночества, проблем детства, стресса, психосоматических травм личности. С этими же факторами связана теория пресуицидального синдрома австрийских психологов Э. Рингеля и П. Сенсбери. Семейные факторы выступают на первый план в работах А. Аима, А. Кудера и в многочисленных обследованиях аномалий семейного профиля. Для понимания последней проблемы много сделали Э. Дюркгейм, который выделил растущую тенденцию к индивидуализации поведения человека в XIX в., а также Хальбвакс [172] с его теорией типологии самоубийств. Таким образом, накоплено достаточно много материалов личностного, группового и общественного плана, позволяющих сформулировать демографическую гипотезу роста суицидов в современном обществе в связи с его тотальным постарением, вызванным, по мнению Э. Россета, в основном сокращением числа детей в семье [179]. Постарение населения, нуклеаризация семьи и сокращение числа детей объективно способствуют распространению синдрома тяжелого переживания одиночества, коммуникативной замкнутости личности в обществе, росту числа людей с пониженной адаптивной способностью, вызывают нестабильность в семье, увеличивают частоту супружеских конфликтов и неурядиц.

3.4. МНЕНИЯ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Как правило, в демографии оценка жизненного пути и его продолжительности производится применительно к условному поколению чисто статистически; другую разновидность составляют когортные обследования смертности. Это и определяет отношение к показателю средней ожидаемой продолжительности жизни и данным таблиц дожития. По мнению М. С. Бедного, положительным в изучении проблемы жизни и смерти является использование показателя средней ожидаемой продолжительности жизни в качестве критерия здоровья населения [20]. Однако логика жизни несколько отлична от логики статистической модели.

Как можно было убедиться ранее, самой распространенной оценкой жизни выступает ее определение через смерть. Опыт чужой смерти, по-видимому, отражается во мнениях относительно нормативной, желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, которые используются в социологии [154].

На наш взгляд, эти индикаторы (показатели) можно интерпретировать как представления о срочности своего бытия в зависимости от этапа жизненного пути, критерия здоровья, качества жизни, уровня демографического сознания, культуры самосохранительного поведения. Центральный смысл — выяснение

оценки продолжительности жизненного пути вообще, нормального для своей среды и для себя, в частности.

Помимо отношения к «срочности» своего бытия, у личности имеет место оценка фактора поведения по сравнению с факторами качественной работы здравоохранения, экологии и их влияния на здоровье и продолжительность жизни. Этот вопрос важен для постановки проблемы самосохранительного поведения в целом. Интересно, что при обследовании групп молодежи в 1985 г. (223 чел.) и в 1988 г. (140 чел.), занятых на предприятиях в центре Свердловска, выявилась эволюция точки зрения на данный вопрос. Если в 1985 г. все группы молодежи выделили по возможности положительного воздействия на здоровье фактор необходимости улучшения работы здравоохранения, а затем роль семьи и поведенческий фактор, то в 1986 г. мнения разделились: в младшей возрастной группе молодежи поведенческий фактор стал оцениваться выше других, особенно у девушек (60,9 %). В старшей возрастной группе увеличилось значение экологического фактора (47,1 %). Любопытно, что при разной методике опроса об оценках роли поведенческого фактора наблюдаются и разные результаты. Так, при опросе экспертов, осуществленном В. А. Борисовым и Е. Б. Бабиным в 1986—1987 гг. (52 чел.), факторами, определяющими региональные различия в средней продолжительности жизни в СССР, были, судя по среднему баллу оценки, уровень развития здравоохранения — 4,46; уровень санитарной культуры населения — 4,34; неравномерность развития социальной инфраструктуры — 3,92; этнокультурные особенности традиций и образа жизни — 3,66; различия в образе жизни — 3,47; климатические и другие особенности территории — 2,64. Поведенческий фактор в глазах экспертов (8 докторов и 38 кандидатов наук) не был наиболее значимым [17]. Таким образом, мнение молодежи, далекой от науки, и мнение представителей науки в целом совпали. Однако медицинские методики утверждают обратное — первенствуют поведенческий фактор и борьба за здоровый образ жизни. На такого рода расчеты опирается И. В. Бестужев-Лада, показывая, что на «нездоровый» образ жизни приходилось более половины случаев смертности в США в 1977 г., или А. И. Антонов — сравнивая расчетную структуру причин смертности от недостатков работы здравоохранения со смертностью от гиподинамии и курения [154]. Однако методики элиминирования причин смертности вытекают из концепций факторов смертности или ее причинно-факторного опосредования. Система причин, факторов и субфакторов смертности рассмотрена у Б. Ц. Урланиса [217]. Что касается факторной модели здоровья и продолжительности жизни, то, по оценке Г. П. Киселевой, ближе к социологической парадигме факторная модель Е. М. Андреева, согласно которой смертность населения обусловлена видовой, или фоновой, смертностью, присущей человеку как биологическому виду, и возрастной, которая определяется сложившейся структурой причин смертности [94]. Анализу закона Гомперца — Мейкема и математическим моделям дожития посвящены работы Л. А. Гаврилова и Н. С. Гавриловой [66].

В ходе обследования коллектива Всесоюзного НИИ метрологии и стандартных образцов в Свердловске в 1985—1986 гг. опрошено более 500 чел. и отобрано 486 добросовестно заполненных анкет. В программу социально-демографического обследования вошли вопросы, касающиеся самосохранительного поведения и репродуктивной ориентации, параллельно изучались характеристики психологического климата и производственно-бытовых условий. Недостатком программы было отсутствие вопросов об «идеальной» и «желаемой» продолжительности жизни и мотивации самосохранительного поведения. Преимущество заключалось в уникальной возможности провести сплошное обследование, что гарантировало избежание получаемых обычно «перекосов» выборки в массовых обследованиях и обеспечило высокую надежность информации. Данные обработаны на ЭВМ. Инициатива и исполнение обследования принадлежат автору. Помимо результатов данного обследования в нашем распоряжении находится материал исследования молодых семей на Урале за 1982—1985 гг., проводившегося под руководством Б. С. Павлова. В ходе обследований этого периода было опрошено 2072 респондента обоего пола.

Во всех обследованиях вели изучение системы ценностных ориентаций личности. Результаты показали, что частота ссылок на здоровье как основную жизненную ценность в Магнитогорске и Свердловске оказалась одинаковой. Установлена зависимость оценки значимости здоровья от образовательного уровня респондентов в выборке. Так, при обследовании в Златоусте, Кировграде и совхозах Свердловской области, а также в ходе опроса 1074 человек на заводе УЭТМ Свердловска в 1981 г. обнаружено, что по числу лет образования мужчины явно отставали от женщин. В результате значимость ценности здоровья у женщин была выше, чем у мужского контингента. При одинаковом образовательном цензе разницы в значимости здоровья у мужчин и женщин не наблюдалось. Значимость этого фактора растет прямо пропорционально уровню образования и культуры. Это выясняется и при косвенных вопросах. Например, частота ссылок на здоровье как фактор, препятствующий рождаемости, на УЭТМ оказалась у женщин ИТР в возрасте от 30 до 39 лет включительно наиболее высокой. В Магнитогорске на значимость здоровья как основной жизненной ценности в семьях рабочих указало 46,2 %, служащих — 50,7 %. В Златоусте на ценность здоровья в группе лиц, имеющих образование в объеме 8—9 классов среднеобразовательной школы, указало 46 %, среднее техническое и среднее специальное образование — 53,7, 10—11 классов школы — 64,4, незаконченное

высшее образование — 65,9, высшее образование — 66,7 % (всего опрошено 562 человека в возрасте до 35 лет). При этом обнаружилась четко выраженная зависимость значимости здоровья от типа проживания молодых семей — с родителями и родственниками или самостоятельно. У проживающих самостоятельно и отдельно от родителей частота ссылок на значимость здоровья достигла 52,6 % от числа опрошенных в группе, в группах живущих вместе с родителями мужа — 45,2 %, вместе с родителями жены — 39,1 %. Число опрошенных соответственно составило 363, 148 и 133 человек. Чем теснее родственные связи, тем значимей оказались ценности хороших жилищно-бытовых условий или потребность в квартире.

В коллективе ВНИИМСО Свердловска, отличающемся высоким образовательным и научным потенциалом, оценка значимости здоровья была высокой, увеличиваясь с возрастом от 40 до 70 %. При этом доля лиц с высшим образованием составила у молодежи 58,1 %, в средней возрастной группе 30—39 лет — 62,1, в группе 40-летних и старше 50 лет — 51,3 %. Понижение образовательного потенциала в старших возрастных группах обусловлено включением в состав опрошенных пожилых мужчин опытного производства. Доля с высшим и незаконченным высшим образованием в целом у мужчин составила 59,7, у женщин — 60,4 %. Налицо абсолютно равный образовательный уровень, что позволило в дальнейшем избежать корректировки полученных данных по стандарту образования.

Значимость здоровья в группе состоящих в браке оказалась на уровне 46,7 %, в то же время ссылки на потребность в спокойной жизни сделали не больше десятой части опрошенных, при этом из состоящих во втором браке на значимость ценности здоровья указали 57,1 % (на ценность спокойного существования вдвое больше — 20,4 %).

Неоднозначную оценку получили основные жизненные цели человека в различных возрастных группах (табл. 3.1).

Симптоматично, что с переходом к старшим возрастным группам соотношение ценностей меняется: значимость материального благополучия отступает, а альтруизма — заметно растет, причем в первую очередь альтруистические порывы характерны для мужчин. Последовательно сокращается ориентация на «хорошую семью», что тревожит, тем более что это отмечается у людей предпенсионного возраста. По-видимому, на определение ценности семьи в группе «предпожилого» возраста влияют объективные обстоятельства нарастающего одиночества, а не только уменьшение субъективной потребности в семье. Самым стабильным, но слабо выраженным в шкале ценностей оказался досуг — потребность в веселом и содержательном времяпрепровождении. Ориентация на занятия искусствами, музыкой, а также потребность в уважении со стороны окружающих растет с возрастом, но незначительно. Средние возрастные группы в от-

Таблица 3.1

Изменение значимости основных жизненных целей человека в зависимости от возраста, % опрошенных в группе

Ценность (цель)	Группа, лет				Мужчины	Женщины
	До 30	30—39	40—49	50 и старше		
Хорошая семья	56,8	53,1	44,7	35,9	44,9	51,0
Дети *	21,6	31,7	35,4	33,3	33,0	27,9
Материальное благополучие	47,3	36,7	37,8	38,5	41,5	36,7
Спокойная жизнь, постоянство достигнутого положения	9,5	10,7	9,9	24,4	10,7	13,9
Стремление приносить пользу людям	13,5	21,5	25,0	24,4	28,6	16,7
Потребность в уважении окружающих	8,1	8,2	9,3	10,3	6,8	10,8
Интересная творческая работа	37,8	46,8	51,1	34,6	47,0	43,0
Хорошие жилищно-бытовые условия	23,0	30,3	27,3	32,1	29,5	27,5
Содержательный досуг	5,4	4,4	3,5	5,1	5,2	4,3
Здоровье	40,5	56,9	57,6	70,5	54,7	59,0
Хорошие друзья	27,0	25,9	26,7	19,2	24,8	25,9
Занятия искусствами	6,8	5,1	4,7	10,3	6,8	5,2

* Значимость ценности детей определена суммированием процентов указавших на ценность первого, второго и третьего ребенка в семье.

Таблица 3.2

Самооценка состояния здоровья в различных половозрастных группах опрошенных, % опрошенных в группе

Характер самочувствия	Возрастная группа, лет				Мужчины	Женщины	Оба пола
	До 30	30—39	40—49	50 и старше			
Полностью здоров	15,9	5,0	4,2	8,7	11,6	8,9	7,1
Особых жалоб нет	49,3	42,3	35,3	32,4	45,3	33,6	39,3
Последнее время здоровье стало слабее	27,9	45,5	51,4	45,9	38,7	51,0	45,1
Постоянно плохо себя чувствую	7,2	6,4	9,0	13,5	4,4	12,4	8,6

личие от молодых и приближающихся к пенсии показали на наиболее высокую потребность в интересной и творческой работе. Изменение значимости этого фактора с возрастом подобно функции жизнеспособности («расцвета — зрелости — угасания» адаптивных возможностей организма), при этом мужчины придали большее значение ценности творческой работы по сравнению с женщинами. Однако женщины оказались также высоко ориентированы на творческий характер профессиональной занятости, что отчасти подтверждается их неудовлетворенностью выполняемыми служебными обязанностями. Наиболее радикально с возрастом изменяется потребность в здоровье — уже в группах старше 30 лет она начинает первенствовать в шкале ценностей, а в предпенсионной когорте ее значимость превосходит любую другую ценность не менее чем в два раза.

Основная масса опрошенных в возрастах старше 30 лет жалуется на ухудшение здоровья и плохое самочувствие (табл. 3.2). Увеличение доли полностью здоровых в предпенсионном возрасте связано с тем, что в этой группе преобладают мужчины, занятые на опытном производстве. Для них характерно некоторое завышение в оценках состояния здоровья и самочувствия. Кроме того, часть этих рабочих проживает в Среднеуральске — пригороде Свердловска, имеющем курортный профиль. Остальные данные не противоречат логике. Женщины вновь более остро отреагировали на оценку собственного самочувствия. Симптоматично, что доля женщин, «постоянно себя плохо чувствующих», в три раза больше таковых среди мужчин. Возможно, чем выше уровень образования изучаемой группы населения, тем острее и радикальней оценка состояния собственного здоровья у женщин по сравнению с мужчинами. Есть и обратная связь: выбор образования означает и выбор жизненного пути, а значит, и жизненных ценностей. Наши выводы расходятся с результатами обследования оценок самочувствия, полученными А. И. Антоновым и И. В. Журавлевой в Литве, где более пессимистические самооценки здоровья даны мужчинами. Заметим, что среди мужчин только четверть (а у женщин — две трети) заняты умственным трудом. В ходе обследования в Литве опрошено 860 человек методом случайной выборки; кроме того, Литву и Западную Украину отличает особая социокультурная ситуация — уровень образования и характер труда могут резко отличаться от действительного культурного уровня личности [154]. Характерно, что И. В. Журавлева подчеркивает региональные оценки в самочувствии населения. Судя по результатам всесоюзного обследования образа жизни советских людей, проведенного ИС АН СССР под руководством И. Т. Левыкина в Латвии, Московской, Владимирской, Калининской и Пермской областях, доля оценок «плохое здоровье» возрастает, а «хорошее здоровье» — уменьшается по мере движения с запада на восток. Обнаружена зависимость между самооценками здоровья и местом последнего в структуре ценностной ориентации респондентов. По-видимому, такой факт характерен для территориальных сравнений, тогда как в нашем обследовании в различных возрастных группах этого не наблюдалось — ценность здоровья повышалась, а удовлетворенность им падала.

В ходе обследования коллектива ВНИИМСО (Свердловск) выяснялось отношение опрошенных к нормам дожития: «Прожить долго — значит прожить сколько лет?» и одновременно была предпринята попытка определить ожидаемую продолжительность жизненного пути: «До скольких лет Вы могли бы дожить, если бы условия жизни не изменились?» Наибольший интерес представляет оценка продолжительности своего жизненного пути. Более четверти опрошенных затруднились точно ответить на вопрос, большинство высказало намерение жить невероятно долго или как можно дольше, часть респондентов затруднилась дать ответ. В группе ответивших распределение ответов по возрасту респондентов обнаружило явную аккумуляцию указываемых границ дожития в интервалах, кратных десяти годам, а также выявилось увеличение ожидаемых сроков дожития с ростом прожитого числа лет. В молодежной группе за пределами 70 лет собирается жить 22,5 %, у 30-летних доля таковых достигает 40 %, в контингенте 40-летних их уже половина, а в старшей возрастной группе — 62,0 % (табл. 3.3).

При оценке норм дожития ничего подобного не наблюдается. В группе до 30 лет рассуждают так: «Дожить бы до 50 лет и то хорошо; 30-летние сдвигают сроки дожития до 70 лет; когорта 40-летних, оглядываясь на прожитый жизненный путь, считает, что у них впереди есть запас в сорок лет», предпенсионный возраст ориентируется в основном на рубеж 80 лет. Высказываясь о нормах дожития или продолжительности жизненного пути других, т. е. безотносительно себя, человек становится неумолимым судьей, который не отпускает земному существованию другого ничего лишнего. Мало того, доля указывающих на высокие нормы дожития в старших возрастных группах уменьшается. Так, в молодежной группе считают, что «прожить долго — значит прожить 80 лет» — 34,3 %, у 30-летних — 30,7 %, среди 40-летнего контингента таковых только пятая часть, столько же — в предпенсионном возрасте. По-видимому, на оценку дожития влияет информация о смертности. Накопленный жизненный опыт и самочувствие корректируют установку на продолжительность жизненного пути, а значит, меняется и психология — мотивы дожития. Об этом говорит изменение ценностной ориентации в разных возрастных группах. Различия между средним модальным возрастом по «факту» и возрастом предполагаемого дожития у опрошенных обнаруживают «функционирование» очень простой формулы: длина прожитого жизненного пути проецируется на будущее в качестве возможной жизненной перспективы или, проще говоря, величина среднего возраста каждой возрастной

Таблица 3.3

Распределение опрошенных по возрастным группам и ожидаемой продолжительности жизни, % в группе

Могли бы дожить до, лет	Группа, лет				Всего
	До 30	30—39	40—49	50 и старше	
До 50	28,7	13,5	4,9	—	10,8
50,1 — 60	24,6	20,2	17,6	10,0	18,4
60,1 — 70	22,4	33,7	30,4	38,0	31,5
70,1 — 80	12,3	26,8	34,4	40,0	29,5
Старше 80	10,2	5,8	12,7	12,0	9,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3.4

Зависимость индикаторов самосохранительного и репродуктивного поведения от возрастных различий респондентов

Индикатор	Возрастная группа, лет				Мужчины	Женщины
	До 30	30—39	40—49	50 и старше		
Число детей на 100 опрошенных . . .						
Фактическое . . .	97	145	153	166	162	131
Ожидаемое . . .	200	173	160	150	178	160
Желаемое	240	238	242	231	249	236
Идеальное . . .	224	217	234	255	211	221
Прожить долго — значит прожить, лет .	81,9	81,6	79,5	77,9	80,9	79,8
Могли бы дожить, если бы условия жизни не изменились, лет в среднем . . .	64,1	68,3	72,0	75,3	72,2	68,1
Число опрошенных . .	70	153	159	67	190	217

Таблица 3.5

Мнения о продолжительности жизненного пути в зависимости от самооценки здоровья

Самооценка здоровья	Средняя продолжительность жизни, лет					
	Ожидаемая			Нормативная		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
Полностью здоров . .	72,0	70,0	71,2	82,9	80,0	81,5
Особых жалоб нет . .	67,8	71,4	69,8	80,0	80,6	80,4
Здоровье стало слабее	65,0	67,6	66,6	79,7	80,1	80,0

группы умножается на два (25×2=50; 35×2=70; 40×2=80). Однако в старших возрастных группах это правило перестает действовать и в лучшем случае прогнозируется половинный отрезок прожитого жизненного пути. Приведенные примеры, конечно, не бесспорны. Ясно одно: механизм оценки жизненной перспективы всецело базируется на опыте и продолжительности пройденного участка жизненного пути.

И. С. Кон подчеркивает, что отношение человека к жизни и смерти имеет следующие уровни: личностный — интраиндивидуальный, межличностный — влияние смерти на близких, трансиндивидуальный — философский аспект [102]. У пожилых он выделяет активную и пассивную линии поведения в отношении к жизни и смерти, пользуясь критерием активной творческой старости, или активного долголетия, по определению А. А. Микулова [133]. Активное долголетие распадается, в свою очередь, на четыре типа: активная профессиональная и общественная ориентация; забота о материальном благополучии, отдыхе и том, чего недоставало всю жизнь; замкнутость на семью и заботы о внуках и домочадцах (женщины); забота об укреплении собственного здоровья. В противовес этим четырем типам существуют «агрессивные старые ворчуны» и группа одиноких и «грустных» неудачников. Главным остается, однако, не возрастной критерий, старость лишь усиливает или уменьшает проявление личностных различий [102]. Опыт и процесс интериоризации коррелируют установку личности на долголетие.

Сопоставим показатели ССП с социально-демографическими параметрами обследуемого коллектива, уделяя особое внимание связям самосохранительного и репродуктивного поведения. Выявилось заметное влияние половозрастных различий (табл. 3.4). Заметна обратная корреляция величины ожидаемой продолжительности жизненного пути с величиной репродуктивных ожиданий, что вполне соответствует логике. Здесь следует сделать лишь одно замечание: репродуктивные ожидания в отличие от витальных более адекватно отражают истинные намерения личности. Вновь проявляется оптимистический характер мужчин, склонных завышать по сравнению с женщинами репродуктивные и самосохранительные ожидания. Общеизвестна ощутимая разница в показателях средней продолжительности жизни по таблицам смертности мужчин и женщин. В нашей стране она особенно велика на Урале, и на то есть свои причины [147]. Тем более легкомысленными кажутся самосохранительные ожидания у мужчин. Подобная картина была обнаружена в обследовании групп населения Вильнюса, Шяуляя, Черновцов, Львова в 1985—1986 гг. Ожидаемая величина продолжительности жизни составила у мужчин в среднем 70,5 и у женщин 65,8 лет [154]. Думается, что более высокие самосохранительные ожидания в нашем обследовании связаны не только с разницей в редакции вопроса об ожидаемом числе лет жизни, но самое главное —

с возрастной структурой и образовательным потенциалом обследуемых.

Судя по таблицам смертности, наиболее адекватно оценивают самосохранительную ситуацию респонденты в возрасте 30—39 лет. Так, в Свердловске в 1986—1987 гг. средняя предстоящая продолжительность жизни у мужчин и женщин составила 66,7 и 74,4 года соответственно.

Учитывая повышенную объективность оценок продолжительности жизни или длительности своего жизненного пути в группе 30-летних, свяжем среднюю ожидаемую и нормативную продолжительность жизни с характером самочувствия опрошенных в данной группе. Получим следующее распределение «витальных» аттитьюдов по степени самочувствия (табл. 3.5).

Обращает на себя внимание «монолитная» твердость оценки норм у женщин. У мужчин происходит незначительное снижение средней «идеальной» продолжительности жизненного пути по мере того, как здоровье становится слабее. Однако разница в возрасте в полярных по самочувствию группах всего три года. Тенденция к уменьшению сроков своего жизненного пути под влиянием опыта жизни выражена заметно и связана с ухудшением самочувствия и здоровья в данной возрастной группе. Вариация средней ожидаемой продолжительности жизни оказалась значительной: у мужчин она составила семь, а у женщин — почти четыре года.

Если опрошенные могли быть в какой-то мере информированы о продолжительности жизни в современном обществе в целом и на местах, то в отношении дифференциации показателей по брачному состоянию такое маловероятно. Расчеты обнаружили потрясающую картину предвосхищения жизненного пути и его длительности в зависимости от признания влияния своего брачного положения или, проще говоря, отношения к семейной жизни. Ожидаемая продолжительность жизни в группе 30-летних мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке,— 66,5 лет, состоявших в первом браке — 72,8 года (причем женщины, состоящие в браке, надеются в среднем прожить 77,6 года, а мужчины — только 68,4 года). В группе лиц, состоящих в повторном браке, величина ожидаемой продолжительности жизни сократилась до 68,3 года в целом, у женщин упала до 70, а у мужчин — до 65 лет. У переживших развод и не вступивших в повторный брак намерения жить оказались еще более скромными и составили в целом по группе 62 года. Интересно, что в группе тех, кто разошелся, но еще не оформил этого юридически, ожидания выше — 66,4 года (в этой группе оказались исключительно женщины). У вдовых женщин в возрасте 30—39 лет витальные намерения чудовищно низкие — не более 50 лет. Мы уже ознакомились с данными о значительном влиянии на установки ССП возрастной функции, поэтому интересно сообщить о том, что в когорте никогда не состоящих в браке

Таблица 3.6

Изменение показателей самосохранительного и репродуктивного поведения в зависимости от стажа брачной жизни

Число лет в браке	Ожидаемое число детей на 100 семей	Лет жизни на человека	Доля низкой самооценки, %
До 5 лет	189	66,7	47,6
5—14	175	69,0	41,7
15—24	164	68,7	30,4
25—29	148	76,9	19,2

Таблица 3.7

Распределение ответов респондентов по оценке норм дожития, %

Границы норм дожития, лет	Группы респондентов в поселениях	
	«чистых»	«загрязненных»
До 70 лет	12,1/19,2	2,9/5,3
71—80	27,5/36,5	26,5/27,8
81—90	18,7/13,5	24,5/25,2
91—100	31,8/23,1	29,4/26,1
101 и более	9,9/7,7	16,7/15,9
Среднее число лет . .	83,9/81,3	88,0/86,9

Примечание. Здесь и в табл. 3.8: в числителе — мужчины, в знаменателе — женщины.

Таблица 3.8

Распределение ответов респондентов о намерениях дожития, %

Ожидаемое число лет дожития	Группы респондентов в поселениях	
	«чистых»	«загрязненных»
До 61	10,5/20,2	11,3/15,2
61—70	23,8/29,8	34,0/40,3
71—80	49,7/38,6	32,1/21,4
81—90	9,0/4,4	13,4/19,6
91—100	7,0/7,0	8,2/0,8
101 и более	—	1,0/2,7
Среднее число лет на респондента . . .	73,3/70,3	73,1/71,3

мужчин и женщин в целом среднее ожидаемое число лет жизни составило 66,0 (столько же, сколько в группе 30-летних); при этом доля тех, кто намеревается прожить до 70 лет включительно, составила 52,4 %. В группе первобрачных средний жизненный срок был выше — 71,7 года (доля низкой самооценки — 31,6 %). В группе повторного брака, где по логике должны быть сосредоточены люди более старших возрастов, величина ожиданий в среднем составила 70,5 лет (42,5 %), у разведенных — 66,4 года (46,4 %), у вдовых наблюдались наиболее низкие самосохранительные ожидания — 59,2 года (величина низкой самооценки достигла 3%).

Вопрос о социальных и других причинах дифференциации продолжительности жизни в зависимости от семейного состояния подробно рассмотрен в книге А. Г. Волкова «Семья — объект демографии» [59]. Опрошенным был задан вопрос, обращавший их именно к условиям своего существования, т. е. жизненному опыту. Безусловно, полученные результаты предстоит еще раз проверить на массовых выборках и объяснить. К нашему большому сожалению, мы упустили в обследовании вопрос о желаемых размерах жизненного пути.

Самооценка дожития в зависимости от конкретных условий существования оказалась связанной не только с брачным состоянием, но и с продолжительностью стажа брачной жизни и ожидаемым числом детей в браке (табл. 3.6). Увеличение стажа брачной жизни прямо пропорционально увеличению сроков жизненного пути и уменьшению ожидаемого числа детей в семье. В целом просматривается сильное влияние функции возраста. Полученные данные можно интерпретировать как снижение эффективности репродуктивной функции, ее исчерпание, что влияет на высоту репродуктивных ожиданий. При этом у супругов усиливается желание прожить как можно дольше, связанное с идеалами и ценностями семейной жизни. У вдовых можно наблюдать резкое снижение этого желания, что объясняется потерей близкого человека и переживанием состояния дезадаптации в условиях микросреды.

Обследование обнаружило связь ценности детей со сроками планируемой продолжительности жизненного пути человека. Так, в группе бездетных величина средней ожидаемой продолжительности жизни составила только 69,1 года, при этом низкую самооценку показали 43,9 % опрошенных. При наличии одного ребенка витальные намерения также невысоки и средняя продолжительность ожидаемой жизни — всего 68,7 года (46,1 % дали низкую самооценку). В группе двухдетных семей эти показатели равны соответственно 72,0 годам и 25,3 %, трехдетных — 75,4 года и 21,4 %. Для того чтобы как-то устранить влияние возрастной функции, проверим данные по возрасту детей. В этом случае у опрошенных, имеющих одного ребенка в возрасте 3—5 лет, средняя ожидаемая продолжительность жизни

составила 68,7 года, а в семьях, имеющих двоих детей этого же возраста,— 78,9 года (при низкой самооценке в 22,2 %). По-видимому, дети — это достаточно мощный стимул жизни и тем более намерений прожить долгую жизнь. Этот вывод находит подтверждение и в группе семей со старшими детьми: средняя продолжительность жизненного пути в однодетной категории семей (ребенку более 16 лет) составила 71,9 года, в двухдетной — 75,7 года. Но трехдетность, судя по всему, оценивается как неблагоприятный фактор для продолжительности жизненного пути (68,8 года), плохо вписывается в идеалы жизненного пути городской семьи. Оптимальна в этом плане двухдетность.

Обследование показало, что мужчины резко завысили пороги собственного дожития, а женщины занизили. Очевидно, что в своих субъективных оценках и те и другие менее всего исходили из знания показателей таблиц смертности, хотя один из них — обобщающий — известен всем достаточно образованным людям. Срок 70 лет жизни прочно вошел даже в массовое сознание.

Самое сильное влияние оказали факторы возраста, стажа брачной жизни и самочувствия, что и следовало ожидать. Поражает, однако, другое — аскетизм свердловчан в отношении перспектив собственного долголетия в среднем и в каждой возрастной группе. Характерно, что при повторных обследованиях в молодежных группах в 1989 и 1991 гг. на УЗТМ и в микрорайоне «Волгоградский» были получены схожие оценки дожития. Средняя нормативная продолжительность жизни составила 81 год, что соответствует лучшим мировым стандартам. А средняя оценка ожидаемого жизненного пути у женщин не превысила 67,2 года, у оптимистов-мужчин — 69 лет. Основные ситуации утраты смысла существования при этом ассоциировались у опрошенных с тяжелой болезнью, плохим здоровьем, инвалидностью и нищенским существованием. Вслед за этим фигурировали мотивы одиночества, отсутствия семьи, острых супружеских конфликтов. Опрос на ВИЗе, проведенный в среде более благополучных семей, принес и более благоприятные оценки своего дожития в среднем: 77 лет у мужчин и 70 лет у женщин, однако и в этом случае уровень самооценки оказался весьма аскетичным.

Проведенное в1992 г. в Каменском районе Свердловской области обследование позволило дополнить основные представления респондентов о желаемой и ожидаемой продолжительности их жизненного пути. В анкету были включены вопросы о субъективной оценке продолжительности жизни человека (до скольких лет он рассчитывает дожить) и об ориентации на норму долгожительства в своей среде (прожить долго — сколько это означает прожить)? Ответы на последний вопрос сосредоточились в интервале 80—90 лет. При этом часть ответов группировалась вокруг 70-летнего, часть — 90-летнего рубежей. В целом

оценка нормы дожития в регионе оказалась довольно высокой: 86 лет — для мужчин и 84 года — для женщин. Это превышает аналогичные пожелания, высказанные респондентами при обследовании в 1987 г., когда в среднем для разновозрастного массива мужчин прожить долго означало прожить 80,9 года, а для женщин — 79,8 года (табл. 3.7). Анализ полученных данных позволяет сделать предположение, что при низкой фактической доживаемости желаемая продолжительность жизни существенно преувеличена и идеализирована. Тем не менее на вопрос о предполагаемой реальной продолжительности собственной жизни респонденты ответили более реалистично.

Интересна дифференциация ответов о нормах дожития. При погодичной разбивке выделились две группы: указывающих возраст 80 лет — 31,1 % опрошенных, 100 лет — 30,5 %. При определении собственных перспектив дожития картина получилась более пестрой. Самой многочисленной оказалась группа лиц, намеренных дожить до 70 лет (32,6 %), затем — 80 лет (27,7), ограничились 60 годами — 10,3 и 75-летним рубежом — 8,4 %. На 100 лет претендует всего 5,3 % опрошенных (табл. 3.8).

За счет фактора постарения населения средняя оценка продолжительности собственной жизни у опрошенных жителей Каменского района оказалась несколько завышенной по сравнению с таблицами смертности (продолжительности жизни). Причем наибольшее завышение опять характерно для мужской части опрашиваемых. Женщины более реалистично оценивают перспективы продолжительности своей жизни, как, впрочем, и иные жизненно важные проблемы (например число детей в семье). Безусловно, полученные данные о намерениях дожития требуют серьезной корректировки по возрастным группам респондентов, но в целом становится ясно, что экологический тип территории не влияет на личностную оценку дожития. Это же подтверждается при рассмотрении распределения величины ожидаемого дожития по числу ожидаемых детей. У лиц, не намеренных иметь детей, среднее число ожидаемых лет жизни составило в группе 30—39 лет 66,3 года, а в целом по коллективу опрошенных — 69,8 года; у собирающихся иметь ребенка — соответственно 66,1 и 66,6 года; в группе ориентирующихся на рождение второго ребенка — 70,8 и 69,3 года (причем у женщин — 71,4 года); у небольшой группы собирающихся иметь третьего ребенка в семье — 69,6; в целом по всему контингенту опрошенных — ровно 70 лет.

Ожидаемое число детей связано с переживаемой семьей жизненной ситуацией и этапом ее формирования как группы — из этого вытекает необходимость коррекции репродуктивных и самосохранительных планов. Проще говоря, по полученным данным выясняются представления о здоровой, благополучной, полноценной двухдетной семье, имеющей возможность в условиях растущего благополучия родить третьего ребенка. Это не означает, что и в действительности все обстоит именно так, ведь мы имеем дело с высказываемым мнением. Отношение к детям проявляется в мотивах-ценностях репродуктивного поведения, при этом социально-экономические ценности деторождения обнаружили стимулирующее влияние на самосохранительные ожидания:

Мотив рождения детей	Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	
	В возрасте 30—39 лет	Во всех группах
Дети помогут по дому и хозяйству	71,2	77,2
Обеспечить продолжение рода, фамилии	75,0	70,2
Избежать одиночества в старости	71,4	70,9
С детьми интереснее жить и общаться	72,3	69,2
Хочу ребенка другого пола	70,4	62,8
Сильная любовь к детям	69,5	65,5
Желание быть отцом или матерью	66,0	66,8

Социально-психологическая мотивация оказалась менее жизнеспособной, низкие показатели дал мотив рождения первенца («хочу быть отцом или матерью»). Социально-экономическая мотивация проявляется сильнее не только в побуждении к рождению детей, но и в побуждении жить как можно дольше.

И, наконец, в обследовании были определены ценности, способствующие намерению прожить как можно дольше. Сопоставление средних сроков ожидаемого жизненного пути выявило, что наибольшая величина витальных ожиданий как в группе 30-летних, так и в целом по массиву опрошенных, коррелирует со значимостью ценности общественной работы (75 лет), затем следуют по убывающей: один ребенок (73,8 года для всего массива и 77,3 для возраста 30—39 лет); двое детей (73,3 и 76,5 года); «хорошие товарищи, друзья» — 73 и 74,3 года; «содержательный досуг, веселое времяпрепровождение» — 72,1 и 76,7 года; «спокойная жизнь, постоянство достигнутого положения» — 72,9 и 74,2 года; «материальное благополучие» — 70,6 и 72 года; «хорошие жилищно-бытовые условия» — 70,3 и 72,3 года. Далее в списке следуют ценности, коррелирующие с продолжительностью жизненного пути менее 70 лет: «сознание того, что приносишь пользу людям» — 69,7 и 71,8 года; «здоровье» — 69,1 и 67,4 года; «интересная творческая работа» — 68,7 и 68,2 года. Обратим внимание, что ценность здоровья по самооценке дожития оказалась рядом с альтруистическими мотивами и потребностью в интересной и творческой профессиональной деятельности. Кроме того, здоровье как ценность оказалось рассогласованным с намерениями прожить как можно дольше. Обратим также внимание, что более высокие установки на продолжительность жизни пришлись на круг семейных ценностей и общения в ближайшем социальном окружении. Удивительно

также, что не ассоциируются с высокими показателями ожидаемой продолжительности жизненного пути занятия спортом — 69,8 года, турпоходы — 68,2 года. Наиболее высокие ожидаемые пороги дожития связаны с наличием у опрашиваемых автомашины, занятиями садом и огородом. По сути дела, за ориентацией на отдельные ценности просматриваются самостоятельные линии самосохранительного поведения. Здесь можно выделить группы «прагматиков», ориентированных на ценности материального и жилищно-бытового благополучия, «альтруистов», стремящихся отдать себя полностью служению ради пользы других людей либо работе, «замкнутых» на интересы поддержания собственного здоровья; просматривается группа «семьянинов», живущих ради семьи и своих детей. Из перечня, пожалуй, выпадают «традиционалисты» со своими фаталистическими установками и стремлениями «прожить как можно дольше» и «неограниченное число лет».

Рассмотрение линий самосохранительного поведения наталкивает на мысль о том, что часть из них совпадает с линиями репродуктивного поведения личности, представленными, например, в книге А. И. Антонова и В. М. Медкова «Второй ребенок» [11]. Авторы используют деление по степени проявления потребности в детях, а это значит — по аналогии, по степени проявления потребности в самосохранении. Некоторые линии ССП находят продолжение — трансформируются в мотивацию репродуктивного поведения. Это можно подтвердить мотивацией рождения первенца, когда у личности при наличии потребности еще отсутствует сам предмет потребности — нет опыта рождения собственного ребенка. Ситуация сходна с той, когда мы говорим об отсутствии опыта собственной смерти у личности. Мотивы рождения первенца в результате рационально выражены плохо, только небольшая группа опрошенных указывает на желание стать отцом (матерью). На наш взгляд, мотив рождения первенца диктуется соображениями самосохранения, особенно в браке. Не зря частота реализации первых беременностей почти полностью совпадает с их долей (84 %) в общем числе беременностей по результатам выборочных обследований [12]. В связи с этим необходимо в будущем исследовать проблему обусловленности линий репродуктивного поведения самосохранительным поведением личности. Пока ясно одно: в сознании человека имеет место четко выраженная ориентация на продолжительность своего жизненного пути, его этапы и присущие ему ценности.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Урал обладает уникальным опытом демографического развития семьи в период исторического перехода от традиционного режима замещения поколений в населении к современному. По европейским меркам население Урала вступило в процесс демографической транзиции сравнительно поздно — в середине 20-х годов XX столетия, но прошло путь к современному «экономичному» типу воспроизводства населения в сжатые исторические сроки под влиянием интенсивной индустриализации края.

На начальной стадии демоперехода особым было положение не только крестьянской, но и горнозаводской рабочей семьи, долгое время хранившей традиции многодетности. Индексы Коула, высокий уровень суммарной рождаемости (в 20-е годы 6,9 рождений на женщину условного поколения за всю ее жизнь), величины общих коэффициентов не ниже уровней гипотетического минимума естественной рождаемости (В. А. Борисов), высокие частоты рождаемости у замужних женщин и другие показатели свидетельствуют об этом. На начальном этапе демоперехода в регионе лишь семьи интеллигенции и служащих отличались среднедетностью.

Повышенный в сравнении с российскими показателями уровень младенческой и детской смертности, высокие потери в рабочих возрастах по эпидемиологическим причинам, из-за несчастных случаев и травм удерживали среднюю продолжительность жизни населения в городской и сельской местности региона на уровне 37 лет, резко сокращая демографическую судьбу и трудовой путь поколений.

Дальнейшее демографическое развитие региона под влиянием новых исторических волн миграции на Урал в 30-е годы и в военное время привело к увеличению его населения почти на 2 млн человек и способствовало формированию европейского типа демографического перехода. Однако процесс стабильного и плавного снижения смертности и затем рождаемости прерывался грубым вмешательством событий истории страны. Их деструктивное действие прямо и косвенно деформировало процесс демографического перехода и поведение его главного субъек-

тивного фактора — семьи. На ход демографического развития на Урале оказали влияние катаклизмы революции 1917 г., гражданской войны, включая голод 1921—1922 гг. Следует отметить повышение общего уровня смертности с 1933—1934 гг. до первых лет Отечественной войны. Отдельно выделяются демографические тренды прямых и косвенных потерь в период с 1942 по 1944 г., отмеченный спадом рождаемости, превышающим уровень смертности. Наметившийся демографический спад 1968—1970 гг. не перешел в кризис депопуляции, но повлек за собой через поколения современный (1991—1993 гг.) глубочайший демографический катаклизм со всеми атрибутами открыто идущей депопуляции, которая была усилена не только неблагоприятной социально-экономической конъюнктурой и депрессией, но и значительным оттоком населения из региона. В последовавший за переписью 1970 г. период отмечаются более чем 2-миллионное сальдо безвозвратной миграции и потери 3 млн человек в уральских селах. Характерно, что на протяжении демографического перехода основные катаклизмы преодолевались с помощью компенсаторных взлетов рождаемости. В настоящую депрессивную фазу демографического перехода этого может и не последовать.

Несмотря на коллизии истории, кривая роста численности населения Урала (в современных границах) повторила таковую быстро растущей массы населения планеты, увеличившись с периода неолита на Урале до 90-х годов XX века с 24—30 тыс. до 20 млн человек. Дальнейший рост оказался сегодня проблематичным.

Исторические события не только сдерживали темпы демографического перехода и его завершенность, особенно в части преобразования структуры смертности, но и мешали начавшимся было изменениям семейной структуры. Социально-экономические условия и жесткая тоталитарная политика в отношении семьи, миграции населения, коллективизация, отмена деления земли по едокам, уничтожение церковного брака, борьба с православием, католицизмом, мусульманством и сектами, «принуждение» к деторождению через запреты абортов и ужесточение правил развода, уравнительная система пенсионной поддержки пожилых, престарелых, инвалидов, массовое вовлечение женщин в сферу общественного производства предопределили снижение социально-экономической ценности детей в семье на фоне неизменно высокой эмоционально-психологической ценности малышей для родителей. Смена психологических установок, аттитьюдов на число, пол, сроки рождения детей в семье и вне брака в различных этнодемографических средах Урала происходила неодинаково быстро. Наиболее традиционными устойчивыми установками и мотивацией деторождения обладает угротюркская группа народов. Появившаяся статистика смертности по национальному признаку обнаружила и различия в уровнях

дожития, что позволяет сделать вывод о дифференциации этнодемографических аттитьюдов и менталитета как в отношении к браку, числу жен, возможности развода, так и в представлениях о продолжительности предстоящего жизненного пути и смерти.

Важнейшие аспекты самосохранительного поведения россиян практически не изучены. Однако проведенное обследование обнаружило ярко выраженные в уральских ареалах аскетизм, фатализм и архаичную структуру самосохранительного поведения с чертами плохой осведомленности людей об истинном положении дел с уровнем дожития (особенно у мужчин).

В свою очередь проблемы самосохранительного поведения и смысла жизни оказались замкнутыми на ценности семьи, детей, а не только хорошего самочувствия и здоровья. В настоящее время восстанавливается подлинная картина эколого-демографической драмы в регионе, что заставляет продолжить исследования в области самосохранительного поведения и состояния демографической среды в историческом аспекте.

Идет дальнейшее увеличение разрыва в средней продолжительности жизни мужчин и женщин (с 4,5 лет в 1926 г. до 11 — в 1989 г.). Прекращение брака в большинстве зависит от смертности супругов (особенно в сельской местности Урала), а не от частоты разводов, несмотря на высокий уровень последней. В процессе рассмотрения демографической транзиции на Урале подтвердилась гипотеза Дж. Колдуэлла о том, что изменение в отдаче потока материальных, культурных и психологических благ и ценностей от детей к родителям и односторонняя поддержка родителями детей имеют для величины репродуктивных ожиданий губительные последствия, как и неблагоприятные ситуативные и конъюнктурные оценки самочувствия и удовлетворенности жизнью. Потребность в детях катастрофически убывает, в то время как важнейшие проблемы снижения смертности в регионе мешают завершенности демографического перехода в данных социально-экономических и политических условиях.

Основной итог этого движения — стадия ярко выраженной демографической депрессии, дополняющей общую картину социально-экономической депрессивности Урала. Прямым демографическим последствием всей суммы слагаемых социально-демографических факторов являются депопуляционная тенденция и нарастающее постарение населения (доля послерабочих возрастов увеличилась за 1926—1989 гг. с 9,3 до 17,8 %, а дорабочих упала с 39,4 до 25,2 %). Каждая вторая семья практически отложила рождение второго ребенка до лучших времен, общая частота смертности заметно выросла. Низкая доля пожилых и детей в регионе (92 человека в расчете на 100 трудоспособных в 1897—1939 гг., 72 в 1959 г.) вновь выросла до 77 в 1989 г. и продолжает расти.

Таким образом, демографическое поведение семьи в настоящее время вместе с действием структурных факторов привело к возникновению ранее не известного для уральских территорий долговременного режима замещения поколений. В этих условиях потребуются принципиально новые подходы к демографической политике и политике занятости, новый тип выработки решений в сфере управления процессами движения населения и его социальной защиты.

SUMMARY

The Urals has a unique experience of demographic family growth during the period of historic transition from the traditional regime of generation change among population to modern one.

In comparison with other European countries the population of the Urals experienced the process of demographic transition relativety late, i. e. in the middie of 1920s of 20th century.

Nevertheless, the intensive industrialization of the area influenced the changing of reproduction type. Consequently, the population of the Urals had worked its way up to the modern «economical» reproduction type for the shortest historic period of time of the Soviet period. At the primary stage of demographic transition not only peasant but mining and metallurgical working family, used to having many children, had a specific position. Coale indexes, high level of total birth-rate (6,9 births per woman of a conventional society for a whole period of her life in 1920s) and quantities of total ceofficients are not lower than levels of hypothetical minimum of natural birth-rate (V. A. Borisov). High birth-rate frequency characteristic of married women and other evidences prove this fact. At the primary stage of demographic transition in the region only families of intelligentia and office workers may boast of having average number of children.

Higher than Russian indexes, level of infant's and children's mortality, considerable losses among people of working age, because of epidemiologies, accidents and injures kept the average life length of population in towns and villages of the regions not more than 37 years. This fact shortened demographic fate and labour way of generations.

The further demographic development of the region had been influenced by historic migration streams directed to the Urals during the period of 1930s and war period. It resulted in the population increase for more than 2 million people and provided for the formation of European tyre of demographic transition.

Nevertheless, process of stable and smooth mortality decline and

later of birth-rate had been interrupted by severe interference of various historic events. Their destructive influence deformed the process of demographic transition and behaviour of a family as the main subjective factor in direct and indirect way. In the history of demographic transition in the Urals cataclysms of revolution of 1917 of the Civil War including famine of 1921—1922 can be clearly singled out. One should note the growing general level of mortality from 1933—1934 up to the beginning of the Great Patriotic War. We can also single out demographic trends of direct and indirect losses during the period of 1942—1944 marked by birth-rate slowdown which was lower than level of mortality decrease. Initial demographic slowdown of 1968—1970 did not turn into the crisis of depopulation but resulted in modern deepest demographic cataclysm with all signs of clearly seen depopulation. This depopulation was strengthened by not only unfavourable social-economic situation and depression but also by significant emigration of population. After-census of 1870 period was marked by more than 2 million saldo of irretrievable migration and loss of 3 million of Ural peasants. It is significant that during the period of demographic transition the main cataclysms were overcome with the help of compensated leaps of birth-rate. During the present period of demographic transition this situation is not necessary to follow.

Despite of historical collisions the curve of Ural birth-rate growth repeated a type of quickly-growing world population and increased from 40—60 thousand up to 20 million people during the timeperiod from Ural neolit till 90s 20th centuries. The further growth is now problematic.

Historical collisions prevented not only the development of demographic transition and its completion, especially concerning transformation of mortality structure but hindered the changes in family structure of population and internal-family model of relations which has just begun. Social-economic conditions and strict totalitarian policy concerning family and migration of population, Collectivization of 30s, abolition of land division according to guantity of family members, destruction of church marriage, struggle against orthodox, Catholicism, Moslemism and sects, «compulsion» to childbirth through abolition of abortions and strict divorce regulations, levelling system of pension provision for the aged (invalids), ban on teenagers' labour, mass involvement of women into sphere of only legal economic activity of social production (generally in dangerous industries) predetermined the decrease of children's social-economic value against the background of always high emotional-psychological value of yuongsters for their parents. The change in psychological orientation, attitudes to number, sex, the dates of child's birth in a family and out of wedlock in different ethno-demographic spheres of the Urals had not the same speed. The Ugro-Turkic group of peoples has the most traditionally steady orientations.

The statistics of mortality according to nationality showed the differences between the levels of mean average life. Hence, there is a conclusion about differentiations of ethnic, demographical attitudes and mentalitet regarding the length of future life and ideas of death. The most important aspects of Russian self-preservation behaviour are practically not studied yet. Nevertheless, the research had discovered clearly expressed in the Urals areas asceticism, fatalism and archaic structure of self-preservation behaviour with clearly expressed sighs of poor knowledge of real state of things concerning levels of mean expected life (especially by men).

In its turn, the problems of self-preservation behaviour and meaning of life concerned not only good general conditions and health but value of family and children. At present we have a true picture of ecological-demographical drama in the region. That makes us continue the researches in the sphere of self-preservation behaviour and the state of demographic environment, just in historical aspect. There is a growing increase in average life lenght of men and woman (from 4,5 years in 1926 till 11 years in 1989).

The marriage interruption depends much on mortality of husbands and wives (especially in the Ural country-place) but not on frequency of divorces, despite the high level of the latter one. While examining the demographic transition in the Urals J. Caldwell's hypothesis about the changing transfer of material, cultural and psychological behefits and values from children to their parents and «one-sided» support of children by their parents negatively affects the amount of reproduction expectations, as well as situational and conjuncture estimation of general conditions and satisfaction with life. The need for children (V. A. Borisov) decreases catastrophically, while the most important problems of mortality reduction in the region intefere with the completion of demographic transition under the present social-economic and political conditions.

The main result of this movement is the stage of clearly expressed demographic depression, in addition to the general picture of social-economic depressivity in the Urals. A direct demographic consequence of the whole complex of social-demographic factors is depopulation tendency and growing ageing of the population (share of post-labour age increased for the period of 1926—1989 from 9,3 to 17,8 % and pre-labour age groups decreased from 39,4 to 25,2 %). Every second family practically cancelled the second child's birth till «better times», total mortality frequency increased much. The economical amount of work to be done by labour age group became better because of birth-rate slowdown and of low share of the aged and children in the

region in 1897—1939 from 92 people per 100 of the able-bodied to 72 people in 1959 and grew again to 77 in 1989 and this growth still continues.

Thus, now demographic family behaviour, together with the influence of structural factors formed a long-termed regim of substitution of generations. This regim is absolutely new for the Ural territories. These condition demand for principally new approaches to demographic and employment policies, a new type of working out decisions in the sphere of control over processes of population movement and its social protection.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О неотложных мерах по изучению населения и демографических перспектив Российской Федерации». № 4182-1. Москва, 22 декабря 1992 г. М., 1992.

2. Указ Президента Российской Федерации «О повышении размеров социальных пособий и компенсационных выплат в 1992 г.» Москва, 21 мая 1992 г. // Уральский рабочий. 1992. 23 мая.

3. Постановление правительства Российской Федерации «О неотложных мерах по улучшению положения детей в Российской Федерации». № 610. Москва, 21 августа 1992 г. // Экономическая газета. 1992. № 37.

4. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о занятости населения в РСФСР. 19 апреля 1991 г. М., 1991.

5. Авдеев А. А. Демографические аспекты планирования семьи // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988.

6. Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И. Мотивы самоубийств // Социологические исследования. 1987. № 6.

7. Андреев Е., Бирюков В., Шабуров К. Сколько всего живут шахтеры // Экономика и жизнь, 1990. № 32.

8. Анищенко В. П. Проблема ценности в демографии: Дисс. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1991.

9. Антонов А. И. Репродуктивные установки и их изучение // Демографическая ситуация в СССР. М., 1976.

10. Антонов А. И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980.

11. Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987.

12. Антонов А. И., Медков В. М. Условия жизни семьи с детьми и репродуктивная мотивация в крупнейшем городе (по данным исследования «Москва — 76») // Урбанизация и демографические процессы. М., 1982.

13. Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. К проблеме изучения формирования демографических установок в процессе социализации детей подростков // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Прогнозирование социально-экономического развития и демографических процессов в условиях НТП». Ереван, 25—27 мая 1988 г. Секция 3. М., 1988.

14. Архангельский В. Н. О некоторых подходах к поиску путей достижения среднедетности // Проблемы демографического развития СССР. М., 1988.

15. Архангельский В. Н. Репродуктивные ориентации и их детерминация в городских семьях (по материалам социолого-демографического исследования «Дети в городской семье») // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988.

16. Ата-Мурзаев О. Многодетная женщина: социально-демографический анализ // Женщина на работе и дома. М., 1978.

17. Бабин Е. Б. О некоторых результатах экспертного опроса «Перспективы увеличения средней продолжительности жизни в СССР к 2000 году» // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Прогнозирование социально-экономического развития и демографических процессов в условиях НТП». Ереван, 25—27 мая 1988 г. Секция 2. М., 1988.

18. Баткис Г. А. Анамнестический метод в демографической статистике. М.: Политиздат, 1959.

19. Баткис Г. А. Вопросы санитарной и демографической статистики. М.: Статистика, 1964.
20. Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и статистика, 1984.
21. Белова В. А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975.
22. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерк демографической истории Франции. М.: Наука, 1991.
23. Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1987.
24. Бойко В. В. Малодетная семья: социально-психологическое изучение. М.: Статистика, 1980.
25. Бойко В. В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. 2-е изд. М.: Мысль, 1988.
26. Бойко В. В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985.
27. Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР: этнодемографический аспект. М.: Статистика, 1977.
28. Бондарская Г. А. Рождаемость у народов СССР // Сто наций и народностей. М., 1985.
29. Борисов В. А. Воспроизводство населения СССР: тенденции и перспективы // Демографическое развитие в СССР. М., 1985.
30. Борисов В. А. Еще одна дата возникновения теории демографической революции // Социол. исследования. 1987. № 3.
31. Борисов В. А. Нужен ли прирост населения? // Семья и школа. 1989. № 3.
32. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.
33. Борисов В. А., Антонов А. И. Наше счастье в детях // Демографы думают, спорят, советуют. М., 1981.
34. Борисов В. А., Киселева Г. П., Лукащук Ю. М., Синельников А. Б. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М.: Наука, 1987.
35. Бруханский Н. П. Самоубийство. Л., 1927.
36. Буриева М. Изучение плодовитости женщин в узбекских семьях // Городская и сельская семья. М., 1987.
37. Бюджет молодой семьи // Вестн. статистики. 1987. № 3.
38. Василюк Е. Ф. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: МГУ, 1984.
39. Веденеева И., Феклистов Ю. Шаг последний // Огонек. 1989. № 3.
40. Величкин В. И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936.
41. Верб М. С. Любовь и семья в XX веке. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988.
42. Вишев И. В. Радикальное продление жизни людей: социальные, естественные, философские и нравственные аспекты. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988.
43. Вишневский А. Г. Витальные отношения и динамика продолжительности жизни // Социальная сфера. Преобразование условий труда и быта. М., 1988.
44. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.
45. Вишневский А. Г. Два исторических типа демографического поведения // Социол. исследования. 1987. № 6.
46. Вишневский А. Г. Демографические отношения и общество // Вопр. философии. 1984. № 4.
47. Вишневский А. Г. Демографическая политика и демографический оптимум // Демографическая политика. М., 1974.

48. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.
49. Вишневский А. Г. Демографическая революция в СССР // Поиск ведут демографы. М., 1985.
50. Вишневский А. Г. Демографическая революция и будущее рождаемости и смертности в СССР // Наше будущее глазами демографа. М., 1979.
50а. Вишневский А. Г. Методы количественного анализа рождаемости // Методы исследования. М., 1986.
51. Вишневский А. Г. О мотивационной основе рождаемости // Демографическое развитие семьи. М., 1979.
52. Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
53. Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью // Философ. науки. 1978. № 6.
54. Вишневский А. Г. Человеческий фактор в демографическом измерении // Коммунист. 1986. № 13.
55. Вишневский А. Г. Эволюция прокреационных отношений и тенденций рождаемости в СССР // Социальная сфера: преобразование условий труда и быта. М., 1988.
56. Вишневский А., Захаров С. Неперспективная Россия? // Рабочая трибуна. 1990. 24 августа.
57. Вишневский А., Шукайло В. О взаимозависимости демографического и экономического роста // Народонаселение: население и экономика. М., 1973.
58. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973.
59. Волков А. Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986.
60. Волков А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестн. статистики. 1989. № 7.
61. Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. Всесоюзный симпозиум. Москва, 24—26 ноября 1966 г. М.: МГУ, 1969.
62. Воробьева А. В. Развитие социально-демографических исследований в США // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988.
63. Воспроизводство населения СССР / Под ред. А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983.
64. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел III. М.: Планхозгиз, 1930.
65. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Изд-во АН СССР, 1991.
66. Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Биология продолжительности жизни. М.: Наука, 1991.
67. Гельфанд В. С. Группировки браков по национальности новобрачных // Семья как объект социально-демографических исследований. Свердловск, 1984.
68. Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984.
69. Говако Б. И. Студенческая семья. М.: Мысль, 1988.
70. Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904.
71. Горелик В. П. Влияние социально-экономических факторов на генеративную деятельность населения // Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы. Киев, 1972.
72. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 114—135.
73. Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в неврологии. Л., 1947.

74. Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М., 1979.
75. Демографический ежегодник. 1990: Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.
76. Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1990.
77. Дэвис К. Социология демографического поведения // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1965.
78. Дюркгейм Э. Самоубийство. Спб., 1912.
79. Елизаров В. В. Перспективы исследования семьи. М.: Мысль, 1987.
80. Журавлева И. В. Здоровье и самосохранительное поведение // Население и общественное развитие. Кн. 2. М., 1988.
81. Зайченко А. С. США — СССР: личное потребление (некоторые сопоставления) // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12.
82. Зверева Н. Как изучать многодетность // Городская и сельская семья. М., 1987.
83. Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1982.
84. Зенкин С., Малинка В. Хоть не женись... // Комсомольская правда. 1989. 2 марта.
85. Злобина И. В., Пихоя Р. Г. Семья на Урале в XVIII — первой половине XIX в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблемы взаимодействия. Свердловск, 1986.
86. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982.
87. Ислам в СССР: особенности процесса секуляризации в республиках Советского Востока / Под ред. Э. Г. Филимонова. М.: Мысль, 1983.
88. Исломов С. И. Особенности репродуктивного поведения таджикской семьи // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.
89. Исломов С. И. Развитие типов семей и рождаемость сельского населения Таджикистана // Городская и сельская семья. М., 1987.
90. Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13—14 мая 1992 г. М., 1992.
90а. История населения СССР. 1920—1959 гг. М.: Госкомстат СССР, 1990 (Экспресс-информация; Сер. История статистики. Вып. 3—5. Ч. 1).
91. Кабузан В. М. Население Урала в 20—60-х гг. XVIII в. Численность, размещение, этнический состав // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990.
92. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1989.
93. Каткова И., Маматохунова А. Некоторые аспекты формирования современных многодетных семей // Демографическая ситуация в СССР. М., 1976.
94. Киселева Г. П. Новые методические подходы в изучении демографических процессов в СССР // Население и общественное развитие. Кн. 2. М., 1988.
95. Китагава Э. Социально-экономические различия в смертности в США и их значение для демографической политики // Изучение продолжительности жизни / Под ред. Е. М. Андреева и А. Г. Волкова. М., 1977.
96. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.
97. Козлов В. И. О некоторых аспектах демографической теории. К разработке демографической политики СССР // Демографическая политика в СССР. М., 1983.
98. Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977.
99. Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982.
100. Козлов В. И., Комаров О. Д. Изменение численности народов СССР // Сто наций и народностей. М., 1985.
101. Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988.

102. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
103. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
104. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988.
105. Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
106. Конончук Н. В. Формирование острых суицидальных реакций в зависимости от особенностей жизненного пути пациентов // Журнал невропатологии и психотерапии им. С. С. Корсакова. 1981. Вып. 12.
107. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990.
107а. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993.
108. Коростелев Г. М. Некоторые социально-философские вопросы управления демографическим поведением // Проблемы формирования и развития населения Урала. Свердловск, 1977.
109. Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М.: Статистика, 1970.
110. Котик М. А. Психология безопасности. Таллинн: Валгус, 1981.
111. Красноперов Е. И. Очерки экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи населения. Пермь, 1880.
112. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971.
113. Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Южнева М. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970 гг.). М.: Наука, 1974.
114. Кузьмин А. И. Мотивы репродуктивного поведения в молодых семьях города и села // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988.
115. Кузьмин А. И. Прошлое и настоящее рабочей семьи на Урале (анализ репродуктивного поведения) // Уральские социологические чтения. Вып. II. Уфа, 1984.
116. Курсаков Н. К., Бояршинова Н. П. Здоровье населения города Свердловска. Свердловск, 1968.
117. Лармин О. В. Демография и социология // Место демографии в системе наук. М., 1975.
118. Лебедев Ф. Н. К вопросу о показателях плодовитости // Сборник статей по статистике Урала. Свердловск, 1927.
119. Лебедев Ф. Н. Семья и социальный состав населения городов Урала. Свердловск, 1930.
120. Лебедев Ф. Н. Территория и население // Уральское хозяйство в цифрах: социальная статистика. Вып. 1. Свердловск, 1930.
121. Ленин В. И. Рабочий класс и неомальтузианство // Полн. собр. соч. Т. 23.
122. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
123. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
124. Лисицин Ю. П., Сахно А. В. Здоровье человека — социальная ценность. М.: Мысль, 1988.
125. Литературная газета, 18 декабря 1974.
126. Маркс К. Экономические рукописи. 1857—1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1.
127. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
128. Марченко О. В. Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
129. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. М., 1982.

130. Материалы симпозиума по суицидологии. Москва, 27 ноября — 5 декабря 1978 г. // Журнал невропатологии и психотерапии им. С. С. Корсакова. 1980. Т. 80, вып. 11.

131. Мацковский М. С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989.

132. Мерхалев Д. Н. Демографические показатели в крестьянской семье // Сборник статей по статистике Урала. Свердловск, 1927.

133. Микулов А. А. Активное долголетие. М.: Физкультура и спорт, 1977.

134. Миловидов А. Экономико-демографические итоги жизни одного поколения (на примере поколения 1950 года рождения) // Вестн. статистики. 1989. № 12.

135. Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьянства в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

136. Мозель Х. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 1. Спб., 1864.

137. Мокеров И. П. Изучение факторов движения населения // Региональные особенности движения населения Урала. Свердловск, 1980.

138. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1990.

139. Монтень М. Об искусстве жить достойно. Философские очерки. М.: Дет. литер., 1973.

140. Москаленко А. Т., Сержантов В. Ф. Смысл жизни и личность. Новосибирск: Наука, 1989.

141. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Краткий справочник. М.: ЦСУ, 1924.

142. Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988.

143. Народонаселение стран мира: Справочник. М.: Финансы и статистика, 1984.

144. Население мира: Демографический справочник / Сост. В. А. Борисов. М.: Мысль, 1989.

144а. Население России и СССР: Новые источники и методы исследований. Екатеринбург, 1993.

145. Население СССР. 1987 год: Статистический справочник. М.: Финансы и статистика, 1988.

146. Нижарадзе Т. Некоторые аспекты репродуктивного поведения сельской семьи в Грузии // Городская и сельская семья. М., 1987.

147. Нифантова Р. В. Экономико-демографический анализ смертности и средней продолжительности жизни населения // Особенности воспроизводства и миграции населения на Урале. Свердловск, 1986.

148. Новицкий А. Г., Миль Г. В. Занятость пенсионеров: социально-демографический аспект. М.: Финансы и статистика, 1981.

149. Новосельский С. А. Демография и статистика: Избр. произв. М.: Статистика, 1978.

150. Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972.

151. Олпорт Г. Принцип «редукции напряжения» // Психология личности. Тексты. М., 1982.

152. Орлова Е. Объект анкетного обследования — семья // Вестн. статистики. 1989. № 9.

153. Осколкова О. Б. Современные демографические тенденции. Развитые капиталистические и развивающиеся страны. М.: Наука, 1984.

154. Отношение человека к здоровью и продолжительности жизни / Отв. ред. И. В. Журавлева. М.: Изд. ИС АН СССР, 1989.

155. Павлик З. О характере демографии // Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе: Матер. всесоюз. конф. Киев, 1973.

156. Паевский В. В. Вопросы демографической и медицинской статистики: Избр. произв. М.: Статистика. 1970.

157. Пахл Л. Демографическая политика в Чехословакии // Политика народонаселения в странах СЭВ. М., 1977.

158. Переведенцев В. И. Какие мы? Сколько нас? М.: Мысль, 1989.

159. Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М.: Высш. шк., 1982.

160. Петленко В. П. Философские вопросы соотношения нормы и патологии // Основные философские вопросы биологии и медицины. Л., 1967.

161. Петраков А. А. Демографический мир семьи. Ижевск: Удмуртия, 1988.

162. Петраков А. А. Сельская семья и дети. Проблемы демографического развития. Ижевск: Удмуртия, 1983.

163. Петраков А. А. Социология городской семьи: демографическое поведение (с использованием материалов по Удмуртской АССР). Ижевск: Удмуртия, 1981.

164. Петраков А. А. Социальная обусловленность уровня рождаемости: на материалах социологических исследований рождаемости в Башкирской и Удмуртской АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975.

165. Петрушова А. А., Шибут Л. В. Демографическая политика в области сельской семьи в условиях агропромышленной интеграции. Саратов, 1988.

166. Пискунов В. П., Стешенко В. С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества // Демографические тетради. Киев, 1972. Вып. 6—7.

167. Побережников И. В., Томилов А. Г. Переписные книги как источник по истории населения уральских слобод начала XVIII в. // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992.

168. Подлужная М. Я. Факторы и динамика рождаемости: по материалам Пермской области // Региональные особенности движения населения Урала. Свердловск, 1980.

169. Подлужная М. Я. Медико-социальные аспекты санитарно-демографических процессов (по данным специального исследования за 1959 — 1978 гг. на территории Западного Урала): Автореф. дис. ... докт. мед. наук. Пермь, 1980.

170. Полные таблицы смертности населения Уральской области. Свердловск, 1929.

171. Пономарев Д. И. О понятии демографического поведения // Проблемы социологии народонаселения. Свердловск, 1973.

172. Постовалова Л. И. Исследование самоубийств и превентивная служба в капиталистических странах // Социол. исследования. 1978. № 2.

173. Прангишвили А. С. Психологические очерки. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

174. Проблемы народонаселения КНР. Пер. с кит. и англ. / Сост. Е. С. Баженова, А. П. Судоплатов. М.: Прогресс, 1989.

175. Проблемы социально-политической истории Урала XIX — начала XX в. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1991.

176. Рашин А. Г. Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX — начале XX в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34.

177. Рашин А. Г. Население России за 100 лет: Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956.

178. Робер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М.: Прогресс, 1988.

179. Россет З. Процесс старения населения: Демографическое исследование. М.: Статистика, 1968.

180. Рубин Я. И. Детность семьи в свете концепции ускорения // Демо-

графические аспекты ускорения социально-экономического развития: Тез. докл. науч. конф. Харьков, 27—29 октября 1987. Киев, 1987. Ч. II.

181. Рубин Я. И. Что же в конечном счете изучает демография? // Демографические тетради. Киев, 1972. Вып. 4—5.

182. Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983.

183. Рыбаковский Л. Л., Захарова О. Д. Репродуктивное поведение: концепции и возможности воздействия. Второй советско-французский семинар. Суздаль, 15—19 сентября 1986 г. М., 1986.

184. Рыбников М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

185. Рябушкин Т. В., Галецкая Р. А. Динамика и структура населения в социалистическом обществе. М.: Статистика, 1979.

186. Сахно А. В. Здоровье человека — социальная ценность. М.: Мысль, 1989.

187. Свидетельствует пресса // Аргументы и факты. 1989. № 5.

188. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.

189. Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990.

190. Сиверцева Т. Ф. Семья в развивающихся странах Востока: Социально-демографический анализ. М.: Наука, 1990.

191. Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР. М.: Наука, 1989.

192. Синельников А. Б. Характер связи между детностью семьи и прочностью брака // Рождаемость: социальные и демографические аспекты. М., 1988.

193. Синельников А. Б. Число детей в советской семье // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.

194. Смулевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политика народонаселения. М.: Соцэкгиз, 1959.

195. Сови А. Общая теория населения: В 2-х т. М.: Прогресс, 1977.

196. Соколова Н. С. О влиянии детской смертности на динамику рождаемости // Сов. здравоохранение. 1967. № 2.

197. Стешенко В. С. Демография в современном мире. М.: Статистика, 1978.

198. Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде // Проблемы экономики труда: Избр. произв. М., 1964.

199. Струмилин С. Г. Проблемы населения и «закон Мальтуса» // Проблемы социализма и коммунизма: Избр. произв. М., 1965.

200. Судоплатов А. П. Современная буржуазная демография. М.: Мысль, 1988.

201. Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлев. М., 1989.

202. Сусоколов А. А. Межнациональные браки // Сто наций и народностей. М., 1985.

203. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М.: Финансы и статистика, 1983.

204. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981.

205. Тайлор Э. В. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.

206. Титаренко А. П. К вопросу об исследовании причин снижения детской смертности // Демоэкономические исследования. Киев, 1980.

207. Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М.: Статистика, 1973.

208. Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

209. Тольц М. С. Взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.

210. Тольц М. С. Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов // Методы исследования. Демография: проблемы и перспективы. М., 1986.

211. Топчилов С. А. Генеративная функция женщин в первые годы брака // Современные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Ижевск, 1972.

212. Топчилов С. А. К вопросу о регулировании рождаемости // Современные вопросы судебной медицины и экспертной практики. Ижевск, 1972.

213. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.

214. Устав Всемирной организации здравоохранения. Женева, 1968.

215. Уральское хозяйство в цифрах: социальная статистика. Свердловск, 1930. Вып. 1.

216. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963.

217. Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978.

218. Урланис Б. Ц. Народонаселение; исследования, публицистика. М.: Статистика, 1976.

219. Факторы и мотивы демографического поведения. Рига: Зинатне, 1984.

220. Фотеева Е. В. Семья в современном буржуазном мире. М.: Мысль, 1988.

221. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. Тексты. М., 1982.

222. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.

223. Фридмен Р. Современные представления о факторах плодовитости // Изучение мнения о величине семьи. М., 1971.

224. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.

225. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы: социально-демографическое исследование. М.: Статистика, 1978.

226. Хоменко А. П. Семья и воспроизводство населения: Избр. произв. М.: Статистика, 1980.

227. Цуладзе Г. Е. Социально-психологическое изучение рождаемости. Тбилиси, 1982.

228. Цуладзе Г. Е., Гокадзе З. О. Предпочитаемое число детей мигрантов в большом городе // Рождаемость: социальные и демографические аспекты. М., 1988.

229. Численный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.: Стат. сборник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1984.

230. Чуйко Л. В. Браки и разводы: демографическое исследование на примере Украинской ССР. М.: Статистика, 1975.

231. Чуйко Л. В. Функциональные изменения социалистической семьи в системе институтов воспроизводства населения // Демографическая политика: осуществление и совершенствование в условиях развитого социализма. Киев, 1982.

232. Шаров В. Мала ли земля для малых народов? // СССР: демографический диагноз. М., 1990.

233. Шендерецка А. Учительская семья: социально-демографический анализ // Семья сегодня. М., 1979.

234. Шингаров Г. Х., Мельников Г. В. Здоровье как психосоматическая проблема // Общественные науки и здравоохранение. М., 1987.

235. Шулюкина Н. Влияние женской занятости на рождаемость в развивающихся странах // Население мира. М., 1982.

236. Экономика страны: Итоги года // Известия. 1990. 29 января.

237. Языком цифр // Аргументы и факты. 1992. № 18. С. 1.

238. Ярошевский Т. М. Личность и общество. М.: Прогресс, 1973.

239. Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. // История СССР. 1957. № 1.

240. Bagozzi R., Van Loo M. Toward a general theory of fertility: A causal modeling approach // Demography. 1978. V. 15, N 3.

241. Bulatalo R. Values and disvalues of children in successive childbearing decisions // Demography. 1981. V. 18, N 1.

242. Caldwell J. C. The control of family size in tropical Africa // Demography. 1968. V. 5, N 2.
243. Caldwell J. C. Theory of fertility Decline. L.; N. Y.: Press, 1982.
244. Caldwell J. C. Toward a restatment of demographic transition theory // Population and Development Review. 1976. V. 2, N 3—4.
245. Caldwell J. C. The socio-economic explanation of high fertility. Canberra, 1986.
246. Caldwell J. C., Ruzicka L. T. The Australian fertility transition // Population and Development Review. 1978. V. 4. (1).
247. Card J. The mailleability of fertility-related attitudes and behavior in a filipino migrant sample // Demography. 1978. V. 15, N 4.
248. Coombs L., Freedman R. Some roots of reference: Roles, activities and familial values // Demography. 1979. V. 16, N 3.
249. Davis K. Low fertility in evolutionary perspective // Below-replacement fertility in industrial society: Couses, consequences, policies // Supplement to Population and Development Review. 1986. V. 12.
250. Fowcett J. T. The value and cost of the first child // The first child and family formation. Caroline Population Center, 1978.
251. Hawthorn G. The sociology of fertility: Lecture in sociology in university of Essex. 1970.
252. Hoffman J., Thornton A., Manis J. The value of children to parents in the united States // Population and Development Review. 1978. V. 1, N 2.
253. Maslow A. H. Motivation and personality. N. Y.: Harper and Brother's, 1959.
254. Prestor S. H. Changing value and falling bith rates // Population and Development Review. 1986. V. 12.
255. The Decline of fertility in Europe: The Revised proceeding of a conference on the Princeton European Fertility Project. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1986.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава 1. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕМЬИ НА УРАЛЕ 11

1.1. Динамика воспроизводства населения Урала 11
1.2. Эволюция демографического поведения семьи 34
1.3. Анализ причин снижения рождаемости на Урале 48
1.4. Семейная структура населения и этническая среда 61

Глава 2. МОТИВЫ МАЛОДЕТНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СЕМЬИ 86

2.1. Ценность детей и мотивы рождаемости в малодетной семье 86
2.2. Этнодемографические аспекты репродуктивного поведения 103
2.3. Внутрисемейная ситуация и репродуктивные планы супругов 137

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И СЕМЬИ 161

3.1. Эволюция представлений о смерти . . . 161
3.2. Основная направленность самосохранительного поведения 169
3.3. Социально-демографическая среда суицида 186
3.4. Мнения о продолжительности жизненного пути 203

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ 219

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 225